84(4Рос)
М14

А. Н. МАЙКОВЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

СЪ КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ И ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

ДЕВЯТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ П. В. БЫКОВА

ТОМЪ ТРЕТІЙ

тическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

ПОЭМЫ.

I.

ОЛИНѲЪ и ЭСѲИРЬ.

Римскія сцены временъ пятаго вѣка христіанства.

Di abeunt...

Римская имперія, распространивъ свои владѣнія въ трехъ извѣстныхъ ей частяхъ свѣта, сдѣлалась средоточіемъ и представительницею всего древняго міра. Это былъ огромный бассейнъ, въ которомъ слилось и смѣшалось безчисленное множество ручьевъ. Вмѣсто разныхъ народовъ и государствъ, явилось одно человѣчество подъ названіемъ римскихъ гражданъ: престолъ римскаго императора былъ источникомъ законовъ вселенной, пантеономъ—ея храмомъ.

Вдругъ, посреди этого міра, является малочисленное общество, которое дерзаетъ возстать на колоссъ, воздвигнутый вѣками; возстать безъ меча и войскъ, ополчившись однимъ словомъ, однимъ свѣтомъ. То были христіане. Два діаметрально противоположныя начала не могли остаться въ мірѣ: чувственность и духовность, жизнь внѣшняя и внутренняя, явились во враждѣ, въ противодѣйствіи, въ борьбѣ на жизнь и смерть. Чувственность выразилась въ пластическомъ Римѣ, въ его огромности, въ его роскоши, въ его древнемъ форумѣ, ратныхъ станахъ, циркахъ, театрахъ, баняхъ — посреди которыхъ протекала жизнь его гражданъ, жизнь по преимуществу общественная; духовность—въ обществѣ христіанскомъ, въ созерцаніи Божества и духа, въ добродѣтеляхъ мира, въ жизни домашней.

Слѣдующія сцены суть опытъ изобразить противоположность этихъ началъ.

I.

Квиринъ, Олинѳъ.

ОЛИНѲЪ.

Созрѣло доблестное дѣло;
Но, другъ, ни крови ни огня
Душой теперь не жажду я.
Пришелъ конецъ попыткѣ смѣлой—
Его бъ отсрочить я желалъ!

КВИРИНЪ.

Давно тебя, я замѣчалъ,
Снѣдаютъ тайныя печали.
Послушай, вмѣстѣ мы видали
Съ твоимъ отцомъ и стана дымъ
И ужасъ битвъ. Отцовъ знамена

[illegible] дальнихъ Альбіона
[illegible] водружали вмѣстѣ съ нимъ.
Но, при измѣнѣ Констатина,
Поборникъ предковъ удаленъ
Въ изгнанье. Тамъ, кончаясь, онъ
Мнѣ поручилъ младенца-сына.
Ты взросъ при мнѣ; дитя, игралъ
Моимъ мечомъ, стрѣлою бранной;
И, рано къ мести предызбранный,
Свой духъ ты въ играхъ укрѣплялъ.
И что жъ?.. Оставить все: и мщенье
И завѣщаніе отца?

ОЛИНѲЪ.

Нѣтъ... Но и стараго бойца
Въ иные дни мутитъ сомнѣнье.

КВИРИНЪ.

Повѣрь мнѣ, опытность зорка:
Не скрыть отъ взоровъ старика
Движеній юности. Давно ли
Ты бредилъ чудной красотой
Аглаи?.. Какъ орелъ больной
Впервые ты чуждался воли!
А нынѣ... ты ее забылъ.
А отчего? Иль разлюбилъ?

ОЛИНѲЪ.

Не знаю.

КВИРИНЪ.

Милый мой, Аглая
Забыта, и любовь иная
Въ твоей груди.

ОЛИНѲЪ.

Ты угадалъ!

КВИРИНЪ.

О, юность! Женскій ликъ тобою
Играетъ вѣкъ, какъ вѣтръ травою,
Какъ челномъ прихотливый валъ!

ОЛИНѲЪ.

Да, я люблю. Любви чудесной
Познавалъ я гибельную власть.
Но это—не простая страсть:
Огонь таинственный, безвѣстный!
Я прежде женщину любилъ;
Я побѣждалъ, я счастливъ былъ;
Теперь не то: благоговѣю

Предъ этой дѣвою... Ищу
Ее вездѣ, но передъ нею
Въ невольномъ ужасѣ нѣмѣю,
Какъ предъ богиней трепещу.
Напрасно мужество и силы
Зову я: взглядъ, единый взглядъ,
И гнѣвный образъ дѣвы милой,
Какъ льва порывъ мой укротятъ.
Такъ, если бъ скиѳъ, сынъ стени льдиной,
На образъ Весты изваянный
Занесъ бы длань свою, и вдругъ
Богиня гнѣвомъ озарилась,
Рука бъ подъятая склонилась,
Сѣкира бъ выпала изъ рукъ!

КВИРИНЪ.

Повѣрь, Олиноѣ, бывало, страсти
Кипѣли буйныя во мнѣ;
А женщины — всегда однѣ,
Всегда надъ нами ищутъ власти.
Но человѣкъ къ тому ль рожденъ,
Чтобъ трепетать предъ женскимъ взоромъ?
Не забывай, что ты вскормлѣнъ
Млекомъ роднымъ тому, которымъ
Волчица дикая въ лѣсу
Двухъ братьевъ царственныхъ вскормила.
Не даромъ силу и красу
Десница Зевсова вручила
Тебѣ, патрицій: нынѣ насъ
Зоветъ отчизна къ мести правой...
Пора острить намъ мечъ нашъ ржавый
И внять боговъ священный гласъ!

ОЛИНОЪ.

Не вспоминай объ этъ кровавый:
Я мужъ, я помню долгъ святой.
Кляну сь карающей судьбой,
Воспрянетъ свѣтель въ бурной сѣчѣ
Орелъ квиритовъ вѣковой!

КВИРИНЪ.

Отрадно мнѣ такія рѣчи
Внимать изъ устъ твоихъ!.. Гордись,
О, Римъ! Сыны твои подъемлютъ
Тебя изъ пепла; боги внемлютъ
Ихъ клику. Возстань и оживись!
Они все тѣ жъ: въ нихъ духъ свободы

Подъ цѣпью рабства не утихъ;
Все тѣ жъ, какъ доблестные роды
Отцовъ, строителей твоихъ,
На твой призывъ они готовы
Предстать предъ ужасъ боевой,
Какъ древле пастыри суровы
Въ звѣриной кожѣ, съ булавой,
Текли на холмъ Капитолійскій,
Внявъ звонкій рогъ—твой вѣщій зовъ:
И былъ могучъ совѣтъ рамнійскій
Въ тѣни рустическихъ дубовъ!

II.

КВИРИНЪ.

Олиѳъ, Олиѳъ! Ты юнъ и смѣлъ!
Въ твоихъ порывахъ благородныхъ
Достойный предковъ огнь вскипѣлъ.
Но та ль—увы!—въ сердцахъ народныхъ
Къ отчизнѣ ревность и любовь
Къ богамъ и къ памяти отцовъ?
Что нынѣ Римъ?.. Гробницы сѣни!
Широкогранное русло,
Гдѣ море шумныхъ поколѣній
Въ нѣмую вѣчность протекло!
Ихъ нѣтъ: одни слѣды нѣмые
Остались—мраморъ да гранитъ;
А мы, какъ тѣни гробовыя,
Мелькаемъ вкругъ, и въ насъ ихъ видъ
Восторга вновь не пробудитъ.
Одна, въ печальномъ униженьи,
Одна отрада у меня—
Питать восторгомъ пѣснопѣнья
Порывъ душевнаго огня.
Передо мною воскресаютъ
Минувшей славы времена;
Я мыслю—міромъ управляютъ
Квиритовъ древнихъ племена;
Еще витійствуютъ трибуны,
Свобода гражданъ взоръ зажгла,
И грозно-пламенны перуны
Капитолійскаго орла.
О, Римъ! О, родина святая!
Ты позабылъ своихъ боговъ.
Гдѣ власть надъ міромъ вѣковая?

Кто нынѣ твой услышитъ зовъ?
Доспѣхи консуловъ священны
Изъѣла ржавчина; въ пыли
Трофеи бранные твои,
И все, что̀ въ битвахъ со вселенной
Купилъ кровавый твой булатъ,
Все отнялъ самозванецъ-градъ,
Питомецъ дальней Пропонтиды.
Кто жъ, местью праведной ведомъ,
Подыметъ знамя Немезиды
И Рима выкупитъ обиды
Предъ торжествующимъ Крестомъ?
Въ твоихъ стихахъ моя услада,
О, дивный Августа пѣвецъ!
Какъ свѣжъ цвѣтущій твой вѣнецъ
Изъ лавра, розъ и винограда!
Но что̀ жъ? И ты свой вѣкъ коришь,
Нововведенье ты бранишь...
„Чертоги нынѣ отнимаютъ
Поля у пахарей, и плугъ
Забытый втуне отдыхаетъ
И грѣшный празднуетъ досугъ;
На мѣсто маслинъ плодовитыхъ
Густые лавры поросли...
Не то у предковъ знаменитыхъ
Катонъ и Ромулъ завели.
Тогда съ республикою въ спорѣ
Строптивый не былъ гражданинъ;
Богами замкнутое море
Не выступало изъ пучинъ;
Подъ сѣнью портиковъ тѣнистыхъ,
Къ струямъ фонтановъ серебристыхъ
Богачъ изнѣженный тогда
Не убѣгалъ въ часы труда;
Но людямъ холмы полевые,
Изъ древа хижины простыя
Служили кровомъ; руки ихъ
Взрывали мраморъ колоссальн
Лишь ради славы квиринальной
И ларъ, хранителей своихъ“.
И это ты, другъ Мецената,
Уже развратомъ называлъ?..
О, боги! Какъ бы я желалъ
Жить въ вѣкъ подобнаго разврата!

III.

Полионъ, Квиринъ, Олиней

ПОЛІОНЪ.

Друзья! Отчизнѣ мы несемъ
Любви и доблести дѣянья:
Возобновимъ же возліянья
Богамъ предъ падшимъ алтаремъ!
Теперь, по слову Эпикура,
Чело гирляндами увьемъ
И гимнъ хвалебный воспоемъ
Во имя Вакха и Амура;
Воспомнимъ, други, что̀ твердитъ
Нашъ древній чтитель Аонидъ:
„Мирта Киприды мнѣ дай!
Что̀ мнѣ гирлянды цвѣтныя?..
Миртомъ любви увѣнчай,
Юноша, кудри златые!
Мирта зеленой лозой,
Старцу, вѣнчавшись, отрадно
Пить подъ бесѣдкой густой,
Крытой лозой виноградной“.
Но отчего, Олиней, ты скученъ,
И ты задумчивъ, старый другъ?

КВИРИНЪ.

Что̀ дѣлать! Грусть—такой недугъ,
Который съ старцемъ неразлученъ.
Тоска браздитъ ему чело,
Да и веселье тяжело.
Мы завтра въ бой. Пожара пламя
Вдругъ озаритъ свободы знамя;
Но вѣдь не дремлетъ хитрый врагъ...

ПОЛІОНЪ.

Иной подумаетъ, что страхъ
Тебя мутитъ. Стыдися! Полно!
Намъ дѣло завтра: нынѣ намъ
Прилично пить. Римъ семихолмный!
Привѣтъ твоимъ святымъ стѣнамъ!..
Невольники!.. Гирляндъ! Амфоры!..
Вѣнчайте насъ! Вкругъ по столамъ
Разсыпьте розъ! Ведите хоры,
Какъ въ оны славны времена!..
Дождусь хіосскаго вина

Еще отъ консула Постума!..
Прочь дѣло! Прочь тоска и дума!
Живи и пей, живи и пой!

КВИРИНЪ.

Безумецъ! Можно ль веселиться,
Когда съ предутренней зарей
Нашъ грозный замыселъ свершится?
Успѣхъ не вѣренъ.

ПОЛІОНЪ.

Милый мой!
Жизнь коротка; за жизнью этой
Грядущее все тьмой одѣто,
Въ утробу бездны роковой
Мы каждый мигъ упасть готовы:
Не лучше ль весело сойти
Намъ въ челюсть пропасти суровой?
Смѣлѣй идемъ мы по пути,
Одѣты въ пурпуръ, умащены
Сидонской миррой, и съ вѣнкомъ,
Оживлены и вдохновенны
Фалерна искристымъ виномъ.

ОЛИНѲЪ.

Что̀, если бы убійца скрытый
Тебѣ грозилъ, во тьмѣ таясь,
И зналъ бы ты и день и часъ
Свершенья кова, ты бъ защиты
Искать, конечно, позабылъ?

ПОЛІОНЪ.

Да, если бъ часъ избранный былъ
Обѣда часъ: въ такую пору
Моя бы смерть была вѣрна!..
Эй! Скиѳскій рабъ! Еще вина!
Лей, лей въ глубокую амфору!
На пышныхъ ложахъ возлежимъ
И, за трапезою раздольной,
Теперь свободно огласимъ
Обѣдъ нашъ пѣснею застольной!

ОЛИНѲЪ.

Горація?

КВИРИНЪ.

Нѣтъ, другъ мой, пѣтъ!
Зовутъ поэта какъ, не знаю:

Сарматъ иль скиѳъ онъ, а поэтъ
Не дуренъ. Други! Возглашаю.
„Блеститъ чертогъ; горитъ елей;
Ясминъ и миртъ благоухаетъ;
Фонтанъ, шумя, между огней
Златыми брызгами играетъ.
Греми, волшебный гимнъ пировъ!
Несите, юноши, плодовъ,
И розъ, и листьевъ винограда:
Вѣнчайте насъ! Что въ жизни намъ?
Мы въ жертву суждены богамъ ужаснымъ ада,
А жертва пышная въ богатствахъ вертограда —
Угоднѣе богамъ!
Настанетъ часъ — воззримъ сурово
Мы на гремящій жизни пиръ,
Какъ сей скелетъ бѣлоголовый,
Бѣглецъ могилъ. На звуки флейтъ и лиръ
Онъ безотвѣтенъ, гость гробовый!
Но онъ вѣдь пѣлъ, и онъ любилъ,
И богу гроздій онъ служилъ...
О, други! Сыпьте розъ Гораціева сада
По симъ бѣлѣющимъ костямъ,
И свѣжей кистью винограда
Вѣнчайте черепъ — этотъ храмъ,
Чертогъ покинутый и сирый,
Гдѣ обиталъ животворящій духъ,
Во дни, когда киѳара съ звонкой лирой
Его плѣняли чуткій слухъ,
И пилъ онъ розъ благоуханье,
Любилъ кристаллъ амфоры золотой,
И дѣвъ горячія лобзанья,
И трепетъ груди молодой!“

IV.

Бонифацій *(отшельникъ)*, **Августинъ.**

БОНИФАЦІЙ.

Мнѣ жаль, что Богъ меня послалъ
Не въ вѣкъ суровыхъ испытаній:
Съ какою бъ радостью пріялъ
Я чашу смертную во длани!

АВГУСТИНЪ.

Отецъ, мы видимъ торжество
По всей землѣ Господня слова.

Давно ли заповѣдь Его
Запечатлѣла кровь Христова?
Давно ли съ іудейскихъ горъ
Насъ въ міръ свела Его десница,
Гдѣ ждали насъ позоръ, темница,
Сѣкира, цѣпи и костеръ?
И что же?.. Странниковъ убогихъ
Слова священныя взросли.
Насъ истребляли на земли;
Кровь одного рождала многихъ!
И вотъ узрѣли христіанъ
И сонмъ великаго сената,
Хоругви брани, ратный станъ,
И даже царская палата.

БОНИФАЦІЙ.

О, сынъ мой! Господа судьбы,
Какъ солнце, смертнымъ недоступны,
Мы съ славой вышли изъ борьбы,
Но бойся гордости преступной
И въ самомъ торжествѣ смирись.
Теперь мы ближе обольщеній,
И нынѣ больше берегись
Коварныхъ ада наущеній...
Но гдѣ Эсѳирь? Гдѣ дочь твоя?

АВГУСТИНЪ.

Она сей жизнью скоротечной
Все веселится, какъ дитя,
Все беззаботна и безпечна.

(Слышна пѣсня Эсѳири).

„Колыбель моя качалась
Предъ Сіономъ, и надъ ней
Пальма Божія склонялась
Темной купою вѣтвей;
Бѣлыхъ лилій Идумеи
Снѣжный вѣнчикъ цвѣлъ кругомъ,
Бѣлый голубь Іудеи
Рѣялъ ласковымъ крыломъ;
Ангелъ Божій Израйля
Вѣтвь мнѣ пальмовую далъ.
Возложилъ вѣнокъ изъ лилій
На главу—и въ путь послалъ!“

ЭСѲИРЬ.

Благослови, святой отецъ!

БОНИФАЦІЙ.

Храни, дитя мое, вѣнецъ
И пальму кроткую Сіона:
Ее даритъ съ святого трона
На подвигъ доблести Творецъ.
Твой голосъ звученъ и прекрасенъ,
Но... берегись, дитя! Опасенъ
Бываетъ намъ веселья часъ.
Нашъ врагъ не дремлетъ, за ловитвой
Сѣтьми опутывая насъ.
Порой случалось въ часъ молитвы
Услышать ночью соловья:
Ему невольно мы внимаемъ,
И, грѣшный слухъ свой веселя,
Мы между тѣмъ позабываемъ
Молитву; пѣснью же его
Насъ дьяволъ искони чаруетъ.
Нашъ ангелъ плачетъ и тоскуетъ,
Ему жъ въ паденьи торжество.
Ты молода еще. Богъ любитъ,
Хранитъ дѣтей; но дьяволъ злой
Всѣхъ, и дѣтей и старцевъ, губитъ.

АВГУСТИНЪ.

Повѣдай мнѣ, отецъ святой,—
Ты долго жилъ въ странахъ азійскихъ,—
Какъ, посреди степей ливійскихъ,
Антоній искушаемъ былъ
Лукавствомъ хитрымъ духа злого?

БОНИФАЦІЙ.

О, помню, помню. Допустилъ
Меня Господь узрѣть святого.
Я Ѳиваиду проходилъ.
Тамъ, подъ скалой, въ пещерѣ дикой,
Мерцая, теплется елей;
Надъ черепомъ, между костей,
Молился праведникъ великій.
Согбенъ и дряхлъ, и полунагъ,
Читалъ Писанье онъ. Къ полночи,
Онъ самъ мнѣ сказывалъ, предъ очи
Ему являлся хитрый врагъ
То змѣемъ, то дракономъ, птицей,
То звѣремъ, гадомъ, то дѣвицей.

АВГУСТИНЪ.

Избави Богъ и сохрани
Своихъ рабовъ!

БОНИФАЦІЙ.

Да, искушеній
Онъ зрѣлъ не мало. Но они,
Какъ рои легкихъ сновидѣній,
Предъ нимъ исчезли. Вотъ, мой сынъ,
Примѣръ и намъ! Какъ цвѣтъ долинъ,
Въ насъ вянетъ духъ среди волненій,
И меркнетъ Господа законъ.
О, Римъ! О, новый Вавилонъ!
Ты вѣрой истинной облекся,
Какъ ризой новой; но... увы!
Все злата съ гордой головы
Ты не совлекъ, ты не отрекся
Отъ шумныхъ игрищъ и пировъ;
Ты, подъ Христовою одеждой,
Все тѣ жъ скрылъ язвы, полныя грѣховъ;
Въ твой циркъ, облитый кровью львовъ,
Народъ бѣжитъ... Откройте вѣжды,
Прозрите, горькіе слѣпцы!..
О, горе!.. Внемлю я въ пустынѣ
Смятенный гулъ... Земли концы
Грозятъ блистательной гордынѣ...
Покайся, въ страхѣ смерти жди,
Главу посыпь печали пепломъ,
И въ сердцѣ, въ суетѣ окрѣпло
Священный ужасъ пробуди!
Но полно! Мнѣ уже пора
Оставить васъ. Не пухъ ковра—
Мнѣ ложе, а песокъ горящій;
Жилище мнѣ—не Римъ шумящій,
Пустыня знойная. Вдали
Отъ обольщеній человѣка,
Въ степи невѣдомой отъ вѣка,
Гдѣ Іорданъ катитъ струи,
Творца премудрость созерцая,
Тамъ жить мнѣ, духъ свой возвышая,
А тѣломъ вживѣ умереть.
Пустыня мнѣ тамъ ризой будетъ,
А другомъ—степи вольный левъ;
Мнѣ пищу черный врань добудетъ

И жатвы божескій посѣвъ
Господь пошлетъ въ вечернихъ росахъ...
Прости! Гдѣ странничій мой посохъ?

V.

Но отчего къ бесѣдѣ мудрой
Одна Эсѳирь лишь холодна?
Зачѣмъ ея бѣжитъ она
И головою чернокудрой
Склонилась на руки?.. Въ груди
Младая кровь ея пылаетъ.
Чтобъ обмануть мечты свои,
Она молитвенникъ читаетъ;
Но хладенъ ей языкъ святой,
И не библейскія видѣнья
Рисуетъ ей воображенье:
Предъ ней мелькаетъ ликъ иной...
Ей мнится, шумно вдоль арены
Кипитъ народъ въ толпѣ стѣсненной;
Предъ любопытною толпой
Питомцы брани молодые
Свершаютъ игры боевыя;
Ряды блестящихъ колесницъ
Стремятся, точно стаи птицъ
Столбами пыль кругомъ взлетаетъ;
Коней полетомъ управляетъ
Младыхъ патрицевъ рука...
Несутся!.. Цѣль не далека...
Трофеи доблестной потѣхи,
Вѣнокъ и бранные доспѣхи,
Готовъ сорвать ужъ нѣкій грекъ.
Но витязь вдругъ, въ одеждѣ бранной,
Крылатый бѣгъ его пресѣкъ,
Явясь, какъ вихрь стеной нежданный,
И мигомъ, мощною рукой,
Сдержалъ коней. Какъ онъ прекрасенъ,
Сей витязь юный! Тихо онъ,
Вѣнчанный, ѣхалъ. Гордъ и ясенъ
Его былъ взоръ. Какъ Аполлонъ,
На колесницѣ позлащенной
Стремился онъ вокругъ арены,
Толпы хвалами оглашенъ.
Потомъ мечта ей рисовала
Тотъ чудный мигъ, когда предъ ней

Повергъ побѣдный отъ трофей.
Когда она впервой узнала
Языкъ язвительныхъ страстей.
Ей было страшно, и хотѣла
Она отъ витязя бѣжать...
Но дѣвѣ ль сердцемъ управлять?
Оно любить его велѣло!
Но онъ... онъ гордый врагъ Христа.
Напрасно дѣва молодая,
Святой любовью заклиная,
Его звала подъ сѣнь Креста...
Нѣтъ! Это демонъ былъ блестящій,
Съ миѳологической красой,
Съ любящей, пламенной душой,
И рѣчью, страстію горящей;
Она же—ангелъ передъ нимъ,
Со взоромъ чистымъ и святымъ!
Вѣнокъ изъ масличъ темнолистыхъ
И лилій нѣжныхъ и младыхъ
Сіялъ на локонахъ струистыхъ,
Какъ свитая изъ звѣздъ златыхъ
И пальмъ зеленыхъ діадима
Надъ головою серафима.
И ангелъ золотую сѣть
Хотѣлъ прорвать и улетѣть
Къ чертогамъ горнимъ, безъ усилій
Расторгнуть сладостный союзъ;
Но для ея блестящихъ крылій
Любовь была какъ тяжкій грузъ;
И ей для темнаго созданья
Не пасть подъ бременемъ борьбы,
И не отвергнуть ей мольбы,
Мольбы послѣдняго свиданья
Въ часовнѣ, подъ вечерній часъ,
Въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ!

VI.

Подъ небомъ темно-голубымъ,
Увѣнчанъ цѣпью Аппенинской,
Властитель міра исполинскій,
Великолѣпный блещетъ Римъ.
Палаты царственныя дремлютъ
При блескѣ утреннихъ лучей;
Колонны пышныя подъемлютъ

Тріумфомъ вѣнчанныхъ мужей;
Далеко мраморомъ сіяетъ
Сереброглавый пантеонъ,
Гдѣ сводъ единый осѣняетъ
Боговъ всѣхъ странъ и всѣхъ племенъ.
Тамъ циркъ: на немъ слѣды кровавы,
Недавней битвы ярыхъ львовъ;
Тамъ Тибръ струится величавый,
И въ мутной влагѣ съ береговъ
Глядится цѣпь дворцовъ великихъ.
Рабы всѣхъ странъ къ водамъ его
Коней приводятъ полудикихъ,
И старецъ древній, божество
Его истоковъ, съ бѣлой урной
Лежитъ у брега надъ водой,
И рядъ триремъ съ златой кормой
Бѣжитъ вдоль скатерти лазурной.
Подъ сѣнью римскаго орла
Стоитъ угрюмый Капитолій,
Предъ кѣмъ вселенная, въ неволѣ,
Рабой покорною легла.
Глядитъ онъ на квиритовъ форумъ,
Трибуновъ рѣчи ждетъ; но онъ
Молчитъ: какъ прежде шумнымъ споромъ
Его покой не пробужденъ.
Одни свидѣтели нѣмые
Его блистательныхъ временъ,
Какъ воины сторожевые,
Статуи высятся вокругъ.
Не въ ихъ ли груди благородной,
Среди толпы разнонародной,
Хранится римлянъ гордый духъ?
Лишь ихъ чело объято думой
О славѣ родины; ихъ видъ,
Ихъ взоръ холодный и угрюмый
Потомковъ суетныхъ коритъ;
Они же въ улицахъ широкихъ
Кипятъ межъ всѣхъ племенъ земныхъ;
Тамъ черный рабъ степей глубокихъ
И царь развѣнчанный; межъ нихъ
Потомокъ консуловъ, сенаторъ
И полудикій гладіаторъ;
Тамъ мчитъ патрицій молодой
Коней по звонкой мостовой;

Тамъ хлѣбъ Этруріи богатой
Въ пыли влекутъ волы рогаты...
Но прочь, народъ! Взвѣвая прахъ
Несется съ громомъ колесница
На быстро-огненныхъ коняхъ.
Кто въ ней? Чья это багряница?
Предъ кѣмъ сторонится народъ,
И старъ и младъ, богачъ и бѣдный?..
Не императоръ ли грядетъ?
Не тріумфаторъ ли побѣдный?..
Нѣтъ! Въ ней по поприщу летитъ
Полночныхъ праздниковъ царица,
Кого всемірная столица
Покорно чествуетъ и чтитъ.
Покровъ съ главы ея взвѣваетъ
Клубами вѣтеръ на-лету;
Ея одежда не скрываетъ
Роскошной груди красоту.
Склонясь небрежно въ колесницѣ,
Она, блистательной царицей,
И своенравна, и горда,
Вкругъ на народъ взираетъ праздный.
Ея пурпурныя уста,
Дыша всей роскошью соблазна,
Какъ будто юношамъ твердятъ:
„Дыханьемъ тирскихъ ароматъ,
Душистой миррой и алоэ
Мой одръ пуховый напоенъ.
Блаженъ, предъ кѣмъ въ моемъ покоѣ
Кисейный завѣсъ устраненъ;
Кто груди мраморъ раскаленный
Освободилъ отъ пышныхъ розъ
И нардомъ умащенныхъ косъ
Впивалъ амброзію, смущенный!
И мыслитъ вѣтреный народъ—
Кого Аглая изберетъ?
Кто вкуситъ съ ней, вдали шумныхъ оргій,
При плескѣ усыпленныхъ струй,
Любви мятежные восторги,
Любви мятежный поцѣлуй?..
Ловите, юные счастливцы,
Аглаей брошенный вѣнокъ!
Кому, влюбленные ревнивцы,
Назначенъ счастія залогъ?

Онъ предъ Олинѳомъ упадаетъ...
Счастливецъ выборомъ смущенъ...
Но колесница исчезаетъ,
И слышитъ голосъ милый онъ:
„Я жду тебя!“
О, боги, боги!..
Олинѳъ! Ты ль это? На любовь
Ты холоденъ: ея тревоги
Ужель твоя забыла кровь?
Бывало, рабъ любви и нѣги,
Дѣлилъ ты тайные ночлеги
Съ Аглаей пылкой; жаждалъ ты
Одной полночной темноты,
Когда она, въ толпѣ влюбленной
Тебя избравъ, твоей любви
Ввѣряла прелести свои,
И грудь, и станъ разоблаченный.
„Итти иль нѣтъ?—такъ мыслилъ онъ:—
Чему я рокомъ обреченъ?
Аглая, гордая Аглая,
Съ своею греческой душой,
Съ огнемъ полуденнаго края,
Съ его поэзіей живой,
Меня любила... жребій мой
Теперь въ рукахъ иной царицы.
Она—безъ злата, багряницы,
Но, тихой святостью чела
И дѣтской воли дивной силой,
Аглаи блескъ превозмогла...
А все царицѣ, прежде милой,
Готовясь въ тартаръ низойти,
Хотѣлъ бы я сказать прости!“

VII.

Былъ свѣтелъ полдень золотой.
Между листовъ густого сада
Струилась тихая прохлада;
Фонтанъ, серебряной горой,
На солнцѣ ввысь взвивалъ алмазы,
Подъ портикомъ, между колоннъ,
Съ цвѣтами мраморныя вазы
Благоухали; упоенъ
Дыханьемъ розы и лилеи
Былъ воздухъ утренній; вдали

Высокихъ тополей аллеи
Къ статуямъ греческимъ вели.
Какъ нереида молодая,
Передъ фонтаномъ, на скамьѣ,
Сидѣла пышная Аглая
Съ златою лютнею въ рукѣ.

АГЛАЯ.

А! Это ты, патрицій милый!
Ты такъ послушенъ... я люблю
Такихъ любовниковъ. Свою
Аглаю вспомнилъ ты насилу.
Признайся: ты передо мной
Неправъ, конечно?

ОЛИНѲЪ.

Я съ тобой,
Я вновь у ногъ твоихъ, Аглая!

АГЛАЯ.

Да, если бы не мой вѣнокъ...

ОЛИНѲЪ.

Аглая!

АГЛАЯ.

Но къ чему упрекъ?
Ты здѣсь... Мой другъ, скажи: мечтая,
Ты вспоминаешь ли тѣ дни,
Дни счастья и любви мятежной,
Когда вдали отъ всѣхъ, одни,
Мы упивались страстью нѣжной,
Когда для красоты иной
Я не была тобой забыта?

ОЛИНѲЪ.

Тѣ дни, когда твои лапиты,
Твои уста еще другой
Не жгъ неистовымъ лобзаньемъ?

АГЛАЯ.

Что, если бъ прежняя любовь
Воскресла, съ нѣгой и страданьемъ,—
Когда бъ толпа моихъ рабовъ
Была оставлена,—открыта
Тебѣ лишь дверь моя порой
Ночной,—была ли бы тобой
Моя соперница забыта?

ОЛИНѲЪ.

Аглая, полно! Перестань!

АГЛАЯ.

И впрямь, элегіи унылой
Платить не въ модѣ нынѣ дань.
Но... слушай, мой измѣнникъ милый!
Хоть нынѣ ты забылъ меня,
Но я... сказать ли?.. я тебя
Воспоминала. Было скучно
Одной мнѣ.

ОЛИНѲЪ.

Что жъ въ толпѣ послушной
Тебя занять не могъ иной?

АГЛАЯ.

О, нѣтъ! Они всѣ такъ ничтожны,
Съ такой отцвѣтшею душой;
А я люблю огонь тревожный,
Порывы страсти молодой.
Въ объятьяхъ огненныхъ покоить
Статую хладную какъ ледъ...
Нѣтъ! Имъ любви моей не стоить,
Мертвецъ ли пылъ ея пойметъ?
Но ты молчишь все?.. Полно, милый!
Такихъ мужей я не люблю,
Какъ нашъ Катонъ, Сенека хилый.
Ласкай красавицу свою
И улыбнись.

ОЛИНѲЪ.

Мой другъ Аглая!
Живи, вовѣкъ заботъ не зная;
Питай въ груди огонь страстей;
Вѣнчай свой кубокъ миртомъ свѣжимъ;
Блаженство жизни шумной пей...
Блаженъ, кто на груди твоей,
Тобой любимъ, тобою нѣжимъ,
Вкушаетъ счастіе! Но мнѣ,
Моя Аспазія, ужъ скоро,
Быть-можетъ, въ адской глубинѣ,
Не зрѣть твоей улыбки, взора,
Съ тобой не праздновать досугъ.
Быть-можетъ... Но скажи, мой другъ:
Когда про мой конецъ нежданный

Узнаешь, принесешь ли ты
На прахъ мой миртъ благоуханный
Своихъ гирляндъ?

АГЛАЯ.

Что за мечты!
Что за вопросъ!.. Мой другъ прекрасный,
Послушай лучше пѣсни страстной,
Лезбійской пѣсни. Мнѣ ее
Поетъ невольница.

НЕВОЛЬНИЦА *(поетъ)*.

„Я войду въ тотъ садъ прекрасный,
Гдѣ, царицею цвѣтовъ,
Ты почіешь сладострастно
Межъ акацій и дубовъ.
Тихой страстію волнуемъ,
На тебя я погляжу
И внезапнымъ поцѣлуемъ
Легкій сонъ твой пробужу".

АГЛАЯ.

Не правда ль, вѣетъ пѣсня эта
Отчизной Сафо?.. Но, мой другъ,
Ты все угрюмъ, и нѣтъ отвѣта
На твой любимый прежде звукъ?

ОЛИНѲЪ.

Прости, прости! Иные звуки
Я слышалъ—клиръ еврейскихъ дѣвъ...
Угрюмъ и мраченъ ихъ напѣвъ;
Онъ слезъ просилъ, какъ плачъ разлуки,
И эти слезы онъ исторгъ!
Такъ! Плакалъ я, клянусь, Аглая!
Безсмысленно благословляя
Души мучительный восторгъ.

VIII.

ЧАСОВНЯ.

Олинѳъ, Эсѳирь.

ОЛИНѲЪ.

Эсѳирь! Эсѳирь! Ужель твой Богъ
Тебѣ любить не позволяетъ?

ЭСѲИРЬ.

Господь любить повелѣваетъ

Всѣхъ ближнихъ. Самъ, въ святой залогъ
Любви, Онъ принялъ крестъ мученій
И насъ омылъ въ Своей крови.

ОЛИНѲЪ.

Зачѣмъ же ты моей любви
Себя не вѣришь, добрый геній?
Съ тѣхъ поръ, какъ образъ милый твой
Я принялъ пламенной душой,
Я все забылъ: на играхъ славы
Меня не манитъ свѣжій лавръ;
Напрасно, чуя звукъ литавръ,
Мой конь храпитъ: мечей забавы
Не жажду я. Среди пировъ,
Гдѣ Вакхъ ликуетъ и Киприда,
Я мнилъ забыть къ тебѣ любовь,—
Какъ свѣтлый ликъ богини Книда,
Твой ликъ передо мной сіялъ,
Уста твое шептали имя...
Любовью мучимъ, я бѣжалъ
Туда, гдѣ миртами густыми
Сокрытъ Кипридинъ древній храмъ;
Я поднялъ жертвенникъ разбитый,
И вновь алтарь ея забытый
Священный обвилъ ѳміамъ.

ЭСѲИРЬ.

Безумецъ! Ты молитвы пламень
Кому вознесъ?.. Ужели камень
Твоею тронется мольбой?..
Оставь, забудь кумиръ бездушный,
Предъ виѳлеемскою звѣздой
Склонись, смиренный и послушный:
Тогда...

ОЛИНѲЪ.

Эсѳирь! Бѣги со мной!
Спаси себя и Римъ старинный!
Я все повергну предъ тобой,
Къ твоимъ стопамъ—за взглядъ единый.
Купили злата мнѣ въ бояхъ
Отцовъ изрубленные шлемы;
Воздвигъ я виллы на земляхъ
И гордо врѣзалъ ихъ въ моряхъ,
И карѳагенскія триремы
Предъ ними веслами шумятъ,

Подъ сѣнью портиковъ фонтаны,
Въ чертогахъ тирскій ароматъ,
Толпы рабовъ златоубранны;
Вдоль стѣнъ рога альпійскихъ сернъ
И вепрей темнаго Ардена;
Вкругъ на столахъ кипитъ фалернъ,
Сребромъ горитъ въ амфорахъ пѣна;
Вдоль лѣстницъ статуй дивныхъ строй,
Съ развалинъ Греціи снесенный,
И скиѳъ у вратъ полунагой,
Какъ левъ, цѣпями пригвожденный.

ЭСѲИРЬ.

Не возмущай мой дѣтскій умъ,
Не обольщай меня словами...
Что̀ злато? Прахъ; что̀ слава? Шумъ.
Они проходятъ вмѣстѣ съ нами.
За злата блескъ, за славы громъ
Мы духъ свой аду продаемъ.

ОЛИНѲЪ.

Я брошу пышные чертоги—
Наслѣдье праотцевъ—и Римъ.
Пускай сопутствуютъ намъ боги
Черезъ моря, къ странамъ инымъ!
Тамъ, гдѣ по рощамъ Гемонійскимъ
Пеней струи свои катитъ,
Мы камень древнихъ Аонидъ,
Покрытый прахомъ олимпійскимъ,
Цвѣтами свѣжими увьемъ.
Передъ пустыннымъ очагомъ,
Подъ сѣнью щедрой Цитереи,
Мы воскресимъ дни Одиссеи,
Съ любовью къ миру и богамъ.
Бѣжимъ, мой другъ! Звѣзда Киприды
Съ улыбкой кроткой свѣтитъ намъ,
Какъ пастырю пустынной Иды.

ЭСѲИРЬ.

Олинѳъ, Олинѳъ! Оставь меня!
Твоя любовь мнѣ недоступна!..
О, Боже! Огнь любви преступной
Зачѣмъ питаетъ грудь моя?

ОЛИНѲЪ.

Эсѳирь, ты любишь?

ЭСФИРЬ.

Боже правый!
Разсѣй Ты мракъ его лукавый
И длань Свою простри надъ нимъ!

ОЛИНѲЪ.

Эсѳирь! Внемли мольбѣ священной!
Спаси себя, спаси ты Римъ!
Дай мнѣ обнять твои колѣна,
Дай руку... Боги! Погляди,
Какъ голова моя пылаетъ
И сердце бѣдное сгораетъ
И бьется въ жаждущей груди...
Эсѳирь! Одно, одно лобзанье!..

ЭСФИРЬ.

О, Боже мой! Что дѣлать мнѣ?

ОЛИНѲЪ.

Оно смиритъ мои страданья...
Лобзай меня!

ЭСФИРЬ.

Я вся въ огнѣ...

ОЛИНѲЪ.

Одно лобзанiе!

ЭСФИРЬ.

Дай силы,
О, Боже, мнѣ!

ОЛИНѲЪ.

Эсѳирь! Ты имъ,
Клянусь, избавишь отъ могилы
И разрушенья древнiй Римъ!

(Въ часовнѣ гаснетъ одна лампада).

ЭСФИРЬ.

О, Боже! Трепетную дѣву
Предашь ли праведному гнѣву?..
Прочь! Прочь, Олинѳъ! Я не должна,
Я не могу для иновѣрца
Отдать огонь младого сердца:
Я небесамъ обречена.

(Вырывается отъ него и падаетъ предъ иконой).

ОЛИНѲЪ.

Молись!.. Невѣдомаго Бо...
Зови, забывъ своихъ боговъ!..

О, Зевсъ! Отъ горняго чертога,
Вершитель молній и громовъ,
Пошли ты мнѣ свой мечъ горящій
И факелъ мщенія зажги
Своею молніей разящей,
И грудь мнѣ мощью облеки...
О, Ромулъ! Духъ твой надо мною
Паритъ, суровъ, неукротимъ...
Скорѣй, о, ночь, глубокой тьмою
Опеленай невѣрный Римъ!

IX.

Заговорщики, *въ полномъ вооруженіи, вокругъ пустыннаго алтаря Юпитера.*

Клянемся Ромуловой тѣнью,
Клянемся Цезаря мечомъ,
Предать отступниковъ отмщенью
И не робѣть въ бою ночномъ!
Клянемся Рима древней славой
И Капитолія орломъ,
Ему отдать его державу
Съ его потеряннымъ вѣнцомъ!
Клянемся адскими богами,
Богами моря, неба, горъ,
Возжечь имъ огнь предъ алтарями
И кровью съ нихъ омыть позоръ!

Каринъ *приноситъ жертвы. Воины склоняютъ копья.*

X.

Спокойна ночь. Сіяньемъ млечнымъ
Подернутъ мраморъ и гранитъ,
Надъ Тибромъ, сномъ объяты вѣчнымъ,
Недвижны сфинксы. Тибръ шумитъ,
Во мглѣ сверкая. Колесницы
Ужъ не гремятъ; затушены
Огни, и, въ лонѣ тишины,
Спятъ обитатели столицы.
Лишь свѣтъ украдкою зажженъ
Отшельникомъ въ пустынной кельѣ,
Иль пиръ безумнаго веселья
Елеемъ ярко озаренъ.
Эсеирь, спокоивъ духъ молитвой,
Одна въ обители своей.

О, какъ для сердца тяжки битвы
Льдяного долга и страстей!
Она, въ груди своей лелѣя,
Хранила огненную страсть...
Изгнать ли сладостнаго змѣя
Иль въ сѣть обманчивую пасть?
Но онъ сраженъ. Чего же стоитъ
Побѣда эта!.. Сколько слезъ!..
Вдругъ бросить радость брачныхъ розъ...
Но тернъ ли сердце успокоитъ?
Пускай побѣждена любовь,
Но сонъ, въ лукавомъ обольщеньи,
Опять мутитъ воображенье
И дразнитъ пламенную кровь.
И вотъ красавицѣ влюбленной
Онъ кажетъ образъ милый ей:
Олинѳъ, подъ пальмою Сіона,
Ее зоветъ; вдали предъ ней
Алтарь, и хоры херувимовъ
И шестикрылыхъ серафимовъ
Имъ пѣсни брачныя поютъ.
Вдругъ шумъ... Пожаръ... Толпы бѣгутъ...
Огонь неистовый сіяетъ.
Эсѳирь въ испугѣ покидаетъ
Мечтаній ложе. Алый блескъ
Ее облилъ. Широко пламя
Развило бѣдственное знамя
И рушитъ. Всюду громъ и трескъ.
Ужель Эсѳирь забыли люди
И гибнуть бросили одну?..
Власы разсыпавъ, крестъ ко груди
Прижавъ, она бѣжитъ къ окну.
Межъ тѣмъ разлился пламень жадный,
Далеко моремъ золотымъ.
Чертоговъ зданія громадны
Наполнилъ смрадъ и черный дымъ.
Средь разрушенья змѣй багровый,
Въ объятьяхъ мраморъ обхватя,
Его колеблетъ и, суровый,
Подъ небо прядаетъ свистя,
И вѣтромъ зыблемый огромной
Всталъ пирамидой въ ночи темной.
Затопленъ дымомъ небосклонъ,
И мраморъ статуй и колоннъ,

И Тибръ, и вѣчные граниты
Кровавымъ заревомъ облиты...

XI.

Квиринъ, Полионъ.

ПОЛІОНЪ.

Ну что, Квиринъ?

КВИРИНЪ.

Не говори,
Я самъ себя не понимаю!

ПОЛІОНЪ.

Доспѣхи ржавые свои
И то надѣлъ?

КВИРИНЪ.

Я воскресаю
Къ свободѣ древней! Да и ты,
Ты промѣнялъ на лавръ побѣды
Вѣнка Кипридина листы?

ПОЛІОНЪ.

Обычай сей хранили дѣд...
Прекраснѣй мечъ нашъ боевой
Подъ виноградною лозой!

XII.

Толпа христіанъ.

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Пришли послѣдни времена!
Господь насъ предалъ чадамъ злобы!
Выходятъ мертвыхъ племена,
И разверзаются ихъ гробы!

БОНИФАЦІЙ.

Молчи! Господь своихъ рабовъ
Не позабудетъ, маловѣрный!
Пусть ада полчища безмѣрны:
Безмѣрна Божія любовь!

АВГУСТИНЪ.

Но гдѣ Эсирь? [illegible] Сіона?
Гдѣ дочь моя?

БОНИФАЦІЙ.

Сынъ! Успокойся

Во всемъ на Бога и молись:
Въ Немъ, намъ прямая оборона.
Благодарю Тебя, Творецъ!
Пришлось и старцу наконецъ
Увидѣть мучениковъ знамя,
За свѣтлый пальмовый вѣнецъ
Свой бренный трупъ повергнуть въ пламя
И духомъ прянуть къ небесамъ!

НАРОДЪ.

Бѣгите! Рѣжутъ!.. Гибель намъ!

XIII.

Но кто сей воинъ?.. Бѣлый конь
Его несетъ сквозь дымъ, огонь.
Онъ статенъ: римская одежда
Временъ республики на немъ;
Безъ перьевъ шлемъ, копье съ щитомъ,
Броня чешуйная. Надежда
Въ его очахъ. Восторгъ живой
Горитъ въ душѣ вольнолюбивой...
Какъ блещетъ мечъ его стальной!
Какъ мощенъ конь его ретивый!
Вокругъ него струится кровь;
Народъ, имъ пораженный, стонетъ...
Такъ левъ степной разитъ и гонитъ
Толпу смятенную ловцовъ.
Но что̀ же льва сразитъ младого?
Желѣзо ль? Пламени ль змѣя?
Онъ самъ разлилъ моря огня;
Не страшенъ мечъ ему суровый.
Онъ зритъ—средь пламени, въ окнѣ,
Съ крестомъ на персяхъ, въ ткани бѣлой,
Младая дѣва. Вкругъ въ огнѣ
Чертогъ пылаетъ опустѣлый.
Ея одежду и власы
Горячій вѣтеръ развѣваетъ;
Огонь свирѣпый озаряетъ
Ея небесныя красы.
Казалось, разъяренный пламень
Коснуться дѣвы не дерзалъ:
Топя металлъ и руша камень,
Онъ передъ нею умиралъ.
Олимпъ гладитъ: любовь и мщенье

Бушуютъ въ немъ... Вотъ торжество
Любви отвергнутой его!..
Но въ жданной мести наслажденья
Въ сей страшный мигъ не видитъ онъ.
Какъ будто свыше озаренъ,
Въ огонь летитъ онъ для спасенья
Эсеири юной...

ОЛИНѲЪ.

Милый другъ!

ЭСѲИРЬ.

Зачѣмъ ты здѣсь?

ОЛИНѲЪ.

О, умоляю!..

ЭСѲИРЬ.

Оставь меня! Ни слезъ ни мукъ
Ты не увидишь. Умираю
Я съ вѣрой. Прочь!

ОЛИНѲЪ.

Ко мнѣ скорѣй!
Колонны рушатся. Сильнѣй
Все пламя; гуще тучи смрада...
Не медли! Слышишь, колоннада
Тамъ падаетъ!.. Клянусь! Твоимъ,
Твоимъ къ тебѣ я посланъ Богомъ!
Онъ велъ меня къ твоимъ чертогамъ.
Спасайся!.. Заклинаю Имъ!

ЭСѲИРЬ.

Да будетъ судъ Его надъ нами!

ОЛИНѲЪ.

Скорѣй ко мнѣ! Обвей руками
Меня сильнѣй... О, боги! Сводъ
Надъ нами пламя раскалило...
На насъ онъ сыплетъ камни... Вотъ
Упала лѣстница... Другъ милый!
Простишь ли ты меня?.. Одна
Надежда намъ.

(*Спускается внизъ*).

И, мертвъ, низве[illegible] воинъ смѣлый
Съ окровавленной головой;
И на груди его младой

Эсѳирь съ крестомъ, какъ ангелъ бѣлый.
Съ вѣнцомъ небеснымъ вкругъ чела,
При трубахъ арміи незримой,
Архангелъ брани невредимо
Ее провелъ сквозь волны дыма
Подъ сѣнью рдянаго крыла.

ЭПИЛОГЪ.

Между преданьями языческихъ вѣковъ,
Запечатлѣнными на мраморѣ, люблю я
Два мрамора, и въ нихъ двѣ басни. Бичъ годовъ
Ихъ пощадилъ, и умъ, значенье ихъ пытуя,
Въ нихъ два симвóла зритъ. Безъ воли ихъ творцовъ,
Мнѣ миѳъ таинственный являетъ ихъ статуя:
Въ единой—древности весь блескъ изображенъ,
Въ другой—медлительный конецъ и смертный стонъ.
Блестящій юноша. Съ серебрянаго лука
Лишь только сорвалась звенящая стрѣла.
Предъ нимъ поверженъ змій. И мщеніе и мука
Въ его рыканіи съ нимъ вмѣстѣ замерла;
А онъ, богъ красоты, богъ творчества и звука,
Чрезъ трупъ чудовища, съ спокойствіемъ чела,
Вступаетъ гордо въ храмъ. Глаза побѣдой блещутъ,
И музы лаврами ему покорно плещутъ.
Старикъ. Блестящій змій, съ златою чешуей,
Его, какъ кольцами, внезапно обвиваетъ
И давитъ, и вотще безсильною рукой
Онъ жало острое отъ сердца отвращаетъ:
Нѣтъ! Змій торжественно вознесся головой,
А старецъ уязвленъ и кровью истекаетъ...
Сей змій—не чадо тьмы, не яростный Пиѳонъ,
Но змій пророческій Іаковыхъ племенъ.
Люблю я вызывать изъ области гробницы
Преданья древности, въ ихъ неплѣ вѣковомъ;
Мнѣ живо чудятся пиры и колесницы,
И юный Эпиктетъ въ вѣнкѣ за пиршествóмъ,
Тимпанъ, и звуки лиръ, и пляшущія жрицы,
И образъ муміи въ нарядѣ гробовомъ;
И веселъ я... Такъ что жъ? Прійдутъ иныя лѣта,
И свянутъ для меня гирлянды Эпиктета!

(1842).

II.

ДВѢ СУДЬБЫ.

БЫЛЬ.

„Кто болѣе достоинъ сожалѣнія? Чья судьба ужаснѣе?..
Увы! Я не смѣю произнести приговора..."
Хоръ изъ Софокловой трагедіи:
„Трахиніянки".

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

На креслахъ, предъ растворенным окномъ
Одинъ сидѣлъ больной Карлино. Сладко
Дыша въ тѣни прохладнымъ вѣтеркомъ,
Онъ отдыхалъ, избитый лихорадкой.
Онъ снова жизнь улыбкою встрѣчалъ,
Въ ней помня радости, забывши муки,
И весело, какъ будто по разлукѣ,
Знакомые предметы узнавалъ.

II.

Въ углу кумиръ языческаго бога—
Отрытый имъ въ саду, безъ рукъ, безъ ногъ...
„Богъ дастъ,—онъ думалъ:—сыщется знатокъ,
Дастъ пятьдесятъ піастровъ: мнѣ подмога..."
На золотѣ Мадонна со Христомъ,
Сіэнскихъ старыхъ мастеровъ работа,
Рядъ древнихъ копій съ Липпи иль съ Джіотта,
Оставленныхъ ему еще отцомъ.

III.

На полкѣ книги: да, о человѣкѣ
Вы можете навѣрно заключать
По избранной его библіотекѣ,
Въ его душѣ, въ понятіяхъ читать:
Лежали тамъ комедіи Гольдони,
Исторія Мадонны и Святыхъ,
Либретто оперы, стихи Тассони,
Да календарь процессій храмовыхъ...

IV.

Какъ старый другъ, онъ встрѣтилъ ихъ улыбкой;
Потомъ на даль онъ перевелъ свой взоръ...

А что за виды съ Фраскатанскихъ горъ!
Тамъ деревá лозой обвиты гибкой;
Тамъ въ миртовыхъ аллеяхъ пышныхъ виллъ
Статуи, бюсты, мраморныя группы:
Тамъ римскихъ пинъ зонтообразны купы
И кипарисъ, печальный другъ могилъ...

V.

Какъ радъ онъ былъ, что снова видитъ дивный
Въ туманѣ очеркъ купола Петра
И въ Римъ дорогу лентою извивной
Между руинъ... А ужъ была пора,
Какъ солнце гасло, ночь шла отъ востока,
И слышно на долинѣ лишь дроздовъ,
Да караванъ навьюченныхъ муловъ,
Гремушками звенящій издалёка.

VI.

Не долго нашъ больной покоилъ взоръ
На дали и долиной любовался;
Заботливо порой онъ обращался
Въ сосѣдній виноградникъ чрезъ заборъ;
Онъ видитъ тамъ, межъ листьями мелькая,
Въ корсетѣ аломъ, бѣлою рукой
Пригнувъ лозу, смуглянка молодая
Срываетъ съ вѣтки гроздій золотой.

VII.

Пурпурный лучъ мерцающей денницы
Ея античный профиль озлащалъ,
И смоль косы, и черныя рѣсницы,
И покрывало пышно обагрялъ.
—„Нинета!“—ей кричитъ онъ чрезъ ограду,
И тотчасъ, легче серны молодой,
Съ корзинкою златого винограду
Влетѣла дѣвушка въ его покой.

VIII.

„Проснулся ты? Тебѣ, Карлино милый,
Сегодня лучше?.. Знать, не даромъ я
Поутру въ монастырь святой ходила
Къ обѣднѣ и молилась за тебя.
Я отнесла Мадоннѣ ожерелье“.
И цѣловала дѣва-красота,

Рѣзвясь, едва не плача отъ веселья,
Устами алыми его уста.

IX.

„Нинета! Ты все прежняя рѣзвушка!
Будь и всегда такая; и въ тѣ дни,
Какъ будемъ мы, Господь тебя храни!
Я—дряхлъ и хилъ, ты—добрая старушка.
Какъ мнѣ легко! Какъ веселъ я душой!
Я будто вновь родился, и родился
Къ блаженству... Этотъ вечеръ, ты со мной...
Какъ будто ангелъ съ неба мнѣ явился...

X.

„Ахъ скоро ль я женой тебя введу
Въ свой домъ! Пора! Нашъ домикъ будетъ раемъ.
Хозяйкою ты станешь... мы сломаемъ
Докучливый заборъ въ твоемъ саду.
Взгляни: мой виноградъ въ твой садикъ, къ лозамъ
Твоимъ черезъ заборъ перебрался,
Твой олеандръ къ моимъ пригнулся розамъ,
И плющъ мой вкругъ него перевился.

XI.

„Все любится вкругъ насъ! Мы другъ для друга
Назначены судьбой!“—Упоена,
Молчала Нина. Думала ль она
О счастіи, какъ будетъ мать, супруга,
Жалѣла ли дѣвичьихъ вольныхъ дней,
Иль страстныхъ словъ она не понимала;
Но молча имъ, разсѣянно внимала,
Какъ колыбельной пѣсенкѣ своей...

XII.

Такъ слѣдуетъ головкою стыдливой
Цвѣтокъ полей движеньямъ вѣтерка,
Такъ носится струями ручейка
Листокъ заблудшій... Бурные порывы
И бѣсъ любви ея не трогалъ сна,
Въ ея душѣ ключомъ не билъ, не стукалъ;
Къ любви Карлино искренней она
Еще привыкла въ пору игръ и куколъ.

XIII.

Въ ея душѣ читалъ онъ, какъ на днѣ
Прозрачнаго ручья: мечты, желанья,
Вся, вся она была его созданье;
Какъ юнаго орленка въ вышинѣ
Отецъ и мать, слѣдилъ онъ мысли Нины,
Лелѣялъ миръ души и сердца сонъ;
А сердце спало въ ней, какъ средь пеленъ
Младенецъ спитъ: про то не зналъ Карлино.

XIV.

Какъ сердце спало? Стало-быть, она,
Не знавъ любви, Карлино не любила?
Зачѣмъ же въ монастырь она ходила
О немъ молиться? Отчего одна
Она въ дому его? И даже, Боже!
Что жъ ничего она не говоритъ,
Какъ онъ ее цѣлуетъ? Что за стыдъ!
Вѣдь ни на что все это не похоже!

XV.

Позвольте, все вамъ вѣрно объясню;
Но разскажите мнѣ, когда угодно,
Зачѣмъ мы часто любимъ такъ свою
Собаку старую, халатъ негодный,
Одну все трубку, пяню, старый домъ,
Тетради школьныя?.. А если будемъ
Должны ихъ бросить? Бросимъ и уйдемъ!
Къ вещамъ привычка! Точно то жъ и къ людямъ,

XVI.

Покуда ихъ та мысль не потрясла,
И сердца ихъ та страсть не взволновала,
Которая въ душѣ у насъ росла,
Бушуетъ въ ней или отбушевала...
Подобныхъ встрѣчъ не много намъ дано,
И съ близкими мы часто какъ съ чужими...
Иныхъ же встрѣтишь... кажется, давно
Видалъ ихъ, зналъ, страдалъ и думалъ съ ними.

XVII.

Какъ къ воздуху своихъ Фраскатскихъ горъ,
Какъ къ небесамъ безоблачнымъ Сабины,

Какъ къ амбрѣ розъ, привыкло сердце Нины
Къ слѣпой любви Карлино съ давнихъ поръ.
Въ ней даже мысли не было тревожной,
Что и другихъ любить ему возможно...
А ей?.. Но вотъ ударило кольцо,
Какой-то гость идетъ къ нимъ на крыльцо.

XVIII.

Широкій плащъ свой на плечо закинувъ,
На брови шляпу круглую надвинувъ,
Вошелъ онъ къ нимъ. Овальное лицо,
Высокій лобъ и очи голубыя,
И русый усъ, и кудри золотые,
Все означало въ немъ, что онъ былъ сынъ
Иной земли, небесъ, иной природы,
Не обожженный солнцемъ Аппенинъ,
Не оживленный дикой ихъ свободой.
Умѣніе собою управлять,
Морщины раннія и думъ печать,
Во всѣхъ пріемахъ легкая небрежность
И благородство говорили въ немъ,
Что онъ рожденъ и росъ въ краю такомъ,
Гдѣ съ юныхъ лѣтъ души порывъ и нѣжность
Подавлены; гдѣ страсть—раба ума,
Жизнь—маскарадъ, природы гласъ—чума!..

XIX.

Онъ русскій былъ, дитя страны туманной,
И жилъ давно уже въ краю чужомъ...
Его хозяйка, сьора Маріанна,
Бывало, говорила такъ о немъ:
„Онъ малый скромный, платитъ аккуратно
И добръ: моимъ ребятамъ завсегда
Даетъ гостинца; только иногда
Такъ грустенъ, бѣдный! Впрочемъ, и понятно:

XX.

„Вѣдь онъ язычникъ... Можетъ-быть, Господь
Погибшаго печалью посѣщаетъ.
Дай Богъ ему спасти свой духъ и плоть!
Легко ль! Не вѣритъ въ папу онъ! Бываетъ,
Что цѣлый день проводитъ онъ какъ тѣнь
За книгами, или въ долинѣ бродитъ,
Иль блажь такая на него находитъ,
Что на конѣ онъ рыщетъ цѣлый день“.

XXI.

Владимиръ (такъ мы гостя назовемъ)
Былъ пораженъ сей мирною картиной;
Полубольной Карлино, и при немъ,
Облокотясь на спинку креселъ, Нина;
И мать ея (простите, я забылъ
Вамъ возвѣстить ея приходъ) глядѣла
На юную чету, и какъ яснѣла
Ей будущность!.. А по небу свѣтилъ
Небесныхъ лики ночь разоблачала,
И дымка влажная ночныхъ паровъ
Вилась вокругъ руинъ, гробницъ,
Дышали розы... музыка играла...

XXII.

ВЛАДИМИРЪ.

На югъ лишь сходитъ, только въ этотъ рай,
Подобный вечеръ...

КАРЛИНО.

А у васъ, далеко
На сѣверѣ не то?

ВЛАДИМИРЪ.

О, нѣтъ, жестоко
И зло природой нашъ обиженъ край.

КАРЛИНО.

Зато, синьоръ, вы сильны, вы богаты?

ВЛАДИМИРЪ.

Да, но ни солнца ни небесъ иныхъ
Не прикупитъ за дорогую плату:
И что намъ въ нихъ, въ богатствахъ покупныхъ?
Карлино, вѣрьте, право, я желалъ бы
На вашемъ мѣстѣ быть, клянусь душой,
Я жилъ бы здѣсь спокойно, изучалъ бы
Міръ древности и отдыхалъ порой
Подъ сѣнью моего же винограда;
И умереть была бы мнѣ отрада,
Я зналъ бы, что поплакать, помечтать
Прійдетъ на гробъ мой другъ любимый.

НИНА.

Боже!
Карлино былъ мнѣ съ дѣтства братомъ...

ВЛАДИМИРЪ.

Что же?

НИНА.

И только, больше ничего сказать
Я не хочу.

ВЛАДИМИРЪ.

Простите мнѣ, синьора,
Но видъ блаженныхъ южныхъ странъ во мнѣ
Рождаетъ грусть; и о родной странѣ
Во мнѣ болѣетъ мысль, полна укора;
Мнѣ грустно; я хандрю еще сильнѣй,
А тяжко на душѣ, языкъ вольнѣй,
И говорищь о томъ, что такъ тревожитъ.
Но, впрочемъ, васъ мой сплинъ занять не можетъ
Вы счастливы, какъ можетъ быть счастливъ
Здѣсь человѣкъ.

Онъ замолчалъ, сдавивъ
Украдкой грустный вздохъ въ груди. Карлино
Сжалъ руку Нины, тихо обративъ
Къ ней полные восторгомъ свѣтлымъ взоры;
Она молчала, очи устремивъ
На дальнія, темнѣющія горы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Въ дни древности питомцы Эпикура,
Средь мраморовъ, подъ шумъ падущихъ водъ,
Подъ звуки лиръ, въ честь Вакха и Амура,
Здѣсь пиромъ оглашали пышный сводъ.
Толпы невольницъ, розами убранныхъ,
Плясали вкругъ скелетовъ увѣнчанныхъ;
Спѣшили жить они, пока вино
Въ ихъ кубкахъ было ярко и хмельно,
Пока любовь играла пылкой кровью,
И цвѣлъ вѣнокъ, сплетенный имъ любовью.

II.

Они все тѣ жъ, Авзонiи сыны!
Ихъ пиръ гремитъ при пѣсняхъ двѣ румяныхъ,
Въ виду руинъ—скелетовъ, увѣнчанныхъ
Плющомъ и миртомъ огненной весны.
Межъ тѣмъ какъ смерть и міра отверженье

Бѣшаетъ имъ монаховъ мрачный клиръ,
Въ землѣ вскипаетъ лава разрушенья, —
Блеститъ вино, поетъ веселый пиръ,
И царствуетъ богиня наслажденья.

III.

Какъ я люблю Фраскати въ праздникъ лѣтній!
Лавръ, кипарисъ высокой годовой,
И розъ кусты, и миртъ, и дубъ столѣтній
Рисуются такъ ярко на густой
Лазури неба и на дымкѣ дали,
На блѣдномъ перламутрѣ дальнихъ горъ.
Органъ звучитъ торжественно. Соборъ
Гирляндами увитъ. Въ домахъ алѣютъ
Пурпурные ковры изъ оконъ. Тутъ
Съ хоругвями по улицамъ идутъ
Процессіи монаховъ; тамъ пестрѣютъ,
Шумятъ толпы; лучъ солнца золотой,
Прорвавши сводъ аллеи вѣковой,
Вдругъ обольетъ невѣдомымъ сіяньемъ
Покровъ, главу смуглянки молодой:
Картина полная очарованьемъ!
Для пришлеца она какъ пышный сонъ!
Ее любилъ Владиміръ; тихо онъ
Бродилъ; но посреди толпы и шума
Обычная тѣснилася въ немъ дума.

IV.

Любилъ онъ видѣть праздникъ сей живой
И типъ племенъ въ толпѣ разнонародной.
Какая смѣсь! Сыны страны холодной,
Сюда стеклись, гонимые хандрой;
Тамъ нѣмецъ жесткій, будто пня отрубокъ,
Съ сигарою и флегмою своей,
И фрасшатанка съ нѣгой алыхъ губокъ
И съ молніей полуденныхъ очей;
Французъ, въ своихъ пріемахъ утонченный,
И селянинъ Кампаніи алатой
Съ отвагою и ловкостью врожденной;
И важный бриттъ, предлинный, препрямой,
Всѣхъ сущихъ гидовъ строгій комментаторъ,
И подлѣ—огненный импровизаторъ.

V.

А русскіе?.. Тамъ много было ихъ,
Но уклонялся русскій нашъ отъ нихъ,
Какъ сладко намъ среди чужихъ наречій
Вдругъ русское словечко услыхать!
Такъ радъ! Готовъ какъ друга ты обнять
Всю Русь святую въ незнакомой встрѣчѣ!
Захочется такъ много разсказать
И разспросить... Но вотъ ударъ жестокій,
Когда въ своихъ объятіяхъ найдешь
Все тѣхъ же, отъ кого бѣжалъ далеко,
Какъ горько тутъ порывъ свой проклянешь!

VI.

Тотъ вывезъ изъ степей все то жъ татарство,
Средь пышности ничтожность, пустоту,
Тщеславіе наслѣдственнаго барства
Или вчерашнихъ титуловъ тщету;
Безъ мнѣнья голова, а рѣчь педанта;
Все русское ругаетъ наповалъ;
Все чуждое превыше всѣхъ похвалъ;
Всего коснется—отъ черни до Данта;

VII.

Санъ вѣсъ даетъ рѣчамъ его тупымъ;
Осудитъ онъ какъ-разъ Микель-Анджело,
И приговоръ его непогрѣшимъ,
Какъ приговоръ подписаннаго дѣла.
Отчаянный въ рѣчахъ радикалистъ,
Иль демагогъ, иль буйный кондотьери,
А между тѣмъ вчера дрожалъ, какъ листъ,
Вельможъ блестящихъ у пріемной двери.

VIII.

Другого есть покроя молодцы:
Тѣ чужды всѣмъ идеямъ басурманскимъ.
Имъ храмъ Петра ничто передъ Казанскимъ
И лучше винограда огурцы;
По нимъ, весь западъ сгинулъ въ мечтахъ безплодныхъ
И Тьеръ, Гизо, О'Коннель—дураки,

IX.

На блѣдныя смотря ихъ поколѣнья,
Владиміръ часто думалъ: Боже мой!
Ужели плодъ наукъ и просвѣщенья
Купить должны мы этой пустотой,
Ничтожностью, развратомъ униженья?
О, русскіе, вѣдь былъ же вамъ разгулъ
Среди степей, вдоль Волги и Урала,
Гдѣ воля духъ вашъ въ брани укрѣпляла;
Вѣдь доблестью горѣлъ вашъ гордый взоръ,
Когда вы шли на Ярославовъ Дворъ,
И вдохновлённыя отчизной рѣчи
Рѣшали споръ на новгородскомъ вѣчѣ:
Не разъ за честь родной своей земли
Вы города и храмы ваши жгли,
Несклонные нести, въ уничиженьи,
Чужую цѣпь и стыдъ порабощенья:
Ужель, когда мессія нашъ возсталъ,
Васъ пробудилъ, и міръ открылъ вамъ новый,
Въ васъ мысль вдохнулъ, вамъ жизнь иную далъ,—
Не вняли вы его живое слово,
И гласъ его въ пустынѣ прозвучалъ?
И, грустные, идете вы какъ тѣни,
Безъ силы, безъ страстей, безъ увлеченій?
Или была наука вамъ вредна?
Иль, дикаго растливъ, въ вашъ духъ она
Не пролила свой пламень животворный?
Иль, лѣнію окованнымъ позорно,
Не по-плечу вамъ мысли блескъ живой?
Упорнымъ сномъ вы платите ль Батыю
Доселѣ дань, и плодъ ума порой,
Какъ лишній соръ, сметается въ Россію?
И не зажгла наука въ васъ собой
Сознанія и доблестей гражданства,
И будетъ вамъ она кафтанъ чужой,
Печальное безличье обезьянства?..

* * * * * * * * * * * * * * * * *

X.

Родной языкъ, языкъ баяновъ давныхъ,
Боярскихъ думъ и княжескихъ пировъ,
Ты изгнанъ изъ блистательныхъ дворцовъ!
Родной языкъ, богатый какъ природа,

Хранитель слезъ, надеждъ и думъ народа,
Чѣмъ сталъ ты? Чѣмъ? Невѣжества клеймомъ
И рѣчью черни; баринъ именитый—
Увы!—теперь съ тобою незнакомъ,
И русскихъ дѣвъ сердца тебѣ закрыты.
Теперь тебя красавицы уста
Стыдятся, какъ позора убѣгая,—
Что жъ будешь ты, о, рѣчь моя родная,
Ты, лучшая устъ женскихъ красота?

XI.

Владиміръ создалъ для себя пустыню
Въ своемъ быту. Онъ русскихъ убѣгалъ,
Но родину, какъ древнюю святыню,
Какъ мать любилъ, и за нее страдалъ
И веселился ею. Часто взоры
Онъ обращалъ на снѣговыя горы
И свѣжій вѣтръ вдыхалъ онъ съ ихъ вершинъ,
Какъ хладный вздохъ родныхъ своихъ долинъ.

XII.

Да, посреди полуденной природы
Онъ вспоминалъ про шумъ своихъ дубровъ,
И русскихъ рѣкъ раскатистыя воды,
И мракъ и тайну вѣковыхъ лѣсовъ.
Онъ слышалъ гулъ ихъ съ самой колыбели
И помнилъ, какъ, свои качая ели,
Вся стономъ стонетъ русская земля;
Тотъ вопль былъ свѣжъ въ душѣ его, какъ стоны
Богатыря въ цѣпяхъ. Средь благовонной
Страны оливъ, онъ вспоминалъ поля
Широкія и прудъ позеленѣлый,
Рядъ дымныхъ избъ, домъ барскій опустѣлый,
Гдѣ росъ онъ, домъ, исполненный затѣй
Тогда, псарей, актеровъ, трубачей,
Всѣхъ прихотей россійскаго боярства,
Умѣвшаго такъ славно вѣкъ коптать,
Успѣвшаго такъ дивно сочетать
Европы лоскъ и варварство татарства.

XIII.

Какъ Колизей, боярское село
У насъ свою исторію имѣетъ.
Одна у всѣхъ: о домѣ, гдѣ свѣтло

Жилъ дѣдъ его, наслѣдникъ не радѣетъ,
Платя хандрой дань вѣку своему,
Онъ какъ чужой въ родномъ своемъ дому;
Ища напрасно въ общей жизни пищи,
Не можетъ онъ забыться средь псарей;
Сокрывшися въ отеческомъ жилищѣ,
Ругаетъ свѣтъ, скучая безъ людей.

XIV.

Ахъ, отчего мы старѣемся рано
И скоро къ жизни холодѣемъ мы!
Вдругъ никнетъ духъ, черствѣютъ вдругъ умы!
Едва восходъ блеснетъ зарей румяной,
Едва дохнетъ зародышъ высшихъ силъ,
Едва зардѣетъ пламень благородный,
Какъ вдругъ, глядишь, завялъ, умолкъ, остылъ,
Заглохъ и сгибъ, печальный и безплодный...
О, Боже! Влей въ жизнь нашу полноту,
Пролей въ пустой сосудъ напитокъ силы
И мыслію проникни пустоту,
Сознаньемъ укрѣпи нашъ духъ унылый!

XV.

Пошли еще пророка намъ, и мы
Увѣруемъ въ его живое слово:
Пусть просвѣтитъ онъ хладные умы,
Повѣдаетъ, кто мы? Зачѣмъ громовый
Орелъ нашъ сталъ могучъ своимъ крыломъ?
Зачѣмъ на насъ глядятъ въ недоумѣньи,
Со страхомъ, всѣ земныя поколѣнья?
Что новаго мы въ жизнь ихъ принесемъ?
Зачѣмъ на насъ, какъ на звѣзду полночи,
Устремлены съ надеждой теплой очи
Печальныхъ нашихъ братіевъ—славянъ,
У снѣжныхъ Альпъ, въ ущеліяхъ Балканъ?

XVI.

Изъ сей главы, печальной и угрюмой,
Изъ этихъ чертъ глубоко-тяжкой думы,
Поймете вы, какъ мыслилъ мой герой—
Въ тѣ дни еще, когда въ груди младой
Есть жизнь, и въ ней волканомъ бродитъ
Все, изъ чего потомъ въ душѣ выходитъ
Осадокъ жалкій—черная хандра!

. . . . . .

XVII.

Сей пустотой душевною, жестокимъ
Удѣломъ нашимъ, мой герой страдалъ.
Онъ дома, видя все одно, скучалъ,
И увлеченъ всеобщимъ былъ потокомъ:
Наполнить жизнь и душу онъ хотѣлъ,
Оставивши отеческій предѣлъ,
Среди иныхъ людей, въ краю далекомъ.

XVIII.

И посѣтилъ онъ новый Вавилонъ.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Нашелъ ли онъ себѣ отраду въ немъ?
Онъ чувствовалъ, средь общаго волненья,
Среди торжествъ, побѣдъ иль пораженья,
Онъ все чужой на праздникѣ чужомъ...
Вкругъ жизнь кипитъ: витійствуютъ палаты,
Рѣшается давно-зачатый споръ,—
Тамъ каждый, въ сей божественной, богатой,
Общественной комедіи актеръ...
А онъ пришлецъ, онъ незванъ и непрошенъ,
На чуждый пиръ судьбой случайно брошенъ!

XIX.

То завистью, то скорбію томясь,
Жизнь сихъ племенъ кипящихъ, юныхъ вѣчно,
На небеса Италіи безпечной
Онъ промѣнялъ, и думалъ онъ не разъ —
Тамъ, посреди святыхъ ея трофеевъ,
Среди ея руинъ и мавзолеевъ,
Тамъ, въ сумракѣ старинныхъ галлерей,
Предъ мраморомъ античнаго ваянья,
Среди святынь ея монастырей,
Библіотекъ ученаго молчанья,
Доступны всѣмъ и пища, и покой,
И царство думъ съ восторгомъ и мечтой...

XX.

Онъ правъ: искусствъ въ глубокомъ созерцаньи
Найдешь пріютъ для сердца, головы;

Но здѣсь, среди людей?.. Вотъ праздникъ шумный;
Съ какимъ огнемъ и радостью безумной
Толпы бѣгутъ... Но нашъ пришлецъ—увы!—
Ужъ новости въ народномъ пульчинеллѣ
Не находилъ; его скрипачъ слѣпой,
Какъ юныхъ дѣвъ собравшихся толпой,
Не призывалъ къ веселой сальтареллѣ.

XXI.

Пускай себѣ подъ небомъ золотымъ
Поетъ народъ за кубкомъ круговымъ,
Пусть пляшетъ тамъ смуглянка молодая,
Какъ вдохновенная передъ кружкомъ,
То топая звенящимъ башмачкомъ,
То тамбуринъ гремучій потрясая...
Онъ поглядѣлъ на нихъ, а тамъ опять
Задумался и снова сталъ скучать.
Въ любимыхъ думахъ тяжкія сомнѣнья
Тѣснились въ немъ. Ища уединенья,

XXII.

Оставилъ онъ пирующій народъ
И на гору направилъ путь. Идетъ,
И вотъ предъ нимъ часовня. Вязъ зеленый
Надъ ней раскинулъ листьевъ темный сводъ,
И теплилась лампада предъ Мадонной.
Двѣ женщины склонились передъ ней:
Старушка Ave Maria читала,
И подлѣ Нина грустная стояла.
Въ ея рукахъ вѣнокъ былъ изъ лилей,
И капли слезъ струились изъ очей...

XXIII.

„У счастія свои есть тоже слезы!—
Владимиръ думалъ:—Боже, какъ бы я
Желалъ такъ плакать! Да! Молись, дитя!
Твоей души младенческія грозы
Такъ сладостны... О, проклятъ будь стократъ,
Кто у тебя отыметъ этотъ кладъ,—
. . . . . .
. . . . . ."

XXIV.

О комъ, о чемъ молилася она?..
Не шепчутъ словъ уста полуоткрыты...

Я вѣрю, не была заучена
Ея молитва въ школѣ езуита:
Въ ней не было опредѣленныхъ словъ,
Но теплое и смутное слiянье
И чувствъ и мысли, страха и желанья...
Пугалъ ли Нину тайный мракъ годовъ?
О другѣ ль дѣтства кроткiя молитвы?
Или о томъ, кто вынесъ жизни битвы?
То тайна сердца дѣвы, и она
Владѣетъ этой тайною одна.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Владимиръ не хотѣлъ своимъ явленьемъ
Смутить молитвъ ихъ таинство; какъ бѣсъ
Предъ свѣтлымъ праздникомъ (его сравненьемъ
Я пользуюсь), въ аллеѣ онъ исчезъ.
А тамъ ему навстрѣчу смѣхъ и споры,
И кинулся ему на шею вдругъ
Пріятель, графъ ***.

ГРАФЪ.

Здравствуй, другъ!
Скажи, гдѣ ты? Ужъ вотъ, недѣля скоро,
Я здѣсь живу и все тебя искалъ.
Былъ у тебя, ни разу не засталъ...
Ты схимникъ сталъ... Имѣю честь поздравить!
Здоровъ ли? Но позволь тебѣ представить...
Попутчикъ; вмѣстѣ ѣхали мы въ Римъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Ахъ, очень радъ.
— Имѣю честь... я статскiй
Совѣтникъ, Левъ Иванычъ Таракацкiй.
А съ кѣмъ имѣю честь?..

ВЛАДИМИРЪ.

— *** —

ЛЕВЪ ИВАНЫЧЪ.

Чинъ?
Изволили служить?

ВЛАДИМИРЪ.

Служилъ.

ЛЕВЪ ИВАНЫЧЪ.

Въ отставкѣ?

ГРАФЪ.

О, послѣ, Левъ Иванычъ, ваши справки
Вы наведете... Какъ живешь?

ВЛАДИМИРЪ.

Одинъ,
Какъ видишь, хорошо.

ГРАФЪ.

Ты зналъ княгиню
Донскую? Здѣсь она.

ВЛАДИМИРЪ.

Мнѣ все равно.

ГРАФЪ.

Я здѣсь нашелъ родню свою, графиню
Терентьеву.

ВЛАДИМИРЪ.

Ты знаешь, я давно
Не ѣзжу въ свѣтъ.

ГРАФЪ.

Но нѣтъ, вѣдь мы иную
Здѣсь жизнь ведемъ. Я нынче не танцую.

ВЛАДИМИРЪ.

Что жъ? Дипломатомъ сталъ?

ГРАФЪ.

Совсѣмъ не то.
Кузина, я, княгиня, м-сье Тертò,
Одинъ французъ, мы вмѣстѣ изучаемъ
Здѣсь древности. Мы смотримъ и читаемъ,
И споримъ... Прелесть этотъ древній Римъ,
Гдѣ Колизей и Термы Каракаллы!
Поэзія! Не то, что фински скалы!
Жаль, умеръ Байронъ! Мы бы вѣрно съ нимъ
Свели знакомство! Съ Байрономъ бы вмѣстѣ
Желалъ я съѣздить ночью въ Колизей!
Послушалъ, что бы онъ сказалъ на мѣстѣ,
Прославленномъ величьемъ древнихъ дней!
Какъ думаешь? Вѣдь это было бъ чудо!

ВЛАДИМИРЪ.

За неимѣньемъ Байрона, покуда
Я вамъ скажу, что лучше вамъ ѣсть сыръ,
Пить Лакрима, зѣвать на Торденонѣ,

Да танцовать на балѣ у Торлони,
Съ графинями не ѣздя въ древній міръ.

ГРАФЪ.

Нѣтъ, ты жестокъ, и ты меня не знаешь.
Донская ангелъ... Но ужели ты
Такъ золъ? Ужель ты вправду полагаешь,
Что мы не чувствуемъ всей красоты
Италіи? Природа и искусства
Рождаютъ въ насъ совсѣмъ иныя чувства.

ЛЕВЪ ИВАНЫЧЪ.

Помилуйте! Я то же испыталъ
И на себѣ. Конечно, мнѣ въ Россіи
Жить дома—лучше: связи и родные,
Карьера вся, почтенье... Но я сталъ
Совсѣмъ иной, и мысли все такія,
Которыхъ не видалъ бы и во снѣ.
Я многое здѣсь очень охуждаю;
Бездомность, жизнь въ café я осуждаю;
Но многаго и нѣтъ въ иной странѣ.
Не нравятся мнѣ торсы, Аполлоны,
Но какъ зато понравилися мнѣ
Здѣсь обелиски! Вѣчныя колонны
Вездѣ однѣ... И мысль есть у меня,
Какъ замѣнить колонну обелискомъ;
И въ Петербургъ писать намѣренъ я,
Подать проектъ... сначала людямъ близкимъ...
Комиссію нарядятъ для того:
Построить портикъ, оперевъ его
На обелиски... Какъ моя затѣя
Вамъ нравится?

ВЛАДИМИРЪ.

Чудесная идея!
Исакій, жаль, къ концу уже идетъ.

ГРАФЪ.

Да, точно.

ВЛАДИМИРЪ.

Жаль, идея пропадетъ.

ЛЕВЪ ИВАНЫЧЪ.

Вотъ видите, вліяніе какое
Италія имѣетъ на умы;
Перерождаемся въ ней тотчасъ мы.

ВЛАДИМИРЪ.

О, да, ея вліянье роковое!
Студентъ, совѣтникъ статскій, генералъ,
Чуть воздухомъ подышитъ Буонаротти,
Глядишь, ужъ знатокомъ, артистомъ сталъ,
Совсѣмъ иной по духу и по плоти!
Въ Венецію ступайте: тамъ, гдѣ дожъ...

ЛЕВЪ ИВАНЫЧЪ.

Поѣду, но въ какомъ же отношеньи
Венеція такъ интересна? Что жъ
Особенно въ ней стоитъ осмотрѣнья?

ВЛАДИМИРЪ.

Какъ для кого. Васъ гондолы займутъ,
Быть-можетъ, тамъ; на Ривѣ балаганы,
Паяцы, доктора и шарлатаны,
Иль музыка—по вечерамъ поютъ
На площади—все это такъ пріятно!

ЛЕВЪ ИВАНЫЧЪ *(таинственно)*.

Остатки все республики, понятно!

ГРАФЪ.

А женщины! Какая красота!

ЛЕВЪ ИВАНЫЧЪ.

Для женщинъ я ужъ старъ, не тѣ лѣта,
И ужъ пора домой, къ женѣ и дѣткамъ.

ГРАФЪ.

Соскучился ужъ Левъ Иванычъ нашъ,
Все просится къ своимъ гусямъ, насѣдкамъ.

ЛЕВЪ ИВАНЫЧЪ.

Такъ созданъ я, и не пересоздашь.
Взгрустнется разъ иной: все бъ отдалъ, право,
За свой кружокъ, домашній самоваръ,
Да борщъ, да щи вчерашнія съ приправой,
Да костоломной русской бани паръ.
Что, батюшка? А санки бѣговыя?
Рысакъ въ корню, дугою пристяжныя...
Я радъ, что я чужбину посѣтилъ,
А край родной, какъ худъ ни будь, все милъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Прекрасно, Левъ Иванычъ, дайте руку!

ЛЕВЪ ИВАНЫЧЪ.

Что, батюшка, вздохнулъ?

ГРАФЪ.

Ну, вотъ, пошли...
Чуть выѣхавъ изъ варварской земли,
Оплакиваютъ скиѳы съ ней разлуку!
О, скиѳство!

ВЛАДИМИРЪ.

Да, мы скиѳы. Много въ насъ
Есть, точно, скиѳскихъ свойствъ.

ГРАФЪ.

Гиперборейцы!
Съ любовію къ лѣсамъ, къ степямъ, для васъ,
Ей-ей, ввѣкъ будутъ чужды европейцы.
Нѣтъ, истинно разумный человѣкъ—
Космополитъ. Въ немъ душу восторгаетъ
Развитіе, успѣхъ; онъ наблюдаетъ,
Какъ все впередъ, впередъ стремится вѣкъ,
И гдѣ успѣхъ, онъ тамъ отчизну видитъ.
Отсталое одно онъ ненавидитъ.
Жаль, некогда теперь мнѣ; подожди,
Nous discuterons—рѣшенье впереди...
Но, странно, ты не бросилъ за границей
Патріотическихъ своихъ идей?

ВЛАДИМИРЪ.

Никакъ не могъ: во мнѣ еще сильнѣй...

ГРАФЪ.

Все вздоръ: повѣрь, окончишь ты больницей
Умалишенныхъ... Faut que je te quitte,
Прощай; о, скиѳъ!

ВЛАДИМИРЪ.

Прощай, космополитъ!

Кто жъ правъ изъ нихъ? Ей-ей, рѣшить боюсь...
Какая сила въ этомъ словѣ—Русь!
Вздохнешь, его промолвя, глубоко;
И мысль пойдетъ бродить такъ широко,
Грустна, какъ пѣсни русской переливы,
Безцвѣтна, какъ разгулъ родныхъ равнинъ,
Гдѣ вѣтеръ льнетъ ко груди полной нивы,
Гдѣ все жилье—рядъ избъ, въ тѣни рябинъ,
А далѣ—небо блѣдными краями
Слилось съ землею, съ синими лѣсами

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Когда впервые Нина услыхала
Слова, какимъ дотолѣ не внимала,
Когда нашла больную душу, ей
Казалося безмѣрно разстоянье
Межъ ней и тѣмъ, кто эти зналъ страданья.
Сперва зажглось лишь любопытство въ ней;
Потомъ ей втайнѣ сдѣлалось пріятно
Жалѣть о другѣ новомъ; непонятно
Къ нему неслись ея всѣ мысли; онъ,
Казалось ей, достоинъ лучшей доли—
А какъ помочь? Въ ея ли это волѣ?
Быть-можетъ, онъ озлобленъ, оскорбленъ,
И рождена она, какъ знать, съ призваньемъ
Вновь помирить его съ существованьемъ...

ВЛАДИМИРЪ.

Что вашъ больной, Нинета?

НИНА.

Ничего,
Гораздо лучше. Нынче понемногу
Онъ сталъ гулять. Припадки у него
Все рѣже.

ВЛАДИМИРЪ.

Стало-быть, угодны Богу
Молитвы ваши?

НИНА.

Я за всѣхъ молюсь,
Кого люблю.

ВЛАДИМИРЪ.

Счастливецъ!

НИНА.

Но Карлино...
Онъ не одинъ... Синьоръ, я вамъ кажусь
Простою дѣвочкой; — такъ — бѣдной Ниной;
Вамъ кажется — гдѣ мнѣ васъ оцѣнить...
Но есть у женщинъ въ сердцѣ голосъ ясный:
Что вамъ даютъ науки, можетъ-быть,
У насъ врожденное: вѣдь вы несчастны,
Признайтесь?

ВЛАДИМИРЪ.

Кто же вамъ сказалъ?

НИНА.

Вашъ взглядъ
И сердце. Вы несчастны?

ВЛАДИМИРЪ.

Ради Бога,
Оставимъ это. У мужчины много
Есть въ сердцѣ струнъ, которыя молчатъ
И чужды въ женскомъ сердцѣ. Есть заботы,
Недуги есть, безвѣстные для васъ,
А ихъ лѣчить нѣтъ силъ и нѣтъ охоты
Ни у кого.

СЬОРА ТЕТА (*мать Нины*).

Да, да, неровенъ часъ.
Покойникъ мой былъ свѣжъ: однажды рано
Пришелъ домой, весь блѣденъ, какъ сметана.
Сталъ охать, слегъ. Я къ доктору. Тотчасъ
Пустили кровь. Три доктора собрались —
И всѣ лѣчить бѣдняжку отказались.
Какъ стукнетъ часъ, такъ не уйдетъ никто.

НИНА.

Ахъ, маменька, да это вѣдь не то.

СЬОРА ТЕТА.

Ну какъ не то? Вотъ поживи на свѣтѣ...
Но, впрочемъ, вы себѣ толкуйте, дѣти,
Мнѣ некогда и къ дѣлу своему
Пора.

НИНА.

Скажите мнѣ: я васъ пойму!
У васъ, синьоръ, душевныя страданья?

ВЛАДИМИРЪ.

Какъ вамъ назвать ихъ? Нѣту имъ названья!
Душевной пустотой? Нѣтъ! Иногда
Душа полна восторга, и въ волненье
Ее приводитъ доблесть, вдохновенье
И образъ геніальнаго труда...
Иль сномъ ума? Нѣтъ, онъ не спитъ и шумно
Работаетъ, и любитъ онъ труды;
Онъ труженикъ: какъ рудокопъ безумный,
Все роется и ищетъ онъ руды;
Но до нея не можетъ онъ дорыться,
И подрываетъ только то, что въ немъ
Святѣйшаго, небеснаго таится.

НИНА.

Любили ль вы? Любимымъ существомъ
Вы были ль поняты?

ВЛАДИМИРЪ.

Да, *жизни розы*,
Какъ говорятъ поэты, зналъ и я —
И теріъ ея я знаю. Жизнь моя —
Увы! — полна поэзіи и прозы
Двухъ страшныхъ словъ: любилъ и разлюбилъ!
Я многое достойно оцѣнилъ!
Была пора: всѣ жребіи земные,
Казалось, я въ рукахъ своихъ держалъ:
Для общества людей я посвящалъ
Всѣ чувства лучшія, мечты святыя,
На благо имъ, я думалъ, я рожденъ —
И могъ бы быть... Смѣшной и глупый сонъ!
Съ горячей головой, горячей кровью,
Въ душѣ къ добру, къ прекрасному съ любовью,
Принесть я думалъ на алтарь любви
Свой трудъ и славу, всѣ мечты свои...
Гражданской доблестью кипѣлъ я рано...
Ахъ, бросимъ это, бросимъ! Это рана
Болящая, и женщинѣ нельзя
Ее понять... Въ груди ее нося,
Я дорожу ей: то знаменованье,
Что я рожденъ былъ жить для лучшихъ дней —
То лучшихъ чувствъ послѣднее дыханье!
Обманутый, весь пылъ моихъ страстей,
Все, что цѣнилъ, я назвалъ пустяками;
Во всемъ тогда вдругъ усомнился я,
Что такъ срослось съ моей душой, съ мечтами.
Я колебался. Адская змѣя
Какъ будто облила мнѣ душу ядомъ.
Бѣсился я, слѣпцомъ себя я звалъ...
Потомъ и сомнѣваться пересталъ,
И равнодушія былъ облитъ хладомъ;
И зло теперь меня не удивитъ,
Добро не поразитъ, не оживитъ —
Что жъ мнѣ осталось въ жизни?

НИНА.

Безъ сомнѣнья,
У васъ враги есть?

ВЛАДИМІРЪ.

Нѣтъ ихъ, къ сожалѣнью!
Или, когда хотите, самъ себѣ
Я врагъ. Зачѣмъ я раньше пламень чувства
Не утушилъ, покорствуя судьбѣ?
Не изучилъ безстрастія искусство?
Зачѣмъ я пылкій умъ не заморилъ
Въ бездѣйствіи? Тогда бъ, какъ камень вѣчный,
Какъ статуя, — я прожилъ бы безпечно;
И подъ конецъ, конечно бы, вкусилъ,
Всѣмъ прихотямъ судьбы своей покорный,
Нелѣпое блаженство жизни вздорной.
Не понимать, не видѣть, не слыхать,
Безумно лучшей цѣли не искать,
Не чувствовать—мнѣ было бы отрадой,
И вѣчный міръ за то бъ мнѣ былъ наградой!
А то теперь всѣ прежнія мечты,
Всѣ высшія души моей начала —
Все злобный образъ демона пріяло!
И демонъ этотъ слѣдуетъ за мной;
Онъ съ красоты срываетъ покрывало;
Онъ между мною и трудомъ моимъ;
Межъ мной и другомъ лучшимъ; между мною
И женщиной — скелетомъ гробовымъ
Становится... Насмѣшливостью взоровъ
Спасаетъ ли меня въ грядущемъ онъ
Отъ новыхъ бѣдъ, мученій и укоровъ —
Не знаю, но имъ вѣкъ мой отравленъ.

НИНА.

О, Боже, Боже! Вы мечтатель страстный!
Страдаете вы только потому,
Что вы одни, а волю дать уму,
Живя въ пустынѣ, тяжко и опасно.
Быть-можетъ, жизнь веселая недугъ
Излѣчитъ вашъ иль дружба... Вѣрный другъ
Есть лучшая опора намъ въ страданьи...
Любовь... Она должна вамъ посвятить
Все, жизнь свою, мечты, существованье...
И вы ее найдете, можетъ-быть...

И бѣдная, закрывъ лицо руками,
Вдругъ залилась горячими слезами.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Вы спросите, предъ дѣвочкой простой
Владиміръ для чего такъ откровенно
Все высказалъ, что̀ было за душой?
То былъ ли въ немъ или порывъ мгновенный,
Иль хорошо разсчитанный ударъ?
Хотѣлъ ли повторить онъ съ сердцемъ Нины
Урокъ, давно затверженный въ гостиной,
И этотъ вздохъ, и этотъ чувства жаръ,
И горечь жизни трудной и безцѣльной,
Ужели все фальшиво и поддѣльно?..
Да, трудно дать на то прямой отвѣтъ—
Какъ вамъ сказать... И да и нѣтъ.

II.

Владиміръ былъ воспитанъ въ школѣ свѣта.
Онъ зналъ любовь—и только разъ любилъ,
Какъ любимъ всѣ мы въ молодыя лѣта;
Потомъ слегка любовію шутилъ...
Онъ разъ любилъ: всѣ, думалъ, совершенства
Заключены въ избранницѣ его;
Потомъ онъ понялъ (и прости блаженство!),
Что онъ любилъ себя лишь самого:
Что въ ней, какъ солнце въ морѣ, отражались
Лучи его мечтаній молодыхъ,
Что видѣлъ въ ней все, что̀ въ мечтахъ своихъ
Хотѣлъ онъ видѣть... Но мечты умчались:
Онъ увидалъ, какъ, сбросивъ маски съ лицъ,
Избранницы его преображались
Въ боярынь изъ мечтательныхъ дѣвицъ,
Въ Настасіи Лукьяновны изъ Насти...
Не умеревъ однакожъ отъ тоски,
Онъ посмотрѣлъ на жизнь, на сердце, страсти,
Анализа въ холодныя очки.

III.

Какъ согласить всѣ эти переходы
Изъ нѣжныхъ дѣвъ въ боярынь—онъ не зналъ,
И блѣдностью полунощной природы
Онъ блѣдность лицъ и душъ ихъ объяснялъ.
Онъ овладѣлъ заманчивымъ искусствомъ
Играть, шутить и управлять ихъ чувствомъ;

И даже иногда былъ такъ счастливъ,
Что пробуждалъ къ высокому порывъ
У нашихъ дамъ—сихъ жрицъ роскошной лѣни,
Что, погрузясь дивана въ мягкій пухъ,
Покоятся, какъ жены ханской сѣни,
Откуда Гименей, какъ злой евнухъ,
Прогналъ и музъ и бога пѣснопѣній...
Но съ тѣмъ прости пора волшебныхъ сновъ,
И въ душу пустота легла невольно:

. . . . . .

. . . . . .

IV.

Такъ нашъ герой изъ этой свѣтской школы
Извлекъ урокъ печальный и тяжелый.
Онъ въ главный догматъ кодекса любви
(Любви дѣвицъ и мальчиковъ) не вѣрилъ:
На бытіе двухъ душъ *родныхъ* свои
Не полагалъ надежды; чувство мѣрилъ
Не цѣлой вѣчностью, но онъ цѣнилъ
Минутное, быть-можетъ, увлеченье
И, къ горю дѣвъ, давно имъ говорилъ:
Вѣрнѣе вѣчности одно мгновенье.

V.

А здѣсь, теперь? Одинъ въ самомъ себѣ
Свидѣтель внутренней глубокой драмы,
Одинъ и зритель и атлетъ въ борьбѣ
Высокихъ чувствъ души съ судьбой упрямой,—
Невольно онъ предъ первымъ, кто спросилъ
Съ участіемъ: „О, другъ мой, что съ тобою“—
Что было въ немъ довѣрчиво излилъ
И лѣтопись печальную раскрылъ
Предъ чистою, невинною душою...

VI.

Разъ встрѣтилъ онъ мать Нины. Смущена,
Какъ полоумная была она.
„Что ваша Нина?“—„Нина? Двѣ недѣли,
Какъ все больна и не встаетъ съ постели;
Горячка страшная... И день-денской
Все на ногахъ... За что, за грѣхъ какой,
О, Господи, насъ посѣтилъ слезами!
Къ себѣ пускаетъ лишь одну меня.

Карлино не видалъ ея три дня.
Она зоветъ васъ, бредитъ только вами.
Прійдите къ намъ".

ВЛАДИМИРЪ.

Какъ мнѣ?.. Нѣтъ, мнѣ нельзя.
Мое явленье можетъ быть опасно—
Я испугать ее могу. Напрасно
Боитесь вы. Пройдетъ, увѣренъ я,
Ея болѣзнь. Горячки въ эти лѣта
Бояться нечего. Притомъ пора,
Мнѣ ѣхать надо, нынче въ ночь, до свѣта,
Прощайте, я уѣду до утра.

СЬОРА ТЕТА.

Какъ ѣхать? Что вы? Что вамъ торопиться?
У васъ квартира на годъ вѣдь. Что жъ такъ?
Куда?

ВЛАДИМИРЪ.

Еще не знаю.

СЬОРА ТЕТА.

Съ ней проститься
Вы не хотите?

ВЛАДИМИРЪ.

Не могу никакъ.

VII.

Онъ понялъ все... Что жъ дѣлать? Надо
Бѣжать; бѣжать отъ новыхъ, тяжкихъ золъ
И, можетъ-быть, отъ счастья и отрады...
Кто знаетъ, для него, быть-можетъ, цвѣлъ
Въ сѣни оливъ и лавровъ фраскатанскихъ
Сей горный цвѣтъ на камняхъ тускуланскихъ;
Затѣмъ, быть-можетъ, *высшая рука*
Его вела чрезъ Альпы снѣговыя,
Въ сей пышный край звала издалека
И дни ему сулила золотые,—
Такъ нашъ Владиміръ думалъ и мечталъ.

. . . . . .

IX.

. . . . . .

О, женщинамъ удѣлъ завидный данъ—
Въ несчастіи—покорность и терпѣнье!

X.

И выдвинулъ онъ пыльный чемоданъ,
Сложилъ свои невинныя творенья—
Бумаги, гдѣ описывалъ онъ Римъ,
Десятокъ книгъ, пейзажи и портреты,
Всѣ древности, отысканныя имъ,
И зарядилъ въ дорогу пистолеты.
„Въ путь, въ путь, друзья мои! Въ краю иномъ
Попрежнему мы съ вами заживемъ!
Въ Россіи мирно лежа на лежанкѣ,
Не въ первый разъ намъ чувство подавлять,
Утѣшимся, а тамъ начнемъ писать
Еще стихи къ прелестной фраскатанкѣ!
Конечно, ихъ, по счастью, не прочтутъ...
Но всѣ меня поэтомъ назовутъ—
Поэтомъ быть—великая отрада!
Всѣ думаютъ, иначе онъ рожденъ,
Иначе чувствуетъ и мыслитъ онъ...
О, жизнь, о, жизнь! Ты даръ небесъ иль ада?

XI.

„Я ѣду. Долгъ и честь мнѣ такъ велятъ.
Но отчего, на *подвигъ благородный*
Рѣшившися, ни грустенъ я ни радъ
Особенно? Съ рѣшимостью холодной
Мнѣ все равно итти, что въ смертный бой,
Что за обѣдъ . . . . . .
Плодъ это сплина или воспитанья?

XII.

„Да, Нину испугала пустота
Моей души. Душа безъ упованья,
Безъ пламенныхъ стремленій и мечтанья!
Исторія жъ ея или проста,
Какъ хроника монаха-грамотея,
Иль полная, живая эпопея.
Все дѣло въ томъ лишь, какъ ее понять.
Есть случаи, и ихъ ни разсказать
Ни описать,—а сколько въ нихъ значенья,
Думъ сладостныхъ, для сердца вдохновенья!
Хоть наша встрѣча... Какъ тутъ описать?
Съ Наташей... Странная еще отрада
Мнѣ въ имени ея и до сихъ поръ.

Казалось намъ—и съ перваго ужъ взгляда—
Что дружны мы давно, и разговоръ
Нашъ былъ какъ бы друзей давнишнихъ; взоръ
Досказывалъ неконченныя рѣчи—
А тотъ восторгъ, а тѣ полуслова,
Пожатье рукъ, условленныя встрѣчи!..
А этотъ вздоръ, которымъ голова
Моя тогда пылала! Жажда славы!
Какъ всюду я кидался на лукавый
Ея привѣтъ... все улыбалось мнѣ;
Науки были ясны такъ, какъ слѣпы
Ученые и книги ихъ нелѣпы;
Какъ подорвать я думалъ въ тишинѣ
Весь хламъ системъ ихъ... Но, наскучивъ ими,
Я бросилъ ихъ, назвавши ихъ смѣшными.
Мнѣ дѣйствовать хотѣлось! . . . .
. . . . . .
Я думалъ, что въ воинственномъ разгулѣ
Есть больше жизни! Браво! На Кавказъ!
Вотъ фактъ простой: случалося не разъ,
Въ какомъ-нибудь разграбленномъ аулѣ,
Въ ущеліи стоишь на караулѣ.
Гдѣ больше прозы? А какъ заглянуть
Тогда мнѣ въ душу, въ сердце, въ грудь—
Какая тамъ поэма клокотала!
Какая рама ей была!.. Потомъ
Все просто; я спѣшилъ въ любимый домъ—
Увы! Кумиръ мой—замужемъ. Сначала
Не вѣрилъ я, а тамъ повѣрилъ. Съ ней
Мы видѣлись—о прошломъ ни полслова,
Какъ будто все въ порядкѣ шло вещей.
Упрека и отчаянья смѣшного
Не обнаружилъ я и, какъ Катонъ,
Все перенесъ... А сколько есть Катоновъ?
Что жъ это? Плодъ общественныхъ законовъ?
Кто не таковъ, тотъ нынче и смѣшонъ...
Сократы вѣка! Ядъ мы пьемъ послушно,
Не жалуясь, что смертоносенъ онъ—
Живьемъ себя хоронимъ равнодушно!“

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Такъ онъ сидѣлъ, добыча тяжкихъ мукъ,
Свѣча горѣла тускло у камина;
Стихали вкругъ сосѣди къ ночи. Вдругъ
Открылась дверь, въ дверяхъ явилась Нина.
Она была вся въ бѣломъ. По плечамъ
Вилась коса. Порывъ души смятенной
И сумракъ придали ея очамъ
Чудесный блескъ. Не дѣвою смиренной,
Она была Сибиллой вдохновенной,
Внимающей божественнымъ рѣчамъ...
Огонь любви, огонь негодованья
Прекрасныя черты одушевлялъ;
Румянецъ съ блѣдностью въ лицѣ игралъ,
Вздымало грудь неровное дыханье.

ВЛАДИМИРЪ.

Какъ! Нина здѣсь? Такъ поздно...

НИНА.

О, ты мой!
Ты здѣсь еще!.. Нѣтъ, то обманъ, я знала.
Вѣдь ты не думалъ, не хотѣлъ меня
Убить... Ихъ шутка!.. А какъ я страдала
Отъ этой шутки!

ВЛАДИМИРЪ.

Бѣдное дитя!
Что, что съ тобою?.. Нина, успокойся,
Ты такъ встревожена.

НИНА.

О, нѣтъ, не бойся!

ВЛАДИМИРЪ.

Ты плачешь?..

НИНА.

Нѣтъ, теперь ужъ я смѣюсь—
Вѣдь я съ тобой. Пускай прійдетъ міръ цѣлый,
Я вкругъ тебя руками обовьюсь,
Какъ змѣй... Я буду биться львицей смѣлой
И не отдамъ тебя.

ВЛАДИМИРЪ.

Скажи жъ, чего

Боялась ты?

НИНА.

Ты ѣдешь?

ВЛАДИМИРЪ.

До того

Кому нужда?

НИНА.

Ты ѣдешь?

ВЛАДИМИРЪ.

Да... и скоро.

НИНА.

О, есть ли сердце у тебя? Гляди
Въ глаза мнѣ прямо. Что въ моей груди?
Прочти, что въ ней?.. Ты понялъ? Приговора
Судьбы ты не прочелъ въ ней?.. Такъ иди,
Прочь камень сѣверный, палачъ жестокій...
Прочь! По свѣту скитайся одинокій!
Но... милый другъ, клянись мнѣ навсегда...

ВЛАДИМИРЪ.

Мой ангелъ, успокойся.

НИНА.

Я тверда,
Я въ памяти. Не глупый бредъ простуды
Мои слова. Послушай, я клялась...
Мнѣ сердце—Богъ; я сердцу отдалась.
Черезъ мой трупъ ты выйдешь лишь отсюда.
Одно лишь слово—и рѣшилась я.
Скажи мнѣ прямо: любишь ли меня?
И взоръ, сверкавшій нѣкой дивной силой,
Она въ него безумно устремила.
Онъ былъ въ борьбѣ съ собой.

НИНА.

Не любишь, нѣтъ?
Знай, гдѣ бъ ты ни былъ, я пройду весь свѣтъ,
Я отыщу... отмщу... Самъ Богъ порука!

ВЛАДИМИРЪ.

Меня ты знаешь, Нина. Жизнь мнѣ мука.
Тебя обречь той мукѣ—нѣту силъ
Во мнѣ. Быть-можетъ, я бъ тебя любилъ
Послѣднею любовію моею;
Любилъ бы такъ, какъ, можетъ-быть, никто.

Въ моей душѣ вѣдь только заперто,
А не погасло чувство—но не смѣю
Души твоей я отравить собой.

НИНА.

Не думай обо мнѣ. Здѣсь жребій мой—
Любовь. Любовь не есть расчетъ презрѣнный
О благахъ жизни, а законъ священный.
Гдѣ голосъ сердца—голосъ Божій въ немъ!
Нельзя любить и разлюбить потомъ...
Въ послѣдній разъ тебѣ, быть-можетъ, нынѣ
Твой жребій ясенъ. Другъ мой, выбирай:
Его отвергнуть хочешь ли? Но знай,
Отказъ твой—смерть твоей несчастной Нинѣ.
Я смерть найду.

ВЛАДИМИРЪ.

Но, Нина, погляди,
Чего ты хочешь? Ко всему презрѣнье
Питаю я; но у меня въ груди
Къ невинности осталось уваженье.
Тебя поймать въ разставленную сѣть
Легко; упиться ласками твоими,
И послѣ къ нимъ остыть, охолодѣть,
И послѣ бросить...

НИНА.

О, клянусь святыми,
Я поняла огонь твоей души
И благородство чувствъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Итакъ, рѣши,
Мой ангелъ.

НИНА.

Я тверда.

ВЛАДИМИРЪ.

Семью родную,
Старушку мать и родину святую
Оставить ты должна.

НИНА.

Все знаю я.

ВЛАДИМИРЪ.

Оставить край, гдѣ все—сады, поля
Блистаютъ розами; гдѣ небо пышетъ
Лазурью жаркой, звѣзды такъ горятъ,
Гдѣ съ дѣтства все лелѣяло твой взглядъ,

И промѣнять все то на край, гдѣ дышитъ
Почти весь годъ и вьюга и морозъ,
Въ нагихъ поляхъ ни миртовъ нѣтъ ни розъ,
И люди ходятъ—мѣхомъ обвитые!

НИНА.

Я знаю все.

ВЛАДИМИРЪ.

Оставить кругъ друзей
И промѣнять ихъ... на какихъ людей?
Ты знаешь ли, что̀ значитъ свѣтъ? Какія
Тамъ существа? Ты съ ними вѣкъ живешь,
И каковы они—не назовешь.
Въ нихъ скрыто маской чувство и природа,
И даже сердца скована свобода!
Какъ ты войдешь, отъ головы до пять
Тебя измѣритъ ихъ холодный взглядъ;
Пустой привѣтъ ихъ рѣчи—шипъ змѣиный;
Ихъ пустоту подъ пышною личиной
Ты въ силахъ снесть?

НИНА.

На все готова я,
На все, на все! Въ тотъ мигъ, когда тебя
Я встрѣтила, тогда лишь я узнала,
Что у меня въ груди есть сердце. Ты
Его извлекъ изъ сна и темноты,
И съ той поры мнѣ жизнь понятна стала;
Ты вкругъ меня разлилъ чудесный свѣтъ...
Нѣтъ, я Карлино не любила... нѣтъ!

И какъ звѣзда вечерняя склонила
Она головку ко груди его
И повторяла, глядя на него:
„О, нѣтъ, нѣтъ, я Карлино не любила...“

КАРЛИНО *(входитъ)*.

А онъ тебя, преступница, любилъ,
Неблагодарная, любилъ душою!..

НИНА.

Онъ здѣсь, о, Боже!..

КАРЛИНО.

Здѣсь и слышалъ все.

НИНА.

Ты слышалъ?.. Что̀ жъ, ты слѣдуешь за мною?

КАРЛИНО.

Ты думаешь, что счастіе свое
Продамъ такой я низкою цѣною?
(Вынимаетъ ножъ).
Молись, въ послѣдній разъ молись! Змѣя!

НИНА.

Владимиръ... Боже! Онъ убьетъ меня...
(Владимиръ беретъ кинжалъ. Нина бросается между ними).

НИНА *(Владимиру).*

Оставь его: онъ звѣрь! онъ звѣрь!.. Карлино!
Отъ дѣтства знала друга я въ тебѣ—
Молю я, выслушай!.. Моей мольбѣ
Отказа ты не зналъ... я та же Нина...

КАРЛИНО.

Та жъ Нина!.. Мной пригрѣтый змѣй...
Та Нина! Та, кого отъ дѣтскихъ дней
Лелѣялъ я, какъ мать лелѣетъ сына,
Иль болѣе—вѣдь такъ не можетъ мать,
Какъ я тебя, любить и обожать...
И что жъ? Съ другимъ цѣлуясь, все забыла,
Клянется, что меня и не любила!..
(Владимиру)
Оставь ее, оставь: она моя!

ВЛАДИМИРЪ.

Бой съ женщиной... постыденъ бой неровный...
Стыдися! За нее отвѣчу я!
Условимся спокойно, хладнокровно.
Сойдемся за горой съ разсвѣтомъ дня.
Судья намъ будетъ Богъ.

КАРЛИНО.

Изволь, съ тобою
Сойдемся завтра... нынче съ ней расчетъ.

НИНА.

Не вѣрь ему, Владиміръ, онъ убьетъ,
Обманетъ!

КАРЛИНО.

Замолчи!.. *(Убиваетъ ее).*
Знай, я любить умѣлъ—умѣю мстить!..
Людей пустыхъ угрозъ я не робѣю,
Я жилъ съ людьми: былъ добръ; умѣлъ люонть,
И наругаться ими я сумѣю!

НИНА.

Бѣги!.. Ему, о, другъ мой, не ввѣряйся.
Знай, знай, Карлино, я его люблю.

ВЛАДИМИРЪ.

О, Нина...

НИНА.

Другъ... увидимся... спасайся..

ВЛАДИМИРЪ.

Убійца низкій! Я отмщу, злодѣй!

КАРЛИНО.

Увидимъ! *(Кидается къ окну).*
Эй! На помощь. Помогите!
Разбой, разбой! Преступникъ здѣсь! Вяжите!
(Вбѣгаетъ народъ).
Вотъ онъ: давно за Ниною моей
Ухаживалъ и сѣти ставилъ ей.
Онъ заманилъ ее: угрозой, лестью
Онъ обольстить, злодѣй, ее хотѣлъ.
Въ слезахъ она противилась безчестью,
Кричала. Я на вопль ея поспѣлъ.
Вломился въ дверь. Онъ, яростью кипящій,
Ее зарѣзалъ!.. Нина, ангелъ мой!
То ль было намъ обѣщано судьбой?

ВЛАДИМИРЪ.

Онъ лжетъ, онъ лжетъ!..

НАРОДЪ.

Она какъ ангелъ сіяющій!
Ужели онъ убилъ?
— Онъ былъ всегда
— Такъ добръ.
— Да, добръ; всегда похожъ на волка.
Я говорилъ, не будетъ никогда
Отъ этихъ выходцевъ пути и толка.
— Ахъ, онъ злодѣй!
— Карлино бѣдный! Жаль
Его: они другъ друга такъ любили!
— А мать чего смотрѣла? Были
Совѣты ей.
— Ее убьетъ печаль.
— Да, съ полчаса тому, какъ забѣгала
Она ко мнѣ и дочери искала.
— И къ намъ!—И къ намъ!

— Я только что ложусь,
Карлино въ дверь: вѣдь испугалъ, божусь!

СЬОРА ТЕТА.

— Гдѣ, гдѣ она?.. Дитя мое родное!
Дитя мое!.. Проснися, золотое!
Откликнись! Что я сдѣлала тебѣ?
Нинета! Или ты меня не знаешь?..
За что, о, Боже, Ты меня караешь?..
Къ такой ли я готовила судьбѣ
Тебя, мой ангелъ... О, безчеловѣчный,
Я изорву тебя... я кровь твою
Испью... Или убей меня, молю,
Я буду съ ней, съ моею Ниной вѣчно!

КАРАБИНЕРЫ.

Прибрать старуху. Тѣло унести.

НАРОДЪ.

Да, бѣдной ей пришлось теперь плести
На дочкинъ гробъ гирлянды подвѣнечны.

КАРАБИНЕРЫ.

Преступника, свидѣтеля свести
Въ тюрьму. Карлино! Гдѣ онъ? Гдѣ онъ? Скрылся!

НАРОДЪ.

Чтобъ съ горя онъ на жизнь не покусился.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Идутъ года... Съ Адама мы твердимъ
Единодушно эту правду злую:
Оставимте Италію святую,
Оставимте Фраскати, пышный Римъ,
На нашу Русь заглянемте родную.
Я думаю, ужъ я наскучилъ вамъ,
Твердя одно: „Италія святая!“
Но вѣдь она не вовсе намъ чужая,
Дары ея завѣщаны и намъ.
И намъ ея отворены чертоги,
И мы званы священствовать во храмъ,
Гдѣ царствуютъ досель, на зло вѣкамъ,
Изъ мрамора изваянные боги;
Гдѣ властвуетъ надъ нѣжною душой
И красоты и славы мощный геній,
Гдѣ въ золотѣ и въ бронзѣ вѣковой

Повсюду мысль протекшихъ поколѣній
Записана ихъ творческой рукой...
Вкругъ этихъ чертъ бродящіе народы,
Читая ихъ, вы поняли ль ее?
Въ себѣ, въ себѣ узнали ль бытіе
Иной, святой, возвышенной природы
И чувствъ иныхъ біеніе въ груди?
Не поняли? Такъ Богъ ужъ васъ суди!

II.

Итакъ, прости, прости на годы многи!
Быть-можетъ, я подъ миртъ твой вновь прійду,
Но тотъ же ль буду? Тѣ же ли найду
Здѣсь сердца сны, восторги и тревоги?
Иль постепенно сѣверъ заморитъ
То, что̀ меня теперь животворитъ...
Прощай, руинъ зеленый плющъ и розы,
И ты, царица спящихъ сихъ долинъ,
Грусть думная, восторженныя слезы...
Пойму ль когда опять языкъ руинъ?
Отвѣчу ль имъ высокими страстями?..
Прощай, о, говоръ вѣчно шумныхъ струй,
И ты, смуглянка съ яркими очами,
И жаркій нашъ подъ миртомъ поцѣлуй...
О, трудно мнѣ послѣднее прощанье,
Италія, въ слезахъ тебѣ сказать,
Какъ тяжело, о, милое созданье,
О, ангелъ мой, въ послѣднее лобзанье
Отъ устъ твоихъ уста мнѣ оторвать.

III.

Прислушайтесь... звучатъ иные звуки...
Унынье и отчаянный разгулъ.
Разбойникъ ли тамъ пѣсню затянулъ,
Иль дѣва плачетъ въ грустный часъ разлуки?
Нѣтъ, то идутъ съ работы косари...
Кто жъ пѣснь сложилъ имъ? Какъ кто? Посмотри
Кругомъ: лѣса, саратовскія степи,
Нужда, да грусть, да думушка, да цѣпи.

IV.

Пойдемъ на звукъ волынки полевой.
Какъ вечеръ тихъ! Въ росѣ фіалка дышитъ;
И свищетъ соловей въ глуши лѣсной,

И долго въ ночь заря на небѣ пышетъ.
Вотъ барскій домъ на хо̀лмѣ. Вкругъ стоятъ
Пушистыя березы вѣковыя,
Ряды теплицъ, а подъ горою садъ
И прудъ, а тамъ избушки тесовыя
По берегу излучистой рѣки.

V.

Вотъ на гору поднялись мужички,
Все съ пѣснями; но только увидали
Господскій домъ, примолкли, шапки сняли;
Приказчикъ къ барину пошелъ одинъ,
Чтобъ доложить, какъ много десятинъ
Распахано, и скошено, и сжато.

VI.

Кто жъ баринъ-то?.. Узна̀ете ль его,
Читатели?.. Разсказа моего
Онъ былъ герой въ Италіи богатой.
Да полно, онъ ли? Какъ онъ потолстѣлъ
(Что̀ значитъ вѣдь у насъ—похорошѣлъ),
Румянъ, здоровъ, глаза какъ маслянисты,
И праздничный какой имѣетъ видъ!..
Что̀ жъ? Дай Господь! Въ деревнѣ аппетитъ,
Движенье, сонъ, хозяйство, воздухъ чистый...

VII.

Владимиръ! Здравствуй! Какъ-то ты живешь?
Рисуешь, пишешь, классиковъ читаешь?
Остришь надъ всѣмъ? Влюбленъ? Успѣшно?.. Что̀ жъ?
О, милый мой, какъ громко ты зѣваешь!..
Посмотримте, какъ онъ проводитъ день.

VIII.

Онъ, возвратясь давно изъ-за границы,
И не заѣхалъ въ русскія столицы,
А въ глушь своихъ забился деревень.
Выписывалъ газеты и журналы,
Сперва читалъ ихъ всѣ, а послѣ мало,
И наконецъ читать ихъ пересталъ.
Онъ Quotidienne и Siècle получалъ,
И прочіе различнаго объема,
Различные умомъ и остротой,
И, наконецъ, Diario di Roma,
Съ его кузиной Сѣверной Пчелой.

IX.

Разъ дождикъ шелъ. Какъ кровлею тяжелой,
Все небо тучею обложено.
Туманъ сокрылъ и холмики и долы;
И грязь и сыро, скучно и темно.
Владимиръ поздно всталъ; пилъ чай душистый;
Кольцомъ пускалъ изъ трубки дымъ волнистый;
Насвистывалъ затверженны давно,
Въ Италіи еще, два-три мотива—
Era росо—изъ Лучіи, Casta diva—
Изъ Нормы, и, свистя, смотрѣлъ въ окно,
Иль въ комнатѣ ходилъ діагонально.
Остановясь передъ окномъ, въ стекло
Сталъ барабанить. „О, климатъ печальный!
Какая грусть! Ни выйти на село,
Ни на гумно! Чай, озимь пострадаетъ...
Поѣхать на охоту?.. Да хромаетъ
Пегасъ. Къ тому жъ я что-то тяжело
И неспокойно ночью спалъ сегодня.
Дай загляну въ какой-нибудь журналъ".
Онъ кипу цѣлую журналовъ взялъ,
Случайно вынулъ нумеръ прошлогодній
Diario di Roma и читалъ:
„Боготступникъ и злодѣй Карлино,
Оставивши Абруццы, между скалъ
Разбилъ свой станъ, подъ самой Палестриной.
Извѣстный лордъ *** тутъ проѣзжалъ
Въ Неаполь и, съ семействомъ и женою,
Зарѣзанъ былъ разбойничьей толпою.
Межъ жителей распространился страхъ;
Правительство усиливаетъ мѣры:
Отправлены туда карабинеры,
Учреждены конвои на путяхъ".
— Карлино?.. Ужъ не онъ ли тотъ Карлино,
Котораго знавалъ я?.. Можетъ быть.
Онъ далѣе читалъ:
„Но изловить
Не могутъ шайки, и отъ Палестрины
Уже къ Дженсано перешелъ злодѣй.
Намедни шли въ Альбано капуцины
И дѣвушка. Презрѣнный извергъ сей
Заставилъ ихъ плясать, а самъ съ своей...

Но, на бѣду, вошелъ на мѣстѣ этомъ
Павлушка въ дверь (смотритель за буфетомъ).
Ужасно хочется мнѣ въ мой разсказъ
Всего два слова лишнія прибавить
Насчетъ Павлушки, чтобъ, шутя, для васъ
Всю біографію его представить.
Онъ бариномъ еще покойнымъ, старикомъ,
Былъ взятъ во дворъ господскій казачкомъ.
Одѣтъ былъ въ казакинъ и панталоны
Широкія, а на груди патроны.
Донынѣ казакина своего
Онъ не лишилъ нашивки сей. Его
Павлушкой звали дѣвушки-вострушки,
И до сѣдинъ остался онъ Павлушкой.
Вотъ все.

ПАВЛУШКА.

Обѣдъ готовъ-съ.

ВЛАДИМИРЪ.

Что, супъ иль щи?

ПАВЛУШКА.

Вы приказали щи.

ВЛАДИМИРЪ.

Еще что будетъ?

ПАВЛУШКА.

Жаркое дичь; съ подливкою лещи...

ВЛАДИМИРЪ.

Скажи-ка повару, не то забудетъ,
Чтобъ онъ въ подливку луку покрошилъ.
Пойти обѣдать.

(За обѣдомъ).

ПАВЛУШКА.

Утромъ приходилъ
Петрушка Чайковскій.

ВЛАДИМИРЪ.

Ну, что жъ?

ПАВЛУШКА.

Ишь, баринъ
Его просилъ откушать васъ. Татаринъ
И Лыковъ будутъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Что жъ мнѣ до сихъ поръ
Не доложилъ?

ПАВЛУШКА.

Онъ былъ часу въ десятомъ,
Вы почивать изволили. Да въ дворъ
Еще наѣхалъ-было Ласловъ съ братомъ,
Я отказалъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Что жъ это? За меня
Распоряжаться стали вы?

ПАВЛУШКА.

Да я
Подумалъ такъ, что будетъ неугодно
Вамъ ихъ принять.

ВЛАДИМИРЪ.

Я могъ бы отказать
И самъ. Какой вы всѣ народъ негодный!
Мнѣ все впередъ докладывать, сказать.
Ты слышишь?

ПАВЛУШКА.

Слушаю. Еще въ то жъ время
Приказчикъ былъ и приносилъ вамъ сѣмя
Какое-то, прислали въ образецъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Зайдетъ пусть послѣ. Рябчикъ пережаренъ.

Обѣдъ свой жирный кончивъ наконецъ,
Отправился всхрапнуть часокъ нашъ баринъ;
Проснувшись, сталъ пить чай и взялъ
Доканчивать начатый имъ журналъ.
„Посмотримъ, какъ плясали капуцины
Подъ дудочку несчастнаго Карлино;
А дѣвушка?“
„Презрѣнный извергъ сей
Заставилъ ихъ плясать, а самъ съ своей
Богопротивной шайкой любовался,
И послѣ распялъ, какъ ужъ наругался
(На небесахъ награда будетъ имъ:
Ихъ церковь сопричислила къ святымъ).
А дѣвушка, обнявъ его колѣни,
Молила умертвить ее скорѣй,
Но не внималъ свирѣпый извергъ ей,
Не тронули его мольбы и пени..:
И обнялъ онъ ее и цѣловалъ,
И у себя три дня ее держалъ.

Межъ тѣмъ, такой же страстію пылая,
Озлобленны товарищи его
Предать вождя рѣшились своего
(Ихъ вразумила Дѣва Пресвятая,
Заступница людей передъ Творцомъ).
Къ Неттуно перешелъ своимъ онъ станомъ.
Проснувшись утромъ, поглядѣлъ кругомъ,
И видитъ—онъ одинъ; предъ атаманомъ
Исчезъ его разбойничій народъ;
Намѣсто ихъ карабинеровъ взводъ.
Онъ взятъ; сидитъ въ Сантъ-Анджело, и скоро,
По составленьи формы приговора,
Близъ храма Весты будетъ онъ казненъ.
На исповѣдь итти не хочетъ онъ".
—„Карлино! Мы съ нимъ встрѣтились однажды.
Былъ въ жизни намъ одинъ урокъ, но каждый
По-своему его растолковалъ.
Несчастный! Помню, онъ всегда бывалъ
Такъ скроменъ, тихъ, въ мечтаньяхъ благороденъ...
Я помню... Но я развѣ съ нимъ не сходенъ?
Обманутъ былъ онъ жизнью такъ, какъ я;
Мы оба стали тѣ же мизантропы—
Надъ нимъ гремятъ проклятія Европы,
А я слыву какъ честный человѣкъ...
Да чѣмъ же лучше я? О, жизнь! О, вѣкъ!
Павлушка! Эй! Приказчику Ивану
Скажи, докладъ я принимать не стану.
За ужиномъ я гуся буду ѣсть
Да сыръ. Въ ѣдѣ спасенье только есть!"

III.

МАШЕНЬКА.

Куда какъ надоѣлъ элегій современныхъ
Плаксивый тонъ; то ль дѣло иногда
Послушать старичковъ-разсказчиковъ почтенныхъ
Про молодости ихъ удалые года,
Невольно вѣришь имъ, когда, почти съ слезою
Они, смотря на насъ, качая головою,
Насмѣшливо твердятъ: „То ль было въ старину!"
Теперь изъ ихъ временъ я свой разсказъ начну.
Хоть онъ въ моихъ устахъ теряетъ сто процентовъ;
Хоть нынѣ далеки мы отъ блаженныхъ дней,
Дней буйныхъ праздниковъ, гусарскихъ кутежей,

Уѣздныхъ Аріандъ, язиковскихъ студентовъ;
Хоть этихъ лицъ теперь почти ужъ болѣ нѣтъ;
Хотя у насъ теперь иные люди, нравы,—
Но все еще поймемъ мы были прошлыхъ лѣтъ
И дѣдовъ старыя проказы и забавы.

Часть I.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Жилъ на Пескахъ одинъ чиновникъ. Звали
Его Василій Тихонычъ Крупа.
Жилъ тихо онъ. Въ дому лишь принимали
По праздникамъ съ святой водой попа;
А братіи своей мелкочиновной
Онъ никогда почти не приглашалъ,
Хоть знали всѣ, что службой безгрѣховной
Онъ тысячу рублишекъ получалъ,
Да домъ имѣлъ; итакъ, квартира даромъ,
Такъ „скупъ старикъ“—всѣ говорили съ жаромъ.

II.

Когда бы вы увидѣли его,
Вы, чуждые чиновничьяго міра,
„Чудакъ, чудакъ!“—сказали бъ про него;
И воротникъ высокій вицмундира,
И на локтяхъ истертое сукно,
Уста безъ жизни, волосы клочками,
Глаза тупые съ блѣдными зрачками,—
Да, точно бъ вы сказали: „Въ немъ давно
Все человѣчество умерщвлено“.

III.

Онъ двигался какъ машина нѣмая;
Какъ автоматъ писалъ, писалъ, писалъ...
И что писалъ—почти не понималъ,
На благо ли отеческаго края,
Иль приговоръ онъ смертный объявлялъ—
Онъ только буквы выводилъ... Порою
Лишь подходилъ къ сосѣду стороною,
Не для того, чтобы прогнать тоску
Иль сплинъ, а такъ... понюхать табачку.

IV.

Надъ нимъ острился молодой народъ:
„Чай, въ сундукахъ у васъ есть капиталецъ,
А вѣдь, злодѣй, къ себѣ не позоветъ.—
— Что̀ деньги вамъ: вѣдь вы одинъ, какъ палецъ.
— Куда-те? Говорятъ, что дочка есть.
— Скажите! Что̀, на васъ она похожа?
— Ну, если такъ, вамъ небольшая честь.
— И у нея шафрановая кожа?“
Старикъ молчитъ, или, поднявши глазъ,
Изъ-за пера шепнетъ: „Получше васъ“.

V.

Такъ жизнь его ползла-себѣ въ тиши,
Безъ радости и безъ тоски-злодѣйки...
Ни разу не смущалъ его души
Ни преферансъ задорный по копейкѣ,
Ни съ самоваромъ за городъ пикникъ.
Но вдругъ всѣ въ немъ замѣтили движенье,
Сталъ о погодѣ говорить старикъ
И цѣну спрашивалъ французскихъ книгъ:
Видали, онъ на Невскомъ, въ дождь, въ волненьи,
Глядѣлъ въ окно у магазина модъ—
„Ишь, старый чортъ!.. Кого-нибудь да ждетъ“.

VI.

Однажды всталъ онъ рано; задыхаясь,
Всю ночь почти онъ глазъ и не смежилъ.
Вздѣлъ туфли и открылъ окно. Онъ былъ
Тревожимъ чѣмъ-то, такъ что, одѣваясь,
Намѣсто колпака чуть не надѣлъ
Чулокъ. Былъ праздникъ; день свѣтился яркій;
Кругомъ далеко благовѣстъ гудѣлъ;
Тутъ въ берегахъ тесьмой каналъ блестѣлъ:
Въ кружокъ тѣснясь, за миской щей на баркѣ,
За полдникомъ сидѣли бурлаки...
Какое утро съ свѣжестью и жаромъ!
Земля какъ будто дышитъ раннимъ паромъ,
А небеса такъ сини, глубоки!

VII.

Василій Тихонычъ открылъ окошко
Другое, въ садъ—и вѣтерокъ съ кустовъ,

Какъ мальчикъ милый, но шалунъ немножко,
Его тихонько ждавшій межъ цвѣтовъ,
Пахнулъ въ лицо ему, въ покой прорвался,
Соръ по полу и легкій пухъ погналъ,
На столикѣ въ бумагахъ пошепталъ
И въ комнатѣ сосѣдней потерялся.
Василій Тихонычъ глядѣлъ кругомъ
На зелень, на сирень, большимъ кустомъ
Разросшуюся тамъ,—и улыбался.

VIII.

Единственной забавою всегда
И собесѣдникомъ его, и другомъ
Былъ чижикъ. Съ нимъ однимъ между досугомъ
Онъ разговаривалъ, и иногда
Не только о вещахъ обыкновенныхъ,
Но даже о предметахъ отвлеченныхъ.
Почувствовавъ прохладный вѣтерокъ,
Чижъ сталъ скакать по клѣткѣ и забился;
Вдругъ сѣлъ; чирикать началъ и залился
Потомъ такъ громко, чисто, какъ звонокъ.
Василій Тихонычъ, ему съ улыбкой
Грозя, рѣчь началъ: „Что, куда такъ шибко?
Что, Шурочка, распѣлся такъ куда?
Что веселъ такъ? Иль знаешь развѣ?.. А?

IX.

„А кто сказалъ тебѣ? Подслушалъ, вѣрно,
Какъ говорилъ вчера Анюткѣ я?
Подслушать тоже любишь?.. Я тебя!
Мошенникъ! Наказать его примѣрно!
Сейчасъ скажу директору!.. Смотри!
Ну, что ты слышалъ, Шурка? Повтори!
Что?.. Машенька къ намъ будетъ?.. Знаешь Машу?
Не знаешь? То-то ты и спалъ всю ночь.
Полюбишь ли ее, голубку нашу?
Смотри же—полюби: она мнѣ дочь.

X.

„Она тебя за то полюбитъ тоже...
Ну, а какъ нѣтъ? А какъ начнетъ скучать,
И станетъ плакать и худѣть, вздыхать?
Не пережить мнѣ этого... Эхъ, Боже!
Въ три мѣсяца, чай, къ роскоши она

Привыкла у княгини... вѣдь не шутка—
Балы, театръ... А здѣсь?.. Не сметена
Вѣдь даже пыль... Что жъ дрыхнешь ты, Анютка!
Да подмети, да пыль сотри. Ишь, садъ
Заросъ совсѣмъ. Дай заступъ поскорѣе,—
Куртинки пообрѣжу... да въ аллеѣ
Проклятый подорожникъ вонъ... да съ грядъ
Крапиву... Ахъ, мой Богъ, какая гадость!
Что, старый хрычъ, о чемъ же думалъ ты?
Щавель, крапива—славные цвѣты!
Вотъ хорошо готовилъ дочкѣ радость!“

XI.

Онъ принялся копать, возилъ песокъ,
Пололъ и рылъ, какъ записной садовникъ,
Ну, глядя на него, никто бъ не могъ
Подумать, что онъ классный былъ чиновникъ...
Ужъ полдень былъ. Затихнулъ вѣтерокъ;
Недвижные листы къ землѣ склонились;
Желѣзо крышъ и камни накалились;
На улицахъ все пусто; тишь кругомъ;
Одинъ мужикъ на баркѣ да собака
На солнцѣ спали; голуби рядкомъ
Подъ крышею, подъ слуховымъ окномъ
Усѣлися, ища прохлады мрака.

XII.

Василій Тихонычъ, кряхтя, отвезъ
Послѣдній соръ. „Ну, этакъ будетъ лихо!“
Сѣлъ на скамью подъ вѣтвями березъ,
Отеръ свой лобъ и любовался тихо,
Какъ макъ, нарциссъ пестрѣли между розъ.
Ну, лихо будетъ!.. Уфъ, какъ жарко, душно!
Умаялся“. Совсѣмъ не думалъ онъ,
Чѣмъ за свой трудъ онъ будетъ награжденъ:
Лишь не было бъ здѣсь только Машѣ скучно.
„Ну, дождался, голубушка, тебя!
Цѣлковики копилъ не даромъ я!
Вотъ поживемъ годокъ-другой, а тамъ ужъ
Какъ разъ пристроимся и выйдемъ замужъ!
Ухъ! Набѣжитъ пострѣловъ! Кликни кличъ—
Лука Лукичъ, да что Лука Лукичъ!
Столоначальники... мое почтенье!
Бей выше... самъ начальникъ отдѣленья!..

Анютка, выйдь-ка въ переулокъ,—что?
Не видно ль тамъ... не ѣдетъ тамъ никто?
Гляди, гляди, послушай-ка, что это?"
— Да ничего не видно...—„Врешь, карета...
Какъ ничего? Гляди... Я слышу стукъ".
— Да кабы стукъ, такъ слышно бъ...—Старый бредитъ.
„Анютка!.. Эй, бѣги, подай сюртукъ,
Да что жъ стоишь ты, дура?.. Ѣдетъ, ѣдетъ!"

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Василій Тихонычъ не могъ довольно
Налюбоваться дочкою своей.
Заботливо показывалъ онъ ей
Садъ, комнаты и, трепеща невольно,
Смотрѣлъ, какъ ей понравится? „Вотъ тутъ
Гостиная... У насъ пойдутъ балишки.
Ухъ! Гости-то наѣдутъ, набѣгутъ;
Постарше кто—посадимъ за картишки...
Въ саду—фонарики со всѣхъ сторонъ.
А здѣсь, смотри, какой у насъ балконъ;
По вечерамъ мы будемъ на балконѣ
Пить чай".
— Ахъ, да! Я буду вамъ читать
Всю ночь, всю ночь! Я такъ люблю не спать!
Какъ весело! Не то что въ пансіонѣ—
Тамъ въ десять ужъ извольте почивать!

II.

„Какая ты хорошенькая, Маша!—
Любуясь ею, говорилъ папаша.—
Да поцѣлуй меня еще, дружокъ...
Эхъ, нѣтъ покойницы Настасьи
Ананьевны! Знать, не судилъ ей Богъ,
Какъ мнѣ, дожить до этакого счастья!.."
Старикъ отеръ слезу, и изъ очей
У Машеньки блеснули слезки тоже.
„Эхъ, старый я дуракъ! Ну! Царство ей
Небесное! Ты мнѣ всего дороже!
Не плачь, дружокъ, развеселись скорѣй".

III.

Какъ описать вамъ Машу безпристрастно?
Въ ея чертахъ особенности нѣтъ,
Хотя черты такъ тонки и прекрасны,
Заманчивъ щекъ прозрачный, смуглый цвѣтъ,
Коса густая, взоръ живой и ясный...
Но не люблю я дѣвъ ея поры:
Онѣ—алмазъ безъ грани, безъ игры;
И я, смотря на дѣву молодую,
Прекрасную, какъ мраморный антикъ,
Твержу—ахъ, если бъ жизни лучъ проникъ
И освѣтилъ чудесную статую!

IV.

Дѣйствительность, гдѣ страждетъ нищета,
. . . . . .
Гдѣ ищетъ духъ отрады въ усыпленьи,
Гдѣ чувство сдавлено, гдѣ жизнь—пуста,
Вся въ кукольной комедіи приличій;
Гдѣ человѣкъ—манкенъ, гдѣ богъ—обычай,—
Была для Маши пламенной чужда
И называлась *прозою презрѣнной*.
Въ ней разумъ спалъ; зато ея мечта
Работала, какъ зодчій вдохновенный.
Фантазія безъ образовъ, безъ лицъ,
Какъ дивное предчувствіе чего-то,
Творила міръ безъ цѣли, безъ границъ,
Блестѣвшій яркой, ложной позолотой.
То геніемъ хотѣлось ей парить
И человѣчеству благотворить:
Однимъ движеньемъ палочки волшебной
Пролить покой и силою цѣлебной
Больныя раны излѣчать; то въ глушь
Уйти, межъ горъ и безднъ; жить въ гротѣ дикомъ
Съ однимъ созданьемъ избраннымъ, великимъ,
И утопать въ гармоніи двухъ душъ...

V.

Для старика не много измѣненья
Въ житьѣ-бытьѣ произошло тогда,
Какъ появилась Маша: иногда
Былъ на гуляньи съ дочкой въ воскресенье;
Ложился позже, позже сталъ вставать;

На цыпочкахъ ходилъ, когда читать
Изволитъ Маша... Лиліи, тюльпаны
Въ саду явились; въ залѣ фортепьяны
(Хоть музыкантшей Маша не была)
Да пяльцы у рабочаго стола.
На столикѣ валялось разныхъ книжекъ
Десятокъ—вотъ и все... Ахъ, нѣтъ, забылъ,
Изъ Шурочки вертлявый желтый чижикъ
Повышенъ: Ламартиномъ названъ былъ,
Хоть старику темна была причина—
„Да чѣмъ же хуже Шурочка Мартына?“
Почти не измѣнилось ничего;
Предметы тѣ же, но съ иной душою,
Съ иною жизнью. Свойство таково
У женщины: наполнить все собою!
Вокругъ нея какъ будто разлита
Намъ чуждая, другая атмосфера,
Какой-то свѣтъ, и миръ, и теплота,
Любовь и смѣхъ, спокойствіе и вѣра.

VI.

Прошла недѣля—Маша весела;
Глубокій миръ ея уединенья
Воспламенялъ ея воображенье...
Сердилась лишь, скучна она была,
Когда старикъ опаздывалъ обѣдать,
Да на подругъ роптала—не могла
Никакъ понять—какъ можно не провѣдать?
Не разъ она въ Морскую въ *бель-этажъ*
Посланія по почтѣ отправляла;
Рѣшилась *объясниться* и писала...
Какъ вдругъ гремитъ знакомый экипажъ,
И съ дочерью подъѣхала старушка.

VII.

— Zizine!
— Marie! Вотъ, видишь ли, Marie,
Какъ слово я держу.
— Zizine! Ахъ, душка!
О, мы друзья, и вѣчно? Говори!
— О, вѣчно!..
— У меня такъ было много
Тебѣ сказать...
— И мнѣ!

— О, ради Бога,
Скорѣй!
— Постой. Какъ мило у тебя—
Цвѣты...
— Цвѣты? Все накупилъ папаша.
Ты не повѣришь, душка, какъ меня
Онъ любитъ.
— Твой papa?.. Ахъ, Маша,
Мнѣ кажется, я полюблю его
За то, что онъ тебя такъ любитъ... Право...
Хоть онъ такой...
— Zizine!
— Ахъ, ничего,
Ну, не сердись. Что это за кудрявый
Цвѣтокъ?
— Простой.
— А этотъ вонъ, большой
Высокій, желтый? Вѣрно, дорогой!
— Подсолнечникъ.
— Милашка! Ахъ, конечно,
Я для себя велю купить... Marie,
Завидовать тебѣ я буду вѣчно!
Какъ хорошо тебѣ здѣсь, посмотри,
Счастливица! Аллея! Сколько тѣни!
Какой чудесный запахъ отъ сирени...
Какъ весело здѣсь цѣлый день гулять,
Мечтать и думать, думать и мечтать.
— Конечно... Но одной, безъ друга, скучно!
— А я-то что жъ? Ты только напиши,
Вѣрь, я явлюсь. Мы были неразлучны
И въ классахъ. Ты—ты часть моей души.
— Ахъ, добрая Zizine!
Смѣясь сквозь слезы,
Подруги обнялись. Какъ вешни розы
Пылали щеки ихъ; рука съ рукой;
Головка Маши смуглой и живой
Лежала на груди блондинки Зины.
У Грёза есть подобныя картины.

VIII.

Маша:—Я многое обдумала одна,
О, Боже! Для чего я не богата!
Ты знаешь, душка, я вѣдь не жадна
И, вѣрь, презрѣннаго металла, злата

Желала бъ я для счастія людей
Пренебрегла бы я законы свѣта:
Нѣтъ, гдѣ-нибудь, въ лачугѣ, безъ друзей,
Въ страданіяхъ—нашла бы я поэта;
Къ нему бъ пришла я ангеломъ любви;
Сказала бы: „Ты удрученъ судьбою,
Но я даю тебѣ, своей рукою—
Любовь мою и золото: живи!
Живи!.. Ему была бъ я вдохновеньемъ;
Онъ міру бы слова небесъ вѣщалъ;
И цѣлый міръ ему бъ рукоплескалъ...
Какъ я бъ была горда своимъ твореньемъ!
— Когда бъ, Marie, была поэтомъ я,
Я бъ выбрала тебя своею музой!
Но вѣдь поэты—гадкіе мужья;
Бракъ, говорятъ, имъ тягостныя узы...
Кто это, погляди, Mimi, скорѣй!
Кавалеристъ и на конѣ... Вотъ чудо!
Вообрази: знакомый! Точно: онъ
Бывалъ всегда у Вѣрочки Посуды.
— Противный! Какъ онъ былъ всегда смѣшонъ!
Я презираю!
— Что же онъ здѣсь скачетъ?
Ахъ, погляди, какой чудесный конь!
А латы, каска блещутъ, какъ огонь!
Ахъ, душка—каска! Что же это значитъ?
Зачѣмъ онъ здѣсь?
— Какъ смѣлъ?
— Скорѣй уйдемъ.
Подумаетъ, что мы нарочно ждемъ.
— Заговоритъ, пожалуй!.. Фи, какъ стыдно!
— Ахъ, Боже! Маменька, за мной... Прощай,
Marie!
— Прощай, Zizine; не забывай!
— Ахъ, quelle idée! Мнѣ, право, преобидно!
— Нѣтъ, поклянись!
— Я разъ ужъ поклялась.
— Такъ мы друзья?
— Ахъ, Боже мой, конечно!
— И вѣчно?
— Да!
Карета понеслась,
И дѣвушки разстались съ крикомъ: „Вѣчно“.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Чуть освѣжась холодною водой
И наскоро свернувши косу змѣйкой,
Въ капотѣ легкомъ, съ обнаженной шейкой,
Красавица являлась въ садикъ свой,
Къ своимъ цвѣтамъ, то съ граблями, то съ лейкой.
Потомъ въ тѣни, среди семьи цвѣтовъ,
Какъ ихъ сестра, садилась и читала.
О, какъ тогда ея кипѣла кровь!
Изъ рукъ порою книга выпадала.
И въ сладкомъ забытьѣ неслась тогда
Душа ея... Богъ вѣдаетъ куда...

II.

Кавалеристъ межъ тѣмъ являлся чаще...
То будто вихрь промчится на конѣ
Въ красивой каскѣ, въ блещущей бронѣ;
То такъ идетъ, разстроенный, молящій.
Онъ Машеньку немножко занималъ
(Такъ, крошечку! Предметъ ея мечтаній
Все былъ поэтъ—дитя святыхъ страданій).
„А этотъ что? Быть-можетъ, проигралъ!
Вѣдь эти гадкіе мужчины, право,
Богъ знаетъ, какъ живутъ!.. Противный онъ!
Обкрадывать другъ друга имъ забава!“
Она ушла, захлопнувши балконъ;
Но на себя потомъ досадно стало.
„Кто право далъ ему мнѣ оскорблять;
Могу ль я людямъ запретить гулять
По улицѣ? Имъ нравится—пожалуй!
Пускай и онъ... привыкла я давно;
Быть-можетъ... О, мнѣ, впрочемъ, все равно!“

III.

Какъ звѣзды средь небеснаго селенья,
Онъ совершалъ обычное теченье.
Такъ медленно идетъ, усы крутитъ,
Вздыхаетъ, въ садъ задумчиво глядитъ.
Разъ, встрѣтивъ взоры Маши, поклонился,
Но такъ былъ блѣденъ, грустенъ и угрюмъ,
Что въ этотъ мигъ ей не пришло на умъ,
Что надо разсердиться. Онъ сокрылся.

IV.

Другой, быть-можетъ, бросилъ бы письмо.
Но сей герой писалъ не очень шибко —
Онъ размышлялъ—въ письмѣ одна ошибка
Испортитъ дѣло, вѣчное клеймо!

. . . . . .
. . . . . .

V.

Остановясь однажды за рѣшеткой,
Заговорилъ онъ такъ печально, кротко,
Что Маша испугалася его.

— Сударыня, вамъ ничего не стòитъ
Страдальца осчастливить.
— Мнѣ, кого?
Чтò вамъ угодно?
— Если безпокоитъ
Васъ просьба—я, пожалуй, замолчу.
— Чтò вамъ угодно?
— Ахъ, прошу... позвольте...
Изъ сада вашего имѣть хочу
Цвѣтокъ я непремѣнно.
— Вотъ, извольте.
— Нѣтъ, нѣтъ, не этотъ.
— Розанъ?
— Нѣтъ, не тотъ.
— Который же? Скажите, я не знаю.
— Ахъ, если бъ могъ я указать... Ну, вотъ
Чтò подлѣ лиліи...
— Не понимаю;
Тутъ былъ нарциссъ—его я сорвала.
— Нѣтъ, не нарциссъ... Вы имъ такъ любовались!
Тюльпанъ, гдѣ, помните, еще ползла
Букашка; вы сначала испугались...
— Не знаю, гдѣ же мнѣ его найти?..
— Позвольте на минуточку войти?
— Какъ это можно? Папеньки нѣтъ дома.
— Такъ чтò жъ, ему разскажете потомъ.
. . . . . .
Чтò жъ тутъ дурного?
— Вы вѣдь незнакомый!

И думала она, какъ Гамлетъ—*быть*
Или не быть—впустить иль не впустить?

— Ахъ, что вы? Что вы? Боже мой, уйдите!
Я закричу.
— Уйду-съ . . . . . .
. . . . . .
Вы ледъ: душа въ васъ какъ гранитъ жестка.
Вы слезы лить готовы надъ романомъ.
А человѣкъ предъ вами хоть умри—
Вамъ все равно. Какимъ-нибудь тюльпаномъ,
Который свянетъ нынче жъ до зари,
Вы дорожите... Это вѣдь ужасно!
— Возьмите, я хоть всѣ цвѣты отдамъ;
Мнѣ ихъ не надо... Но зачѣмъ же вамъ
Тюльпанъ такъ нуженъ?
— Ангелъ мой прекрасный,
И можете вы спрашивать—зачѣмъ?
Глядѣть и знать, что вы его касались,
Что вы ему съ любовью улыбались—
А я слезами оболью... Затѣмъ,
Чтобъ онъ всегда мнѣ вспоминалъ мгновенье,
Когда отъ васъ теперь, изъ сожалѣнья,
Онъ данъ мнѣ... Вы не знаете, вашъ ликъ
Какъ ангела Господня я встрѣчаю,
Съ тѣхъ поръ, какъ васъ увидѣлъ, я постигъ
Всѣ ваши совершенства.
— Я не знаю
Чего же вы хотите?
— Иногда
Позвольте видѣть, слышать васъ, хоть тайно,
Хоть издали; улыбку, хоть случайно,
Мнѣ искупить цѣною слезъ моихъ—
Позволите? О, я вамъ благодаренъ
За жизнь. Ахъ, дайте ручку!..
Въ этотъ мигъ
Анютка изъ окна шепнула: „Баринъ!“
— Ахъ, папенька! Пустите.
— Я прійду
Сюда же завтра.
— Боже мой, скорѣе
Уйдите!
— Машенька, гдѣ ты! Въ саду?
Анютка, собирай обѣдъ живѣе!
Здорово, Маша, ангелочекъ мой.
Не знаю, право, другъ мой, что со мной?
Я смолоду трезвъ былъ въ поведеньи;

И нынче развѣ что для дня рожденья
Сотерну рюмку. Я, вотъ видишь, всталъ;
Ну, къ должности пришелъ; дѣла сыскалъ—
Все хорошо. Кузьма Ильичъ Батыевъ
Перебѣлить мнѣ предписанье далъ
Въ палату въ Могилевъ, нѣтъ, прежде въ Кіевъ —
Все хорошо—окончилъ—написалъ.
Сѣлъ за другое: тутъ меня схватило
Подъ ложечкой, въ глазахъ ажъ помутило.
Да, слава Богу, тутъ случись со мной
Ошлепниковъ, Панталеонъ Иванычъ.
„Что съ вами, говоритъ, вы бъ шли домой
Да выпили чего-такого на ночь“.
Насилу вышелъ—тутъ ужъ отлегло,
И, слава Богу, вотъ совсѣмъ прошло.

—„Ахъ, бѣдненькій! Ахъ, добрый мой папаша!“
Какъ коршуна избѣгшій голубокъ,
Къ отцу прижавшись, зарыдала Маша.
— „Эхъ, дурочка! Прошло вѣдь. Съ нами Богъ!“

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Какъ тонкій ядъ въ взволнованную кровь,
Прокралась въ сердце Машеньки любовь;
И мощно вдругъ въ душѣ проснулись юной
Живымъ аккордомъ дремлющія струны.
Ей чудный міръ открылъ врата свои,
Міръ—сладкихъ тайнъ, плѣнительныхъ мечтаній,
Міръ съ нѣгою блаженства и страданій,
Со всею милой глупостью любви.

II.

О, не бѣги любви, дитя мое!
Пусть розы цвѣтъ лицо твое утратитъ,
Зато твой духъ, все бытіе твое
Такою полной жизнію охватитъ!
Вокругъ тебя пока міръ цѣлый спитъ;
Потомъ проснется вдругъ, заговоритъ;
Въ блаженствѣ ты душою съ нимъ сольешься;
Тогда найдешь ты друга въ немъ себѣ:
Онъ засмѣется, если ты смѣешься,
Заплачетъ, если плачется тебѣ.
И звѣзды вечера тебѣ укажутъ
Свой тайный смыслъ; поймешь внезапно ты,

Что шепчутъ ночью листья и цвѣты;
И слезы дивныя глаза увлажутъ;
Услышишь—міръ шепнетъ тебѣ: „люблю“—
И этотъ звукъ проникнетъ грудь твою,
И грудь твоя, уста и очи скажутъ:
„И я люблю“...

III.

У Машеньки въ глазахъ
Все измѣнилось: будто на крылахъ
Какой-то геній, духъ неуловимый,
По комнатѣ ея порхалъ незримо,
Надъ нею вился, жилъ въ ея цвѣтахъ.
Какъ часто вдругъ, себя не понимая,
Невольно остановится она;
Глядитъ и внемлетъ, втайнѣ замирая,
Какъ будто бы она тамъ не одна:
Въ ея окно ворвавшіяся вѣтки
Черемухи, сирени и березъ,
И вѣтерокъ, дышавшій нѣгой розъ,
И чижикъ, рѣзво прыгавшій по клѣткѣ.
Какъ будто съ кѣмъ-то были заодно
И видѣли невидимое ею...
И Маша думала: „Душа его
Является бесѣдовать съ моею“...

IV.

Теперь, въ часы волшебныхъ вечеровъ,
Когда заря полнеба обнимала,
Понятною, торжественною стала
Ей музыка. Языкъ ея безъ словъ
Такъ ясенъ былъ, такъ полнъ душевной боли;
И въ этомъ царствѣ воплей, бурь и слезъ
Неосязаемый рѣдѣлъ хаосъ,
Міръ возникалъ велѣньемъ высшей воли,
Но книга—прежде вѣрный, милый другъ,
Теперь у ней ужъ падала изъ рукъ:
Казалось ей тамъ все такъ глухо, нѣмо...
Что ей Омиръ и Шекспиръ, если въ ней
Творилася великая поэма,
Всѣхъ эпопей громаднѣй и живѣй?
Какъ ни возись съ октавой иль сонетомъ—
Все будешь передъ ней плохимъ поэтомъ!

V.

Какія жъ пѣсни пѣла муза ей?
Какой она заслушивалась лиры?
Въ величіи героевъ древнихъ дней,
Строителей Бабе́ля и Пальмиры,
Иль рыцаремъ креста, любви и дамъ,
Иль музыкальнымъ странникомъ Прованса
Ея герой предсталъ ея мечтамъ?
Въ его рѣчахъ—то нѣжный стихъ романса,
Исполненный любви, и слезъ, и нѣгъ,
У оконъ замка, съ арфой, ночью лунной;
То вопли Байрона, землѣ перуны,
Угрозы небу; мощный, гордый смѣхъ,
Великій, злой—хоть женски-малодушный.
И чувству новому во всемъ послушно
Вся отдалась она своей душой;
Участія хоть въ комъ-нибудь искала;
И, наклонясь надъ розой молодой,
Какъ другу, тайно ей она шептала
Событія романа своего,
Тоску любви и трепетъ ожиданья,
Восторгъ и робость тайнаго свиданья
И долгаго лобзанья волшебство...

VI.

Онъ говорилъ:—„Мы будемъ неразлучны,
Поѣдемъ въ полкъ; возьмемъ отставку; тамъ
Постранствуемъ по разнымъ городамъ,
Въ Италію—о, намъ не будетъ скучно!
Но мой отецъ—онъ человѣкъ крутой,
Меня женить онъ хочетъ на другой,
Но пусть меня оставитъ онъ безъ крова—
Лишь сердце можетъ друга указать...
Но надобно до времени молчать
И папенькѣ не говорить ни слова.
Ужъ онъ кому-нибудь словцо вверне́тъ:
Разскажетъ—ну, хоть чижику, а тотъ
Анюткѣ; Аннушка — кумѣ Феклушѣ,
И прокричатъ по улицамъ кликуши“.

VII.

О, Боже мой! Все есть въ его словахъ,
Чтобъ поширять фантазіи летучей:

Гонимъ отцомъ,—ему душой могучей
Противосталъ; онъ презрѣлъ *тлѣнъ* и *прахъ*
(Касательно наслѣдства); какъ изгнанникъ
Скитаться онъ пойдетъ, печальный странникъ;
Но съ нимъ она—подъ небомъ голубымъ
Италіи; тамъ гондолы и Брента;
Тамъ міръ искусствъ; Феррара и Сорренто,
Везувій, море, Колизей и Римъ!!!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Василій Тихонычъ имѣлъ привычку,
Обѣдъ окончивъ, поласкавши птичку,
Пойти вздремнуть.
Однажды той порой
Въ ближайшей къ дому улицѣ глухой
Остановилась страннаго размѣра
Извозчичья карета. У угла
Въ шинеляхъ два стояли офицера,
И бойкая у нихъ бесѣда шла.

II.

Одинъ изъ нихъ былъ давній нашъ знакомецъ—
Кавалеристъ и маменькинъ питомецъ;
Хоть лѣтопись боярской ихъ родни
Давно хранила имена одни
Прокофія, Егора и Ивана,
Но вслѣдствіе какого-то романа
Обычая порядокъ измѣненъ—
И Клавдій—Клавдіемъ былъ нареченъ.

III.

Другой—его я имени не знаю;
Да врядъ ли кто и зналъ, я полагаю.
Онъ вышелъ самъ изъ строевыхъ чиновъ,
Его всѣ звали—просто Гвоздаревъ.
Онъ слылъ всегда отчаяннымъ рубакой,
Лихимъ товарищемъ, а оттого
Не обходилось дѣло безъ него,
Грозившее опасностью иль дракой.

IV.

Гвоздаревъ:—Ну, братъ, поддѣлъ! Ужъ если ты не врешь—
Забавная исторія!

— Прекрасно!
Изо всѣхъ лжей, въ такихъ вещахъ, братъ, ложь—
Гнуснѣйшая, порокъ, братецъ, ужасный!
Скажи, совралъ ли я когда-нибудь?
Ты помнишь Соню—прелесть что такое!
Вѣдь не совралъ? Я не могу надуть
Товарища. Потомъ, княгинѣ Зоѣ
Не самъ ли ты записки отдавалъ?..
Да что тутъ говорить—увидишь скоро.
— Ну, молодецъ! Вѣдь дѣло не изъ спора.
Вотъ Вьюшкинъ,—фу, ты чортъ, какъ вретъ!—сказалъ,
Что подцѣпилъ посланницу—да только
Посланница-то просто...
— Ну, нашелъ!
Понравится онъ женщинѣ: оселъ!
— Посланница!.. Вѣдь правды ни на столько!
Я только такъ тебѣ теперь сказалъ;
Не знаю, что за стать тебѣ возиться
Съ дѣвчонками; и изъ чего тутъ биться—
Слезъ... Господи! Навяжутся... Пропалъ!
Я не могу—расплачусь самъ какъ дура.
Что дѣлать, братецъ,—скверная натура!
Нѣтъ, женщинъ я люблю, да вотъ такихъ,
Какъ кто-то написалъ стихи про нихъ:
„Блаженъ кто могъ, о, дѣва ночи“...
— Эге! давно ль ты сталъ читать стихи?
— Читалъ, братецъ, да много чепухи.
— Такъ дѣвочки...
— Ни на что не похожи.
— И я тебѣ скажу стихами тоже,
Старинные: какъ въ корпусѣ я былъ,
Еще тогда ихъ какъ-то затвердилъ—
Съ дѣвицами мнѣ очень пригодилось.
Какъ, знаешь, брякнешь вдругъ:—„*Постыли мнѣ*
Всѣ дѣвы міра!“ Смотришь—и склонилась
Головкою и таетъ, какъ въ огнѣ;
А я себѣ реку, какъ жрецъ искусства:
„*Ты рождена воспламенять...*“ Фу, чортъ!
Соперникъ тутъ—капутъ и à la porte!
. . . . . .
— Да, хорошо въ стихахъ, а такъ-то гадко,
Поплачешься. Ей-Богу, никогда
Не буду брать я на себя труда
Вамъ помогать. Бьетъ точно лихорадка.

— Эхъ, баба, трусъ! Тебѣ бъ гусей пасти;
Да если ты боишься, такъ поди.
— Нѣтъ, что! Ужъ обѣщалъ.
— Чего жъ ты трусишь?
— Да, какъ заплачетъ, такъ языкъ прикусишь.
Смотри, мелькнуло что-то тамъ, въ саду.
— Ну, жди меня, я тотчасъ съ ней прійду.
— Ступай, ступай! Ужъ эти мнѣ интрижки!

. . . . . .

. . . . . .

Добро бъ мѣщанка—ну, туда-сюда,
Ну, нѣмка, швейка, или хоть цыганка,
А то вѣдь все, какъ ни было бъ, дворянка.
Чай, у нея и связи и родня...

V.

КЛАВДІЙ, МАША.

— Ну, ангелъ мой, давно я жду тебя;
Что, наконецъ успѣла ты собраться?
— Куда же, другъ мой?
— Какъ куда? Вѣнчаться.
— Послушай, Клавдій, нынче я всю ночь
Проплакала.
— Что такъ?
— Мнѣ страшно было...
— Пожалуйста, дурного не пророчь.
— И не было во мнѣ день цѣлый силы
Глядѣть на папеньку; зачѣмъ скрывать
Отъ старика?
— Ну, разскажи, пожалуй—
А онъ пойдетъ по городу болтать.
И планъ нашъ, счастье—все какъ не бывало!
Нѣтъ, ты меня не любишь. Для тебя
Я бросилъ все... Что жъ, этого все мало?
Нѣтъ, это не любовь.
— Ахъ, полно! Я твоя...
— О чемъ же плачешь ты, душа моя?
— Не знаю... Такъ... Мнѣ въ этотъ мигъ казалось,
Что будто бы навѣкъ я разставалась
И съ домикомъ и съ садомъ...
— Пустяки!
Мы завтра же сюда какъ разъ подкатимъ.
Папа намъ будетъ радъ—вѣдь старики

Посердятся, а тамъ, глядь, въ три ноги
Ударятъ сами... Но мы время тратимъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Прошло три дня. Поутру Гвоздаревъ
Шелъ къ Клавдію. „Чортъ знаетъ что со мною!
Вѣдь, кажется, натурой боевою
Я надѣленъ, и двадцать пять годовъ
На линіи чуть съ чортомъ не сдружился.
А тутъ теперь съ дѣвчонкой повозился...
Сталъ самъ не свой, и гадко, чай, взглянуть.
Ужъ не болѣзнь ли это? Ноетъ грудь...
Нѣтъ, не болѣзнь, а просто скверность. То-то,
Все думаешь затылкомъ. Помогать
Чортъ знаетъ въ чемъ припала вдругъ охота!
Да не подумалъ, къ рожѣ ль, есть ли стать!
Эй, Куликовъ, ну что, не принимаютъ?
— Да, нѣ звали; должно-быть, почиваютъ.
— Здоровы?
— Слава Богу.
— А она?
— Кто-съ, барыня? Да что имъ?
— Очень плачетъ?
— Извѣстно, плачутъ.
— Чай, она больна?
— Да, то больна, а то поетъ и скачетъ.
— А баринъ что?.. Онъ крѣпко полюбилъ?
— Насчетъ того не слышно разговора,
Да мы не долго вѣдь—наскучитъ скоро.
— Ну, ты скажи, что я, молъ, приходилъ.

II.

А Клавдій, съ трубкой длинною въ рукахъ,
На канапэ сидѣлъ какъ падишахъ,
Въ халатѣ шитомъ, въ узорочной фескѣ.
Лучъ солнечный, скользя сквозь занавѣски,
Прозрачный дымъ разрѣзавъ, заклубивъ,
По комнатѣ лился златой струею;
И мимоходомъ, ярко озаривъ
Тальони бюстъ, хрусталь съ живой игрою,
Онъ упадалъ на голову, на грудь
Маріи спящей.

III.

Милое созданье!..
Кто на нее, въ волшебномъ обаяньи,
Не заглядѣлся бы, боясь дохнуть?
Какъ живописно, какъ небрежно-ловко
Она раскинулась: одна рука
Заброшена за милую головкой;
Къ другой прижалась жаркая щека;
И косы, пышныя, какъ шелкъ развитый,
Бѣгутъ, блестя, съ подушки пуховой;
Тамъ ножки такъ заманчиво открыты,
И очеркъ формъ прекрасныхъ... чудный видъ...
Устами бы коснулся, упоенный,
Холодныхъ плечъ, щеки воспламененной!..
Но эта мысль, которая не спитъ
И спящею красавицей играетъ,
То пурпуромъ лицо ей обагритъ,
То блѣдностью въ ланитахъ пробѣжитъ,
То сдавитъ грудь, и грудь ея заноетъ,
Какъ будто крикъ обиды въ ней замретъ,
То ужасомъ уста ея раскроетъ,
То въ поцѣлуй горячій ихъ сомкнетъ:
Нѣтъ, эту мысль, ту дѣющую душу
Въ ней чувствуя и съ трепетомъ слѣдя,
Ты, очарованъ, скажешь: „Спи, дитя,
Сна таинства я дерзко не нарушу“.
И Клавдій думалъ: „Пусть она поспитъ,
Покуда самоваръ не закипитъ“.

IV.

— „Ну, розанчикъ, насилу встала ты,
Лѣнивица. А я ужъ приступаю
Къ чаямъ.
— Зачѣмъ же ты, не понимаю,
Не разбудилъ?
— У васъ вѣдь все *мечты*.
Особенно подъ утро—о, я знаю!!!
Скажи же, что ты видѣла во снѣ?
А, покраснѣла!
— Вамъ какое дѣло?
— Признайся, все мечтала обо мнѣ?
— Вотъ вздоръ какой! Нимало.
— Покраснѣла!..
Мадамъ прислала шляпку и бурнусъ.

Когда не такъ—прошу ужъ извиненья—
Я виноватъ: я выбралъ на свой вкусъ.
— Ахъ, шляпка бѣлая... я въ восхищеньи!
Вотъ именно какой хотѣлось мнѣ.
— Да не ее ль ты видѣла во снѣ?
— Пожалуйста!.. Ахъ, какъ сидитъ чудесно!
Бурнусъ прекрасный. Этотъ цвѣтъ небесный
Ко мнѣ идетъ. Вѣдь я всегда блѣдна,
И брови черныя, глаза большіе,
Ну, погляди, я, право, недурна.
Я выпущу тутъ локоны: густые
И черные на голубомъ—charmant.
Вся завернусь въ бурнусъ съ гладкой спинкой,
На шеѣ съ легкой палевой косынкой,
Въ атласныхъ башмачкахъ—mais c'est piquant!
— У! Божество мое!
— И мы съ тобою
Поѣдемъ за городъ, гдѣ нѣтъ людей.
— Хоть за сто верстъ.
— Я жажду всей душою
Увидѣть небо, лѣсъ, просторъ полей.
Вѣдь я почти природы не видала;
Разъ только лѣтомъ съ папенькой гуляла:
За нашимъ домомъ поле и ручей—
Какъ весело... Ахъ, что-то мой папаша!
Что съ нимъ теперь! Ахъ, Боже мой, гдѣ онъ?
Онъ не проститъ меня!.. Онъ раздраженъ,
Онъ такъ любилъ меня!..
— Что это, Маша,
Опять ты плачешь—скучно! Я сказалъ,
Что онъ намъ дастъ свое благословенье,
Но надо ждать. Священникъ не вѣнчалъ
И не хотѣлъ вѣнчать безъ позволенья
Родителей, но послѣ обѣщалъ,
. . . . . .
Меня ты сердишь глупостью своею.
— Прости меня. Я вѣрю, я о томъ
Не буду даже думать.
— И прекрасно!

И вотъ она опять съ улыбкой ясной,
Исчезла мигъ сверкнувшая слеза;
Она глядѣла такъ ему въ глаза
Довѣрчиво, какъ смотрятъ только дѣти.

— Послушай, Клавдій, ты мнѣ все на свѣтѣ,
Ты счастливъ ли, какъ я?
— А могъ ли бъ быть
Я меньше счастливъ?
— О, какъ жизнь прекрасна!
А жизнь въ одномъ лишь словѣ—вѣкъ любить.
А вѣдь живутъ и безъ любви... Ужасно!
Не вѣрю я—жить безъ любви—страдать.
Но знаешь ли, когда бъ меня спросили,
Какъ я люблю и сколько—отвѣчать
Я бъ не могла... Ужели бъ заключили,
Что не люблю я? О, какъ свѣтъ смѣшонъ!..
— Эге, такъ вотъ, не въ этомъ ли твой сонъ?
— Ахъ, ты все шутишь!.. Помнишь ли, объ этомъ
Ты говорилъ со мной давно ужъ, лѣтомъ;
Ты, помнишь ли, сказалъ мнѣ, что любовь
Безъ жертвъ не есть любовь; я этихъ словъ
Значеніе теперь лишь угадала.
Хоть я тебѣ покорна, какъ судьбѣ,
Все кажется, что сдѣлала я мало
И что ничѣмъ не жертвую тебѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Какъ опустѣлъ нашъ домикъ на Пескахъ!
Закрыты ставни, заросли травою
Дорожки, и крапива въ цвѣтникахъ.
Недавно бурей сломаны ночною
Лежали вѣтви желтыя деревъ;
Никто прибрать не думалъ ихъ съ дорожки,
Ни подвязать попорченныхъ кустовъ,
Ни вставить стеколъ выбитыхъ въ окошки.
Василій Тихонычъ лежалъ больной,
Безъ памяти, въ горячкѣ. День-деньской
При немъ была сидѣлка нанятая,
Гадавшая спокойно при больномъ,
Что скоро ли ея докука злая
Окончится какимъ-нибудь концомъ,
И вымещавшая на кофешкѣ
Заботы о проклятомъ старичишкѣ.

II.

Нѣтъ, время не старикъ. Нѣтъ, въ старцѣ умъ
Спокоснъ, мудръ, безгнѣвенъ, твердъ, угрюмъ.

Нѣтъ, время—женщина, дитя: ревниво,
И легкомысленно, и прихотливо;
Капризное—вдругъ радость унесетъ,
За мигъ блаженства вырветъ злыя слезы,
Сорветъ съ чела цвѣтущій миртъ и розы
И терніемъ колючимъ обовьетъ:
Но вдругъ потомъ пробудится въ немъ жалость,
И выкупить свою захочетъ шалость—
Тутъ явится оно опять, какъ другъ,
И исцѣлитъ мучительный недугъ.
Василій Тихонычъ, чуть-чуть, по малу,
Сталъ поправляться, въ комнатѣ бродить
И иногда на солнце выходить,
Гулять одинъ въ сосѣдствѣ, по каналу.

III.

Осенній день былъ ярокъ. Громкій звонъ
Гудѣлъ далеко. Было воскресенье.
Василій Тихонычъ всталъ рано. Онъ
Всю ночь не спалъ. Тяжелыя видѣнья
Его терзали, отгоняя сонъ.
Онъ вышелъ на крыльцо. Цыплята, куры,
Кудахча, тамъ стѣснились къ пшену.
Онъ ихъ ласкалъ при этомъ въ старину,
А нынче отошелъ, сказавши: „дуры“.
Онъ въ залу. Солнцемъ оживленный, тамъ
Веселый чижикъ пѣснью заливался,
Какъ въ дни, когда, бывало, по утрамъ
Здороваться старикъ къ нему являлся
И говорилъ, что было за душой.
Теперь онъ сталъ съ поникшей головой;
Особенно теперь онъ вспомнилъ ясно
Иные дни, которыхъ не вернешь...
А чижикъ пѣлъ все такъ же звонкогласно...
„Да что, дуракъ, ты горло-то дерешь,
Да замолчи, сверчокъ, ушамъ вѣдь больно!“
Онъ отошелъ, сердитый, недовольный.

IV.

По службѣ былъ пріятель у него.
Ужъ двадцать лѣтъ они сидѣли рядомъ;
Вѣрнѣе—двадцать лѣтъ другъ къ другу задомъ
Они сидѣли... Боже мой! Чего
Не дѣлаетъ судьба на свѣтѣ бѣломъ!

Пріятели по днямъ сидѣли цѣлымъ
Другъ друга слыша, чувствуя, слѣдя,
Почти въ лицо другъ другу не глядя.

V.

Давно Иванъ Петровичъ въ службѣ высохъ.
Но, можетъ-быть (не знаемъ мы того),
У множества головъ сихъ странныхъ, лысыхъ,
Какъ кажется, умершихъ для всего,
Которыхъ міръ такъ жалко обезличилъ,
Все есть одно, куда живымъ ключомъ
Прорвалась жизнь и съ чувствомъ и съ умомъ...
Такъ узникъ былъ, который паукомъ
Всю жизнь ума и чувства ограничилъ.

VI.

— Василій Тихонычъ, пойдемъ гулять.
— Гдѣ мнѣ гулять!
— На острова поѣдемъ.
— Эхъ, полно вамъ.
— Да что же вамъ лежать
Весь день въ берлогѣ этакимъ медвѣдемъ...
Поѣдемте, надѣньте вицмундиръ.
— Ахъ, знаете ль, не хочется, ей-Богу!
— Ну, полно же, живѣй, маршъ-маршъ въ дорогу!
Въ трактиръ зайдемъ пить чай.
— Ну, ужъ въ трактиръ
Я не пойду. Тамъ, чай, народу много,
И въ публику мнѣ страшно выходить.
— Вотъ то-то, все сидитъ, да дома тужитъ!
. . . . . .
. . . . . .
— Нѣтъ, не пойду, Иванъ Петровичъ.
— Что жъ?
— Такъ, не могу.
— Ужъ вы надѣли брюки?
— Все не могу.
— Васъ, право, не поймешь.
Да ну, скорѣй мундиръ да шляпу въ руки!
— Меня какъ будто лихорадка бьетъ,
Такъ на сердцѣ нехорошо.
— Пройдетъ!
— Нѣтъ, не пройдетъ; ужъ развѣ Богу душу
Отдамъ, тогда пройдетъ. Такъ не *пройтить*.

— Охота вамъ такъ страшно говорить,
И всякій смертень.
— Смерти я не трушу.
— Берите шляпу.
— Что мнѣ смерть теперь?
— Да полно, говорятъ.
— Такъ околѣю,
Какъ песъ, какой-нибудь поганый звѣрь,
Глазъ некому закрыть мнѣ, какъ злодѣю.
— Ну, ну, пойдемъ. Ну, запирайте дверь.

VII.

Чиновники скромненько ваньку взяли
И поплелись рысцой на острова.
„И лѣтомъ былъ денекъ такой едва ли,
Смотрите-ка, вѣдь будто спитъ Нева“.
Василій Тихонычъ хранилъ молчанье,
Зато Иванъ Петровичъ говорилъ.
„Какъ пыльно! Уфъ! Дышать почти нѣтъ силъ!
Да слѣземъ тутъ, пройдемте до гулянья.
Смотрите-ка, народу что идетъ,
Чай, всякіе—держитесь за карманы,
Кто ихъ теперь въ толпѣ-то разберетъ...
Глядите-ка, присталъ какой-то пьяный
Къ купчихѣ, знать: повязана платкомъ.
Здоровая, ей-ей, кровь съ молокомъ!
Чай, ѣстъ за трехъ! Ишь, жирная какая!
Эге, ругнула! Вотъ люблю, лихая!
Да это что, смотрите-ка сюда—
Здѣсь прежде будки не было. Когда
Поставили? Спросить бы часового...
Ахъ, нѣтъ, была, да выкрашена снова.
Послушаемъ шарманки. Ишь какой
Тальянецъ—мальчикъ, а ужъ черномазый.
Чай, сколько онъ проходитъ день-денской!
Какъ вертится! Ахъ, дьяволъ пучеглазый!
Ѣсть нечего въ своей землѣ у нихъ,
И суются куда бы ни попало.
Да. Ну, у насъ бы пришугнули ихъ.
Вотъ нѣмецъ—тоже честный надувало:
Я чай, сигаръ изъ браку наберетъ,
А тутъ, поди-ка, сунься, такъ сдеретъ,
За штучку гривенникъ да пятьалтынникъ.
Вотъ что! И знай.

Подвиньтесь туда,
Къ каретамъ. Ты, сѣдая борода,
Слышь, не толкай! Посторонись, аршинникъ!
Не видишь, что чиновники... Скорѣй,
Василій Тихонычъ, не пропустите,
Директорша. Да шляпу-то снимите.
Проѣхала. Директоръ не при ней.
А вонъ коляска... Да кто въ ней, глядите—
Не знаете? Вѣдь стыдно и сказать...
Вся въ кружевахъ теперь и блондахъ... Танька,
Та, что жила у Прохорова нянькой!
И шляпка внизъ торчитъ... Тожъ лѣзетъ въ знать!
Чуфарится! Туда жъ съ осанкой барской!..
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Василій Тихонычъ, что жъ вы стоите?
Пойдемъ пить чай!"
— Глядите-ка... глядите...
— Кто тамъ?
— Глядите...
— Кто?
— Она, она!..
Разряжена... Какъ весела... смѣялась...
— Пойдемте прочь, вамъ просто показалось,
— И онъ верхомъ... Мерзавецъ!.. Какъ жена
Съ нимъ говоритъ... Да что вы, не держите,
— Василій Тихонычъ! Уйдемъ, молчите!
Вы въ публикѣ... вниманье обратятъ.
Подумаютъ, что вы... свести велятъ
Въ полицію...
— Она того хотѣла,
Такъ на же, пусть въ полицію сведутъ!
Пускай при ней и свяжутъ и возьмутъ!
Пусти меня!..
— Опомнись, это тѣло
И кровь твоя...
— Ну, тѣло, кровь, пусти!
Отца забыть! Съ любовникомъ уйти!
Отецъ—онъ старъ, дуракъ! Какое дѣло,
Есть или нѣтъ отецъ... Пускай реветъ...
Оставила... Пускай съ ума сойдетъ,
Что жить ему: околѣвай, собака!
Смотрите всѣ: вонъ, вонъ она, вонъ та—

Анаѳема! Будь вѣки проклята!..
— Уфъ, страхъ какой!
— Что тутъ за шумъ?
— Что? Драка?

Старикъ умолкъ. Дрожащія уста,
Казалось, говорить еще хотѣли,
Но голосъ замеръ, ноги ослабѣли,
И онъ упалъ. Коляска понеслась
Какъ вихрь. Толпа кругомъ еще тѣснилась.
— Я съ духомъ все еще не собралась.
Вотъ ужасти! Она, моя родная,
Какъ взвизгнула!
— Да блѣдная такая!
— Что тутъ такое?
— Проклялъ дочь отецъ.
— Да, проклялъ; да за что же? Злая доля
Тому, кто проклятъ... Ишь вѣдь молодецъ!
— Ахъ, батюшка! Родительская воля!
— Ишь, проклялъ!..
— Онъ вѣдь какъ безумный самъ.
Смотрѣли бы за нимъ всѣ по пятамъ —
Воды-то много тутъ. Чтобъ не случился
Съ нимъ грѣхъ какой...
— Ты слышалъ, тутъ одинъ
Порядочно-одѣтый господинъ,
Чиновникъ, проклялъ дочь и утопился?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Пришла весна. Свѣтлѣютъ неба своды;
Свой бѣлый саванъ сдернула зима,
Дома темны, какъ древніе дома;
По улицамъ, журча, струятся воды;
Нева блеститъ и дымчатой волной
Играетъ съ жемчугомъ зеленой льдины.
Я Петербургъ люблю еще весной.
Какъ будто есть движенье: цѣпью длинной,
Въ грязи шумя и плеща колесомъ,
Стремятся экипажи; по колѣно
Въ водѣ еще кой-гдѣ, вертя кнутомъ,
Съ санями ванька тащится, рядкомъ
Съ лошадкою, покрытой бѣлой пѣной;
И тротуаръ на Невскомъ оживленъ;

Толпы ползутъ туда со всѣхъ сторонъ;
Людей, какъ мухъ, живитъ весны дыханье;
И раздаются шумно восклицанья:
„Что, братъ, весна! Я просто въ сюртукѣ—
И ничего!“—„Я тоже налегкѣ“.
Лишь скептикъ, жертва мѣстнаго недуга
(Зараза эта такъ у насъ сильна),
Замѣтитъ: „Да, пожалуй, и весна,
А все, гляди, еще потянетъ вьюга“.
Ну, словомъ, жизни уличной просторъ!
Точь въ точь Парижъ: кофейни, лавки, клубы,
Трактиры, моды, книги, шляпы, шубы,
Журнальныхъ даже множество конторъ—
. . . . . .
. . . . . .

II.

Пойдемте вслѣдъ за яркою толпой.
Вотъ, пышными нарядами пестрѣя,
Двѣ барыни и баринъ съ бородой,
И съ ними сзади красная ливрея.
— Какъ Петербургъ нашли вы, мосье Paul?
Довольны ли вы сѣверной столицей?
— Что дѣлать? Возвратясь изъ-за границы,
Невольно старую играешь роль—
Роль Чацкаго.
— Ахъ, это, право, мода!
— Кто странствовалъ, тотъ любитъ наблюдать
Въ лицѣ толпы особенность народа,
Души его оттѣнки подмѣчать.
Одинъ народъ угрюмъ, спокоенъ, важенъ;
Тотъ вдохновеньемъ блещетъ; а другой
Въ лохмотьяхъ—гордъ, безпеченъ, но отваженъ.
Тамъ югъ, здѣсь сѣверъ съ скукой и хандрой;
Куда ни взглянешь—видъ полубольной
И мутные глаза безъ выраженья.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

— Ну, признаюсь, чудесный разговоръ
На улицѣ!.. Давно ль, съ которыхъ поръ
Вы бойки такъ, совсѣмъ другіе стали!
Я помню васъ студентомъ...
— Я созрѣлъ,
Въ два года много я узнать успѣлъ.
— Ужели сердцемъ вы не трепетали,
Когда родной языкъ вы услыхали?
— Какой языкъ, и какъ здѣсь говорятъ!
Французскія слова на русскій ладъ!
Не тотъ языкъ, что искрится алмазомъ,
И радуетъ, и поражаетъ разомъ
Въ устахъ француза; нѣтъ, совсѣмъ другой,
Сухой, дипломатически-пустой,
Какая-то привычка къ мертвымъ фразамъ.
Вы, женщины, вы корень зла всего.
Одушевить языкъ своей улыбкой,
Сроднить его съ своей природой гибкой
И женскимъ сердцемъ воспитать его
Вы не хотите... Грубая ошибка:
Какъ ни возись съ упрямымъ языкомъ
Писатели—прозаики, поэты,
Онъ будетъ сынъ, воспитанный отцомъ,
Не знавшій ласкъ сестры и не согрѣтый
Улыбкой матери.
— Кто жъ виноватъ?..
Вы точно Чацкій... Желчь и злость—что слово.
Вы нынче вечеръ съ нами?
— Очень радъ...
Я такъ увлекся... Тетушка здорова?
— Mercі.
— А дядюшка?
— Онъ очень хилъ.
— Кузины?
— Васъ увидѣть будутъ *ради*.
Додо ужъ замужемъ... и послѣ дяди
Получитъ много мужъ... онъ очень милъ.
— А ваши всѣ друзья?.. Мими?
— Какая Мими?
— Брюнетка, помните, живая,
Вашъ другъ.
— Fi donc!
— Вы вышли вмѣстѣ съ ней

Изъ пансіона...
— Боже мой, молчите!
— Мими... вашъ другъ?
— Ахъ, что̀ вы говорите!
— Вотъ дружба-то!
— Нѣтъ у меня друзей.
— Жива ль она?
— Да, умерла... для свѣта.
Maman, maman, чудесная карета,
Что̀ привезли изъ Лондона Sophie...
— А гдѣ Sophie?
— Вонъ тамъ.
— А съ ней мосье Fifi?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Но гдѣ она, гдѣ героина наша,
Гдѣ бѣдная, гдѣ любящая Маша?..
Убита ли нечаянной грозой?
Иль чистая душа и съ ней сроднилась?
Изъ устъ отца проклятье разразилось,
Какъ громъ небесъ, надъ юной головой;
Надменный свѣтъ, ласкающій невѣжду
И мытаря, грабителя, шута,
Для ней навѣкъ закрылъ свои врата
Съ ужасной надписью: „Оставь надежду“...
(Ты палъ—такъ падай глубже; не мечтай
Когда-нибудь опять увидѣть рай,
Гдѣ человѣкъ блаженъ, безукоризненъ,—
Такъ скучно-чистъ, такъ чопорно-безжизненъ).

II.

Марія все—увы!—пережила...
Пережила: она какъ прежде любитъ.
Пусть страсть ее гнететъ, терзаетъ, губитъ,
Ея любовь подъ бурею была
Еще сильнѣй и пламеннѣй. Казалось,
Что дивная душа проснулась въ ней;
Какъ подъ грозой прекрасный цвѣтъ полей,
Она въ слезахъ, казалось, укрѣплялась.
Пусть свѣтъ ее караетъ и разитъ,
Пусть страшный остракизмъ на ней лежитъ:
Что̀ судъ толпы посильно безпорочной,
Ругающей непризнанную страсть,

Хотя о ней мечтающей заочно
И каждый мигъ готовой втайнѣ пасть?

III.

А Клавдій? О, какъ ей мечталось сладко
Всю жизнь свою ему лишь посвятить,
Смягчать его, исправить недостатки,
Врожденное добро въ душѣ раскрыть.
Любовь надѣется... Однако нынѣ
Недѣля, какъ исчезъ онъ. Живъ ли онъ?
И цѣлый міръ для Маши сталъ пустыней.
Онъ вспыльчивъ, онъ, быть-можетъ, завлеченъ
Въ дуэль... быть-можетъ, кровью истекаетъ,
И не она какъ другъ при немъ была...
Ахъ, лучше пусть убитъ, чѣмъ измѣняетъ—
Вопило сердце, но она ждала.

IV.

Звонятъ. „Онъ, онъ!“ И молніей блеснула
Ей радость. Взоръ мгновенно просвѣтлѣлъ,
Но крикъ, напрягшій грудь, вдругъ излетѣлъ
Глубокимъ вздохомъ; сердце обмануло—
То былъ не онъ.

Вьюшкинъ.

— Я къ вамъ... я посланъ къ вамъ
Отъ Клавдія.
— Отъ Клавдія? О, Боже,
Онъ живъ?.. Ахъ, гдѣ онъ?
— Живъ-то живъ.
— Такъ что же?
— Какъ вамъ сказать, не знаю, право, самъ;
Довольно трудно, хоть всего два слова.
— Ахъ, говорите, я на все готова!
— Онъ въ полкъ уѣхалъ: срокъ сталъ выходить...
— Уѣхалъ? Безъ меня? Не можетъ быть,
Я васъ не понимаю.
— Очень ясно:
Уѣхалъ въ полкъ.
— И я пойду за нимъ.
— Послушайте, отъ васъ скрывать напрасно.
Отецъ его суровъ, неумолимъ,
И Клавдій... васъ оставилъ.
— Нѣтъ, вы лжете!
— Съ чего жъ мнѣ лгать пришла охота вдругъ?

Вотъ вамъ письмо.

— Подложное!

— Прочтете,

Того не скажете.

„Любезный другъ,
Чтобъ избѣжать несносныхъ объясненій,
Мнѣ тягостныхъ, а также и тебѣ,
Беру перо. Оставь всѣ слезы, пени,
Сообрази и покорись судьбѣ.
Пора, мой другъ, намъ наконецъ разстаться.
Ты—умница, ты все сама поймешь;
Ты хороша, одна не пропадешь;
Итакъ, прощай, счастливо оставаться!
Вѣрь, не забуду я любви твоей—
На первый разъ вотъ тысяча рублей".

— Вотъ видите каковъ онъ?

— Боже, Боже!..

— Я говорилъ: ни на что не похоже
Ты, братецъ, дѣлаешь; а онъ свое,
Что надоѣда, надобно ее
Оставить.

— Извергъ!

— Извергъ и ужасный!
Да что вы плачете? Ей-ей, напрасно!
Слезинки бъ я не пролилъ за него.
Въ его душѣ—святого ничего!
Онъ говоритъ, что женщинъ только любитъ,
Пока ему противятся онѣ;
Что вопль и слезы только въ немъ сугубятъ
Презрѣніе... Марія, вѣрьте мнѣ,
Ни вашихъ слезъ ни мыслей онъ не стоитъ...
Не знаю, право, что васъ безпокоитъ.
Да плюньте на него. Несправедливъ
Онъ къ вамъ; да вы ужель его не знали?
Онъ эгоистъ безкровный и едва ли
Когда любилъ—быть-можетъ, и счастливъ
Онъ оттого бывалъ у женщинъ въ свѣтѣ.
Хотите ль знать, каковъ онъ? Въ немъ все ложь,
И добраго и чести ни на грошъ;
Письмо—все вздоръ; резоны эти
Все выдумки, все тѣ же въ сотый разъ.

. . . . . .

. . . . . .

Я очень радъ, что онъ избавилъ васъ...

Отъ объясненій—это трудъ напрасный.
Вы стали, бы тутъ плакать, онъ—курить
И въ потолокъ пускать колечки дыма...
Послушайте... вы будете любимы.
Нельзя васъ видѣть мигъ, и такъ уйти,
Не полюбить... клянусь, вы такъ прекрасны...
Не плачьте. Вѣрьте, вы не такъ несчастны,
Какъ кажется... Клянусь, вамъ впереди
Такъ много въ жизни... Маленькая тучка
Примчалась, и чрезъ мигъ пройдетъ гроза,
И эти косы, дивные глаза,
И эта ножка, пухленькая ручка...
Марія! Дайте вашу ручку мнѣ:...

(Цѣлуетъ руку).

Ахъ, ручка, ручка! Только вѣдь во снѣ
Такую видишь... Ангелъ черноокій,
У вашихъ ногъ клянусь любить всегда,
Всю жизнь свою любить, какъ никогда
Онъ не любилъ... Не будьте же жестоки,
Позвольте мнѣ любить васъ, вѣкъ любить!..

И онъ рукой старался охватить
Маріи станъ. Его прикосновенье
Вдругъ вывело ее изъ онѣмѣнья.
— Стыдитесь, что вы?
— Ангелъ милый мой!
Отдайтесь мнѣ.
— Пустите!
— Ангелъ милый!

Отчаянье въ ней пробудило силы,
Глаза зажглись обиды полнотой,
И—хлопъ пощечина... Но нашъ герой
Нашелся.
— Ну, теперь ужъ расцѣлую!
— Подите вонъ!
— Нѣтъ, расцѣлую!
— Вонъ!
Я васъ убью!
— Ты шутишь шутку злую!
Но полно, миръ воюющихъ сторонъ,
И руку! Вы не въ духѣ?
. . . . . —. Прочь подите!
— Вы шутите?
— На шагъ лишь подступите,

Я размозжу вамъ голову!
— Уйду-съ...
Экъ подняла какую вѣдь тревогу!
Нѣтъ, Клавдій, ты надулъ меня, ей-Богу!
Бѣсенокъ! Право, [illegible]ше уберусь...
— Ахъ, Клавдій, [illegible]вдій! Гдѣ ты?.. Что со мною?
Что сдѣлалъ ты?

V.

И голосъ ослабѣлъ,
Румянецъ, вызванный обидой злою,
Угасъ, и ликъ какъ будто помертвѣлъ.
Недвижная, поникши головою,
Она, казалось, силилась понять,
Что было съ ней... Хваталася руками
За голову, какъ будто удержать
Стараясь разумъ; мутными глазами
Искала все кого-то... Давитъ грудь
Стѣсненное, тяжелое дыханье...
О, хоть бы слезы... но—увы!—въ страданьи
И слезы даже могутъ обмануть...
Потомъ какъ бы вернулась сила снова,
И вырвались изъ устъ и стонъ и слово:
„Онъ обманулъ!.. Я всѣмъ теперь чужда...
Онъ правъ, всѣ скажутъ, онъ вѣдь никогда
И не любилъ: она одна любила...“
И горькое рыданье заглушило
Ея слова...

VI.

Что жъ думала она?
Какая мысль въ душѣ свинцомъ лежала?
Что изъ груди разбитой исторгало
То стонъ, то плачъ, то хохотъ, то порой
Въ очахъ сіяло тихою слезой?
Одно: „онъ разлюбилъ“... Въ ней сердце, разумъ,
Вся жизнь ея, казалось, были разомъ
Убиты этимъ словомъ роковымъ.
„О, если бъ хоть увидѣться мнѣ съ нимъ!
Вотъ деньги... О, палачъ безъ состраданья!
Онъ выкупъ далъ позора моего!
Ахъ, гдѣ онъ самъ, гдѣ низкое созданье?
Я бъ бросила ему въ лицо его
Червонцами... Одно, одно осталось!“
И будто свѣтлой мыслію чело

Вдругъ просіяло; точно отлегло
Отъ сердца. Что-то страшное, казалось,
Она задумала.

VII.

Марія шла дрожащею стопой,
Одна съ больной, растерзанной душой.
„Дай силы умереть мнѣ, правый Боже!
Весь міръ—чужой мнѣ... А отецъ?.. Старикъ...
Оставленный... и онъ... онъ проклялъ тоже!
За что жъ? Хоть на него взглянуть бы мигъ,
Все разсказать... а тамъ—пусть проклинаетъ!"
Одна идетъ; сторонится народъ,
Кто молча, кто съ угрозой, кто шепнетъ:
„Безумная!"—и въ страхѣ отступаетъ.
И вотъ знакомый домикъ; меркнулъ день,
Зарей вечерней небо обагрилось,
И длинная по улицамъ ложилась
Отъ фонарей, деревъ и кровель тѣнь.
Вотъ садъ, скамья, поросшая травою,
Подъ вѣтвями широкими березъ.
На ней старикъ. Послѣдній клокъ волосъ
Давно ужъ выпалъ. Блѣдный, онъ казался
Однимъ скелетомъ. Ветхій вицмундиръ
Не снятъ: онъ, видно, снять не догадался,
Придя отъ должности. Покой и миръ
Его лица былъ страшенъ: это было
Спокойствіе отчаянья. Уныло
Онъ только ждалъ скорѣй оставить міръ.
Вдругъ слышитъ вздохъ, и листья задрожали
Отъ шороха. „Что, ужъ не воры ль тутъ?
А пусть все крадутъ, пусть все разберутъ,
Вѣдь ужъ они... они ее украли..."
Старикъ закрылъ лицо и зарыдалъ,
И чудятся ему рыданья тоже,
И голосъ: „Что я сдѣлала съ нимъ, Боже!"
Не зная какъ, онъ дочь ужъ обнималъ,
Не въ силахъ слова вымолвить.—Папаша,
Простите!—„Что, я развѣ звѣрь иль жидъ?".
— Простите!—„Полно! Богъ тебя проститъ!
А ты... а ты меня простишь ли, Маша?.."

(1846).

IV.

ТРИ СМЕРТИ.

Лирическая драма.

(Посвящается Николаю Аполлоновичу Майкову).

Поэтъ Луканъ, философъ Сенека и эпикуреецъ Люцій приговорены Нероном къ казни по поводу Пизонова заговора.

Комната въ античномъ вкусѣ; *посрединѣ столъ съ яствами*; около него люцій, эпикуреецъ, одинъ, какъ слѣдуетъ, возлежитъ за обѣдомъ. Сенека пишетъ завѣщаніе. Луканъ въ глубокой задумчивости. Въ углубленіи сцены группа друзей и учениковъ Сенеки.

ЛЮЦІЙ *(омывъ послѣ ѣды руки водою въ чашѣ, поданной рабомъ, говоритъ).*

Мудрецъ отличенъ отъ глупца
Тѣмъ, что онъ мыслитъ до конца.
И вотъ я долго наблюдаю
И нахожу, что смерть разитъ
Всего скорѣе аппетитъ.
Я цѣлый часъ жую, глотаю,
Но все безъ вкуса, и не сытъ!..
Вина попробуемъ! быть-можетъ,
Живая Вакхова струя
Желудокъ дремлющій встревожитъ...
Ну, кто же пьетъ со мной, друзья?
Луканъ!.. да ты какъ въ лихорадкѣ!
Въ Сенекѣ строгій стоицизмъ
Давно разрушилъ организмъ!
И если вы въ такомъ упадкѣ—
Не мудрено, что въ этотъ часъ
Мой здравый разумъ бѣситъ васъ!

ЛУКАНЪ.

Въ часъ смерти шутки неприличны!

ЛЮЦІЙ

Но лучше умереть шутя,
Чѣмъ плакать, рваться, какъ дитя,
Безъ пользы!

ЛУКАНЪ.

Мнѣнія различны!
Кто жизнь обжорству посвятилъ,
Тотъ потеряетъ въ ней немного!

ЛЮЦІЙ.

Э, милый! не суди такъ строго!
Я, признаюсь, еще бъ пожилъ
И неохотно умираю...
Но, чтобы съ честью этотъ шагъ
Свершить, въ твоихъ, мой другъ, стихахъ
Себѣ отваги почерпаю.
„Посланье къ смерти“ помнишь ты?
Въ немъ есть высокія черты!
Съ скелета смерти снялъ ты смѣло
Земной фантазіи цвѣты...
Ты помнишь:

(Декламируетъ)

„Друзья! намъ смерть страшна лишь чѣмъ?
Все кажется, что не совсѣмъ,
Не разомъ мы умремъ,
Что будемъ видѣть мы свой трупъ,
Улыбку неподвижныхъ губъ,
Глаза съ тупымъ зрачкомъ;
А мухи стаей по лицу,
Безъ уваженья къ мертвецу,
И по̀ лбу поползутъ;
И съ содроганьемъ отъ тебя
Родные, близкіе, друзья
Въ испугѣ отойдутъ“...

ЛУКАНЪ.

Ужасный образъ! какъ я могъ!..

ЛЮЦІЙ.

Позволь! въ концѣ—благой урокъ.

(Читаетъ далѣе)

„Что даже изъ земли сырой

За рѣзвой жизнію земной
Слѣдить твой будетъ слухъ;
И между тѣмъ, какъ надъ тобой
Весна покровъ разстелетъ свой,
И запестрѣетъ лугъ,—
Червь на тебя ужъ нападетъ
И жадно ѣсть тебѣ начнетъ
И щеки и бока...“

ЛУКАНЪ *(перебивая его).*

Да перестань!

ЛЮЦІЙ *(продолжаетъ).*

„И будешь вѣчно рваться ты
На свѣтъ изъ душной темноты,
Да крышка-то крѣпка!
Но, смертный, знай! твой тщетенъ страхъ,
Вѣдь на твоихъ похоронахъ
Не будешь зритель ты!
Вѣдь вмѣстѣ съ дружеской толпой
Не будешь плакать надъ собой
И класть на гробъ цвѣты;
По смерти сталъ ты внѣ тревогъ,
Ты сталъ загадкою, какъ богъ;
И вдругъ душа твоя,
Какъ радость, встрѣтила покой,
Какого въ жизни нѣтъ земной:
Покой небытія!“
Вѣдь превосходно! Эпиктетомъ
Проникнутъ живо каждый стихъ!
Прошу покорно—вѣрь поэтамъ!
Мечты и вѣрованья ихъ
Подвижнѣй тучекъ золотыхъ!..
Вы всѣ на колоколъ похожи,
Въ который можетъ зазвонить
На площади любой прохожій!
То смерть зоветъ, то хочетъ жить,
То снова къ жизни равнодушенъ...
Задача, право, васъ понять!..

ЛУКАНЪ *(вспыхнувъ).*

Что жъ этимъ хочешь ты сказать?
Что вѣтренъ я и малодушенъ?..

СЕНЕКА *(переставая писать, удерживаетъ Лукана).*

Оставьте споръ! прилично ль вамъ
Безумнымъ посвящать рѣчамъ
Свои послѣднія мгновенья!
Смерть—шагъ великій! *(Къ Люцію)* Вѣрь, мой другъ,
Есть смыслъ въ Платоновомъ ученьи,
Что это—мигъ перерожденья.
Пусть здѣсь убьетъ меня недугъ,
Но, какъ мерцаніе Авроры,
Какъ лилій чистый ѳиміамъ,
Какъ лиръ торжественные хоры,
Иная жизнь насъ встрѣтитъ тамъ!
Въ душѣ, за симъ земнымъ предѣломъ,
Проснутся, выглянутъ на свѣтъ
Иныя чувства роемъ цѣлымъ,
Которымъ ѳргана здѣсь нѣтъ.
Мы—боги, скованные тѣломъ,
И въ этотъ дивный переломъ,
Когда я покидаю землю,
Я прежній образъ свой пріемлю,
Вступая въ небо божествомъ!

ЛЮЦІЙ.

Я спорить не хочу, Сенека!
Но отчего такъ созданъ свѣтъ,
Что, гдѣ хоть два есть человѣка,
И два есть взгляда на предметъ?
Твое, какъ молотъ, сильно слово,
Но убѣждаюсь я въ иномъ...
Существованія другого
Не постигаю я умомъ!
Взгляни на лавры вѣковые:
Ихъ листья, каждый въ свой чередъ,
Перемѣняются что годъ,
Одни спадутъ, взойдутъ другіе,
А лавръ все зеленъ, вѣчно свѣжъ,
И листья будто вѣчно тѣ жъ...
Вотъ такъ и мы: Луканъ, Сенека,
Слуга покорный вашъ—умретъ...
Отпадшій листъ! но заживетъ,
Какъ прежде, племя человѣка!
Иной появится пѣвецъ,
Другіе будутъ жить и вздорить,
Страдать, любить, о томъ же спорить,

О чемъ и мы съ тобой, мудрецъ!..
Но пусть по смерти жить мы будемъ
(Тебѣ готовъ я уступить!)—
А все себя мы не принудимъ
Безъ сожалѣнья кончить жить!
Намъ непріятна перемѣна.
Вотъ что мнѣ кто-то говорилъ:
На островѣ какомъ-то жилъ
Философъ секты Діогена.
Онъ въ бѣдномъ рубищѣ ходилъ,
Спалъ, гдѣ пришлось прилечь къ сараю,
Босой, съ клюкой, нужда кругомъ...
Какимъ ужъ случаемъ, не знаю,
Всему вдругъ вздумалося краю
Его избрать своимъ царемъ.
Что жъ? Царскій пурпуръ одѣвая
И тряпки ветхія скидая,
О нихъ вздохнулъ онъ тяжело
И пожалѣлъ удѣлъ убогій,
Сказавъ: вѣдь было же тепло
Подъ сей циническою тогой!
Не то же ль съ жизнію земной?
Достигши вѣчнаго предѣла,
Жалѣешь бросить это тѣло —
Покровъ убогій и худой!
Ты говоришь, что мы одною
Съ богами жизнью заживемъ?
Да лучше ль намъ? Ну, какъ порою,
Смотря, какъ мы свой вѣкъ ведемъ,
Богини съ грозными богами,
Какъ волки, щелкаютъ зубами!
Смотря, какъ смертный ѣстъ и пьетъ
И съ смертной тѣшится любезной,
Они, быть-можетъ, безполезно
Крѣпясь, облизываютъ ротъ!
Что мнѣ въ ихъ жизни безъ волненій?
Мірами что ли управлять?
Въ нихъ декораціи мѣнять
И, вмѣсто всякихъ развлеченій,
Людьми, какъ шашками, играть
И, какъ актерами плохими,
Отнюдь не увлекаться ими,
Ни скучной пьесой!.. Нѣтъ! Клянусь,
Я въ боги вовсе не гожусь...

ЛУКАНЪ.

Нѣтъ! не страшатъ меня загадки
Того, что будетъ впереди!
Жаль бросить славныхъ дѣлъ начатки,
И все, что билося въ груди,
Что было мнѣ всего дороже,
Чему всю жизнь я посвятилъ!
Мнѣ страшно думать—для чего же
Во мнѣ кипѣло столько силъ?
Зачѣмъ же сила эта крѣпла,
Росла, стремилась къ торжествамъ!
Титанъ, грозившій небесамъ,
Ужели станетъ горстью пепла?
Не можетъ быть! гдѣ жъ смыслъ въ богахъ?
Гдѣ высшій разумъ? Провидѣнье?
Вдругъ человѣка взять въ лѣсахъ,
Возвысить въ мірѣ, дать значенье,
И вдругъ разбить безъ сожалѣнья,
Какъ форму глиняную, въ прахъ!..
Ужели съ даромъ пѣсенъ лира
Была случайно мнѣ дана?
Нѣтъ, въ ней была заключена
Одна изъ силъ разумныхъ міра!
Народовъ мысли образъ дать,
Ихъ чувству—слово громовое,
Вселенной душу обнимать
И говорить за все живое—
Вотъ мой удѣлъ! вотъ власть моя!
Когда для правды безпріютной,
Въ сердцахъ людей мелькавшей смутно,
Скую изъ слова образъ я,
И тутъ враговъ слѣпая стая
Его подхватитъ, злясь и лая,
Какъ псы обглоданную кость,—
Все, что отвергнуто толпою,
Все веселилося со мною,
Смотря на жалкую ихъ злость!..
А злоба мрачныхъ изувѣровъ,
Ханжей, фигляровъ, лицемѣровъ,
Съ которыхъ маски я сбивалъ?
Дитя—ихъ мучилъ и пугалъ!
Столповъ отечества заставить
Я могъ капризамъ льстить моимъ

Тѣмъ, что я ихъ стихомъ однимъ
Могъ вознести иль обезславить!
Съ Нерономъ спорить я дерзалъ,
А кто же спорить могъ съ Нерономъ?
Онъ ногти грызъ, онъ двигалъ тономъ,
Когда я вслѣдъ за нимъ читалъ,
И въ залѣ ропотъ пробѣгалъ...
Что жъ? не былъ я его сильнѣе,
Когда, *не властвуя собой*,
Онъ опрокинулъ тронъ ногой
И вышелъ полотна бѣлѣе?
Вотъ жизнь моя! и что жъ? ужель
Вдругъ умереть? и это—цѣль
Трудовъ, великихъ начинаній!..
Побѣдный лавръ, вѣнецъ желаній!..
О, боги! нѣтъ! не можетъ быть!
Нѣтъ! жить, я чувствую, я буду!
Хоть чудомъ—о, я вѣрю чуду! —
Но долженъ я и буду жить!

(Входитъ центуріонъ со свиткомъ въ рукѣ).

ЛЮЦІЙ *(указывая на центуріона).*

Вотъ и спаситель! Ну! покуда
Тутъ нѣтъ еще большого чуда.

(Къ центуріону)

Какія новости?

ЦЕНТУРІОНЪ *(подавая ему свитокъ).*

Декретъ
Сената.

ЛЮЦІЙ.

Други! шлетъ привѣтъ
Сенатъ къ намъ! уваженье къ власти!

ЛУКАНЪ.

Читай!

ЛЮЦІЙ.

Стой! кто рѣшитъ впередъ —
Жизнь или смерть? закладъ идетъ?

ЛУКАНЪ.

Я бъ разорвалъ тебя на части
За эти шутки!

(Вырываетъ свитокъ и читаетъ декретъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что Цезарь, въ не-

изреченной милости своей, избавляетъ ихъ отъ позорной казни, даруетъ имъ право выбрать родъ смерти и самимъ лишить себя жизни; сроку до полуночи. Центуріонъ обязанъ наблюсти за исполненіемъ декрета и о послѣдующемъ донести).

ЛЮЦІЙ.

Недуренъ слогъ. Писать умѣютъ.

ЛУКАНЪ.

Злодѣи! изверги!

ЛЮЦІЙ.

Притомъ
Приличье тонко разумѣютъ, —
Что одолжаться палачомъ
Неблагородно человѣку... *(Къ центуріону)*
Но что ты смотришь на Сенеку?

ЛУКАНЪ.

Ты тронутъ! ты потупилъ взглядъ!
Въ твоемъ лицѣ слѣды смущенья!
О, вѣрь мнѣ, то боговъ внушенье!
Спаси намъ жизнь! благословятъ
Тебя народы! Предъ тобою
Мудрецъ съ маститой сѣдиною.
Онъ чистъ, какъ дѣва, какъ Сократъ!

ЦЕНТУРІОНЪ.

Мой долгъ...

ЛУКАНЪ.

Твой долгъ! а жить безъ славы!
Для дикой прихоти губя
Людей, отечество, себя,
Прожить слѣпцомъ въ грязи кровавой!
О, если долгъ въ твоей груди
Не все убилъ, то отведи
Меня въ Сенатъ! Какъ съ поля битвы
Предъ смертью ратнику, сказать
Дай мнѣ послѣднія молитвы!
Дай мнѣ предъ смертью завѣщать
Безъ лжи, передъ лицомъ вселенной,
Все, что привыкъ я неизмѣнной,
Святою истиной считать!

(Центуріонъ, не обращая вниманія на Лу-

кана, удаляется въ глубину комнаты. Луканъ продолжаетъ въ сильномъ волненіи).

Я имъ скажу — въ нихъ чести нѣтъ!
Въ нихъ умъ какой-то мглой одѣтъ!
Для нихъ отечество и слава —
Рѣчей напыщенныхъ приправа!
Величіе народа въ томъ,
Что̀ носитъ въ сердцѣ онъ своемъ;
Убивъ въ немъ доблести величье,
Заставивъ въ играхъ и пирахъ
Забыть добра и зла различье,
Въ сердца вселяя только страхъ,
Отъ правды казнью ограждался
И предъ рабами величался,
Они мечтаютъ навсегда
Избѣгнуть кары и суда...
Я имъ скажу: готовятъ сами
Свой приговоръ себѣ они!
Что, упоенные льстецами
И мысля въ мірѣ жить одни,
Себѣ статуи воздвигаютъ,
Какъ божества, на площадяхъ...
Но вѣкъ ихъ минетъ: разломаютъ,
Съ проклятіемъ растопчутъ въ прахъ
Отцовъ статуи ихъ же дѣти!
Дѣтей проклятій рядъ столѣтій
Не сниметъ съ головы отцовъ...

СЕНЕКА.

Луканъ! оставь, оставь слѣпцовъ!

ЛЮЦІЙ.

Пришла жъ охота на циклоповъ,
На двуутробокъ и сорокъ
Взглянуть предъ смертью! взять урокъ
У нихъ дилеммъ, фигуръ и троповъ!

ЛУКАНЪ.

Но, какъ безъ боя все отдать!..
Хотя бъ къ народу мнѣ воззвать!
Пѣвецъ у Рима умираетъ!
Сенека гибнетъ! и народъ
Молчитъ!.. Но нѣтъ, народъ не знаетъ!
Народу милъ и дорогъ тотъ,
Кто спать въ немъ мысли не даетъ!

ЛЮЦІЙ.

Да, милъ, какъ бабочка ночная,
Покуда крыльевъ не ожжетъ,
Черезъ огонь перелетая...
Народъ твой первый же потомъ
И назоветъ тебя глупцомъ.

ЛУКАНЪ *(закрывъ лицо руками).*

Но Цезарь!.. мы вѣдь съ нимъ когда-то
Росли, играли, какъ два брата!
Онъ вспомнитъ время дѣтскихъ игръ
И приговоръ свой остановитъ...
Въ немъ сердце есть... вѣдь онъ не тигръ...
Римъ часто по̀пусту злословитъ...
Что̀ я ему, мои мечты
Да пѣсни — всѣ мои заботы!..

ЛЮЦІЙ.

Мой бѣдный мальчикъ, съ жизнью счеты
Еще не кончилъ, видно, ты!
(Одинъ изъ учениковъ Сенеки входитъ въ комнату. Съ нимъ рабъ. Онъ говоритъ шопотомъ).

УЧЕНИКЪ.

Друзья, — чуръ тише, — я съ надеждой!

ЛУКАНЪ.

Прощенье?..

УЧЕНИКЪ.

Въ домѣ выходъ есть:
Со мной двѣ женскія одежды.
Пробраться къ Тибру, въ лодку сѣсть,
И въ Остію! Бѣги съ Луканомъ,
А я останусь здѣсь съ рабомъ.
Луканъ съ нимъ сходенъ видомъ, станомъ,
Я сѣдъ, гляжу ужъ старикомъ...
Бѣгите! время есть до срока.
И вы ужъ будете далеко,
Какъ насъ найдутъ здѣсь поутру.

ЛУКАНЪ.

Я говорилъ, что не умру!

СЕНЕКА.

Бѣги, Луканъ! Мнѣ съ сѣдиною
Нейдетъ ужъ бѣгать отъ враговъ.

ЛЮЦІЙ.

А жаль! Я бъ посмотрѣлъ, каковъ
Ты въ юбкѣ!..

УЧЕНИКЪ.

Гибель предъ тобою!
Смерть въ каждомъ домѣ! Цѣлый Римъ —
Что циркъ. Людей травятъ звѣрями.
Постумъ убитъ рабомъ своимъ;
Пизонъ вскрылъ жилы; подъ досками
Раздавленъ Кай. Чего жъ вамъ ждать?

СЕНЕКА.

Мой другъ, не дважды умирать!
Разъ — это праздникъ!

УЧЕНИКЪ.

Но съ тобой
Погибнетъ все! ты много намъ
Не досказалъ!

СЕНЕКА.

Найдешь и самъ
Все, что осталося за мною;
Лишь мысли, истину любя.

ЛУКАНЪ.

Учитель! я молю тебя!

УЧЕНИКЪ.

Вѣдь ты послѣдняя лампада
Во мракѣ лжи!

СЕНЕКА.

Оставь меня.
Ни просьбъ ни лести мнѣ не надо.
Вѣрь, каждый шагъ свой знаю я!

УЧЕНИКЪ.

Я это зналъ... я зналъ тебя!
О, горе! что же будетъ съ нами!..
Жить въ мракѣ, плача и скорбя,
Что свѣтъ мелькнулъ передъ глазами
И скрылся!.. Ты душой высокъ!
Ты недоступенъ намъ, Сенека!
Ахъ! правда! въ сердцѣ человѣка
Есть нѣчто высшее, есть богъ!..
Сейчасъ я видѣлъ, и смущеньемъ

Я пораженъ, какъ мальчикъ, былъ...
Я черезъ форумъ проходилъ.
Съ какимъ-то дикимъ изумленьемъ
Народъ носилки окружилъ.
Въ носилкахъ трупъ Эпихариды...
(Подъ видомъ праздниковъ Киприды
Низонъ друзей сбиралъ къ ней въ домъ).
Вчера она подъ колесомъ
Въ жестокихъ мукахъ не винилась
И никого не предала!..
Трещали кости, кровь текла...
Въ носилкахъ петлю изловчилась
Связать платкомъ и удавилась.
Воскликнулъ самъ центуріонъ:
„Въ рабынь вселился духъ Катоновъ!“
А Римъ? Сенатъ? весь обращенъ
Иль въ палачей, или въ шпіоновъ!

ЛУКАНЪ.

Эпихарида!

УЧЕНИКЪ.

Да, она—
Душа безумныхъ сатурналій!

ЛУКАНЪ.

И ты хотѣлъ, чтобъ мы бѣжали!

ЛЮЦІЙ.

Бываютъ, точно, времена
Совсѣмъ особеннаго свойства.
Себя не трудно умертвить,
Но, жизнь понявъ, остаться жить—
Клянусь, не малое геройство!

ЛУКАНЪ.

И смерть въ ея рукахъ была
Для цѣлой половины Рима,
И никого не предала!
А жить бы въ золотѣ могла!
На площадяхъ боготворима
Въ мѣди бъ и въ мраморѣ была,
Какъ мать отечества!.. О, боги!
Сенека! и взглянуть стыжусь
На образъ твой, какъ совѣсть, строгій!
Да развѣ могъ я жить, какъ трусъ?
Нѣтъ, нѣтъ! Клянусь, меня не станутъ

Геройствомъ женщинъ упрекать!
Послѣднихъ римлянъ въ насъ помянуть!
Ну, Римъ! тебѣ волчица мать
Была! я вѣрю... въ сказкѣ древней
Есть правда... Ликторъ! я готовъ...
Я здѣсь чужой въ гнилой харчевнѣ
Убійцъ наемныхъ и воровъ!
Смерть тяжела лишь для рабовъ!
Намъ—въ ней тріумфъ.

(Обнимаетъ Сенеку и друзей и говоритъ, поднявъ глаза къ небу)

О, боги! боги!
Вы обнажили предо мной
Видѣнья древности сѣдой
И Олимпійскіе чертоги.
Затѣмъ, чтобъ стихъ могучій мой
Ихъ смертнымъ былъ провозвѣщатель!..
Теперь стою я, какъ ваятель
Въ своей великой мастерской.
Передо мной—какъ исполины
Недовершенныя мечты,
Какъ мраморъ, ждутъ онѣ единой
Для жизни творческой черты...
Простите жъ, пышныя мечтанья!
Осуществить я васъ не могъ!...
О, умираю я, какъ богъ
Средь начатого мірозданья!

(Луканъ, обнявъ Сенеку и Лукія, уходитъ, сопровождаемый ликторами).

СЕНЕКА *(хочетъ за нимъ слѣдовать, но останавливается на движеніе бросившихся къ нему учениковъ и, проведя рукою по челу, говоритъ тихо и торжественно).*

Одну имѣлъ я въ жизни цѣль,
И къ ней я шелъ тропой тяжелой.
Вся жизнь моя была досель
Нравоучительною школой;
И смерть есть новый въ ней урокъ,
Есть буква новая средь вѣчной
И дивной азбуки, залогъ
Науки высшей, безконечной!
Творецъ мнѣ разумъ строгій далъ,

Чтобъ я вселенную извѣдалъ
И, что въ себѣ и въ ней позналъ,
Въ науку бъ позднимъ внукамъ предалъ;
Послалъ онъ ввстрѣчу злобу мнѣ,
Развратъ чудовищный и гнусный,
Чтобъ я, какъ дубъ на вышинѣ,
Средь бурь окрѣпъ въ борьбѣ искусной,
Чтобъ въ массѣ подвиговъ и дѣлъ
Я образъ свой напечатлѣлъ...
Я все свершилъ. Мой образъ вылитъ.
Еще рѣзца послѣдній взмахъ,
И гордо встанетъ онъ въ вѣкахъ.
Рѣзецъ не дрогнетъ. Не осилить
Мнѣ руку страхъ. Здѣсь путь свершенъ,
Но духъ мой, жизнію земною
Усовершенъ и умудренъ,
Вступаетъ въ вѣчность... Предо мною
Открыта дверь, и вижу я
Зарю иного бытія...

(Друзья съ воплями обнимаютъ колѣна философа. Смотря на нихъ, онъ продолжаетъ)

Жизнь хороша, когда мы въ мірѣ
Необходимое звено,
Со всѣмъ живущимъ заодно;
Когда не лишній я на пирѣ;
Когда, идя съ народомъ въ храмъ,
Я съ нимъ молюсь однимъ богамъ...
Когда жъ толпа, съ тобою розно
Себѣ воздвигнувъ божество,
Слѣдитъ съ какой-то злобой грозной
Движенья сердца твоего;
Когда указываетъ пальцемъ,
Тебя завидѣвъ далеко,—
О, жить отверженнымъ скитальцемъ,
Друзья, повѣрьте, нелегко:
Остатки лучшихъ поколѣній,
Съ ихъ древней доблестью въ груди,
Проходимъ мертвые, какъ тѣни,
Мы, какъ шуты на площади!
И незамѣтно вѣтеръ крѣпкій
Потопитъ насъ среди зыбей,
Какъ обезмысленныя щепки
Побѣдоносныхъ кораблей...

Нашъ вѣкъ прошелъ. Пора намъ, братья!
Иные люди въ міръ пришли;
Иныя чувства и понятья
Они съ собою принесли...
Быть-можетъ, вѣруя упорно
Въ преданья юности своей,
Мы ледянимъ, какъ вихрь тлетворный,
Жизнь обновленную людей.
Быть-можетъ... истина не съ нами!
Нашъ умъ ея уже нейметъ
И ослабѣвшими очами
Глядитъ назадъ, а не впередъ,
И свѣта истины не видитъ,
И вопіетъ: „спасенья нѣтъ!“
И, можетъ-быть, иной прійдетъ
И скажетъ людямъ: „вотъ гдѣ свѣтъ!“
Нѣтъ! намъ пора!.. Открой мнѣ жилы!..
О, величайшее изъ благъ-
Смерть! Ты теперь въ моихъ рукахъ!..
Сократъ! учитель мой! другъ милый!
Къ тебѣ иду!..

(Уходитъ, сопровождаемый учениками).

ЛЮЦІЙ.

Ты кончилъ хорошо, Сенека!
И славно выдержалъ!.. Ну, вотъ—
Героемъ меньше!.. Злость беретъ,
Какъ поглядишь на человѣка!
Что жъ изъ того, что умеръ ты?
Что духомъ до конца не падалъ?
Для болтовни, для клеветы
Ты Риму разговоровъ задалъ
Дня на два! Вотъ и подвигъ твой!

(Смотритъ въ окно на небо и дальнія горы).

Какъ тамъ спокойно! Горы ясны...
Вотъ такъ и боги безучастно
Съ небесъ глядятъ на родъ людской!
Да что и видѣть?..

(Оглядывается въ комнату).

Здѣсь ужасно
И жить, не только умирать!
А жить осталося немного...
Что жъ пользы Немезидѣ строгой
Часъ лишній даромъ отдавать?

Для дѣлъ великихъ отдыхъ нуженъ,
Веселый духъ и добрый ужинъ...
По смерти слава намъ не въ прокъ!
И что за счастье, что когда-то
Укажетъ риторъ бородатый
Въ тебѣ для школьниковъ урокъ!..
До тайнъ грядущихъ нѣтъ мнѣ дѣла!
И, здѣсь ли кончу я свой вѣкъ,
Иль будетъ жить душа безъ тѣла,
Все буду я—не человѣкъ!..
Ну, а теперь, пока я въ силѣ,
Съ почтеньемъ отпустить могу
Я тѣло—стараго слугу...
Эй, рабъ!

(Входитъ рабъ).

ЛЮЦІЙ.

Въ моей приморской виллѣ
Мнѣ лучшій ужинъ снаряди,
Въ амфитеатрѣ, подъ горами.
Мнѣ ложе убери цвѣтами;
Балетъ вакханокъ приведи,
Хоръ фавновъ... лиры и тимпаны...
Да хоръ не такъ, какъ въ прошлый разъ:
Пискунъ какой-то—первый басъ!..
Въ саду открой вездѣ фонтаны;
Вотъ ключъ—тамъ, въ дальней кладовой
Есть кубки съ греческой рѣзьбой;
Достань. Да разошли проворно
Рабовъ созвать друзей... Пускай
Кто живъ, тотъ и придетъ. Ступай
Къ Марцеллу самъ. Проси покорно,
Хранится у него давно
Гораціанское вино.
Скажи, что господинъ твой молитъ
Не отказать ему ни въ чемъ,
Что нынче—умирать изволитъ!
Ну, все... ты вѣрнымъ былъ рабомъ
И не забытъ въ моей духовной.

(Рабъ упадаетъ къ его ногамъ).

Да не торгуйся, не скупись,
Чтобъ ужинъ вышелъ баснословный!..
Да! главное забылъ... Стучись
Въ палаты Пирры беззаботной!

Снеси цвѣтовъ корзины ей,
И пусть, смѣяся безотчетно,
Она ко мнѣ, весны свѣтлѣй,
На ужинъ явится скорѣй.

(Рабъ уходитъ).

И на колѣняхъ дѣвы милой,
Я съ напряженной жизни силой
Въ послѣдній разъ упьюсь душой
Дыханьемъ травъ и моремъ спящимъ,
И солнцемъ, въ волны заходящимъ,
И Пирры ясной красотой!..
Когда жъ пресыщусь до избытка,
Она смертельнаго напитка,
Умильно улыбаясь, мнѣ,
Сама не зная, дастъ въ винѣ,
И я умру, шутя, чуть слышно,
Какъ истый мудрый сибаритъ,
Который, трапезою пышной
Насытивъ тонкій аппетитъ,
Средь ароматовъ мирно спитъ.

1852.

V.

СМЕРТЬ ЛЮЦІЯ.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ЛИРИЧЕСКОЙ ДРАМЫ

ТРИ СМЕРТИ.

(Посвящается Николаю Аполлоновичу Майкову).

Первая часть этой поэмы была написана мною одиннадцать лѣтъ тому назадъ и еще тогда распространилась въ рукописи подъ разными названіями. Въ однихъ спискахъ ее озаглавили: „Выборъ смерти“, въ другихъ: „Три смерти“. Авторъ же имѣлъ въ виду одну поэму въ двухъ частяхъ, съ названіемъ: „Смерть Люція“. Вторая часть не удавалась мнѣ, и я оставилъ ее совсѣмъ, а первую часть напечаталъ съ однимъ изъ помянутыхъ названій. Осенью 1861 года принялся я опять за оставленную идею, и теперь представляю свой трудъ на судъ читателя въ томъ видѣ, какъ онъ былъ задуманъ, хотя, конечно, въ этой второй части сказалось многое такое изъ прожитаго авторомъ, что̀ дается только жизнію и опытомъ.

Дѣйствіе въ палатахъ Люція, на одномъ изъ холмовъ Рима.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Давусъ, дворецкій Люція, и Ювеналъ (около 25 лѣтъ).

ДАВУСЪ.

Я двадцать лѣтъ ему служу.
Весь домъ на мнѣ лежитъ. Слѣжу
За управленіемъ помѣстій:
Вѣдь за сто тысячъ тамъ рабовъ!
Однѣхъ цѣпей для этихъ бестій
Что̀ надо!.. Да корми скотовъ!
Къ тому жъ я славный чтецъ стиховъ,
Читаю, какъ никто, Гомера!..

Тебѣ не надобно примѣра,
Ты знаешь!.. Ну, и онъ цѣнилъ
Меня всегда, да вдругъ облаялъ
Передъ концомъ-то! Такъ честилъ,
Какъ не слыхалъ я и не чаялъ!
„Ты, говоритъ, такой, сякой,
И плутъ, и съ рабскою душой!
Прощаться созвалъ мнѣ полъ-Рима!
Льстецовъ, обжоръ, шпіона, мима!
Я разумѣлъ однихъ друзей!“
Друзей!.. Да гдѣ ихъ взять? Вотъ Кней
Сервилій просто отозвался,
Что не слыхалъ онъ отродясь,
Кто этотъ Люцій, а у насъ
Почти что день, то обжирался!
Теперь друзей-то къ намъ позвать—
Ихъ, значитъ, просто выдавать.
Схватился самъ—быть плоху дѣлу,
Отказъ послалъ къ тебѣ, къ Марцеллу
И Тациту.

ЮВЕНАЛЪ.

Я не уйду!
Другого Люція межъ нами,
Я знаю, ввѣкъ я не найду!

ДАВУСЪ.

Онъ добръ-то, добръ! На что съ рабами—
Вѣдь онъ не знаетъ ихъ! Горстями
Имъ сыплетъ золото!.. Я жду
Всегда бѣды! И такъ ужъ двое
Хотѣли разъ его убить!
Самъ чуть отбился, а ловить
Не приказалъ! „Оставь въ покоѣ
Ихъ, говоритъ: въ другой ужъ разъ
У нихъ рука бъ не поднялась...“
Да я сыщу мерзавцевъ! Право,
И то сказать, теперь расправа!
Казнятъ, казнятъ людей у насъ,
Да все казнятъ-то изъ-за вздора...
А для мошенника и вора
Просторъ: изволь себѣ гулять!

(Входитъ Люцій).

ЛЮЦІЙ *(къ Давусу)*.

Когда готово, мнѣ сказать!

(Давусъ уходитъ).

ЛЮЦІЙ *(къ Ювеналу)*.

Ну, милый мой! Теперь сатирѣ
Никто, какъ я, конечно, въ мірѣ
Такой не можетъ пищи дать!
Мудрецъ, почти-что съ сѣдиною,
Со всеобъемлющей душою,
Вдругъ размечтался, какъ дитя,
И думалъ умереть шутя!
Увы! всю жизнь съ толпою шумной,
Слѣпцами, носимся безумно
Вкругъ сфинкса мы, покуда „стой!“
Не прогремитъ надъ головой.
Тутъ на чудовище и взглянешь —
Кровь хлынетъ къ сердцу, камнемъ станешь;
Его глаза блеснутъ огнемъ,
И только тутъ, передъ концомъ,
Когда спускается завѣса,
Поймешь, къ чему клонилась пьеса!

ЮВЕНАЛЪ.

Въ какое время мы живемъ!

ЛЮЦІЙ.

Мы вѣчно что-нибудь клянемъ,
Философъ—роскошь, рабъ—неволю;
Гдѣ ни послушай, тотъ же стонъ.
У всѣхъ народовъ и племенъ
Про вѣкъ, имъ выпавшій на долю,
Что хуже не было временъ!
Мы повторяемъ пѣсню ту же.
Но ты подумалъ ли хоть разъ,
Что въ нашей жизни губитъ насъ,
Чѣмъ намъ-то вѣкъ достался хуже?..
Ты молодъ. Сила есть въ тебѣ,
Ты жаждешь въ честной стать борьбѣ,
Готовъ рвануться первый въ пламя,
Бѣжишь къ вождямъ, бѣжишь къ жрецамъ,
Бѣжишь подъ древнее ихъ знамя,
И просишь: дѣла дайте намъ!
И что жъ въ отвѣтъ на рвенье наше?
Ни вождь въ свой долгъ, ни жрецъ въ боговъ

Давно не вѣрять!
Средь пировъ
Я часто съ поднятою чашей
Стоялъ и словъ не находилъ,
Чтобы придумать тостъ разумный!
А тостъ разумный на пирахъ—
То знамя, поднятое шумно,
То мысль, прочтенная въ сердцахъ!
Когда-то тоже легіоны
Водилъ я наши... Тамъ тевтоны,
Которымъ дѣла нѣтъ до насъ,
Какъ намъ до нихъ, съ другимъ народомъ
Столкнулись какъ-то мимоходомъ:
Я посланъ былъ... И что жъ? Рубясь
Въ лѣсахъ, по страшнымъ переходамъ
Людей теряя и губя,—
Изъ-за чего? Вѣдь сумасбродомъ,
Клянуся, я считалъ себя!—
Тріумфа послѣ удостоенъ!
Цвѣты на консульскомъ пути!
И въ Капитолій, храбрый воинъ,
Героемъ долженъ былъ войти!
Хорошъ герой!.. И принимали
Меня наборомъ громкихъ фразъ
Въ сенатѣ, чуть-что не смѣясь...
Мы всѣ другъ друга понимали!
Всѣ въ свой чередъ тріумфовали!
Когда-то тоже „Римъ спасли“
Тѣмъ, что до моря добрели
И въ морѣ раковинъ набрали!..
Что жъ было дѣлать мнѣ? Слѣпцомъ
Итти съ общественнымъ потокомъ?
Что зломъ зовутъ, звать тоже зломъ?
Что всѣ кругомъ зовутъ порокомъ,
Порокомъ звать, хотя бы въ томъ
Ты видѣлъ честь?.. Весь вѣкъ лукавить,
И, вмѣсто праведной хулы,
Безумство, ложь хвалить и славить,
Сбирая дань съ своей хвалы?
И ужъ зажить сатрапомъ! Счастье
Въ тупомъ лишь видѣть сладострастьѣ?..
Съ Кипридой кончивши потомъ,
Ужъ добивать остатокъ смысла,
Всѣмъ погрузившись существомъ

Въ астрологическія числа?
Наполнить магами свой домъ,
Ходить къ оракуламъ, къ сивилламъ,
И все, въ чемъ толку больше нѣтъ,
Что̀ гнить должно бы по могиламъ,
Опять вытаскивать на свѣтъ?
Но въ этой мглѣ заснуть не можетъ
Покорно тотъ, хоть бы хотѣлъ,
Чей умъ и сердце вѣчно гложетъ
Святая жажда славныхъ дѣлъ!
Заснешь и вскочишь вдругъ въ потемкахъ...
„Нашелъ, нашелъ!“—воскликнешь вдругъ,
Свѣчу зажжешь,—и что̀ же вкругъ?
Опять стоишь ты на обломкахъ!
Сверкнувшей правды грустный свѣтъ
Лишь говоритъ тебѣ съ тоскою,
Что въ роли, созданной тобою,
Ни нужды нѣтъ, ни смыслу нѣтъ!..
Потомъ все рѣже эти бури,
Но и сквозь броню мудреца
Тебя бичи незримыхъ фурій
Язвить все будутъ до конца!
И чуть душой порой воспрянешь,
Чуть оживишься ты на мигъ,
Въ груди услышишь тотъ же крикъ:
„И, полно, милый, не обманешь!..“

ЮВЕНАЛЪ.

Ахъ, Люцій! Ты, ты все постигъ!
Ты мнѣ казался полубогомъ
Всегда, въ которомъ всѣ вѣка
Слились блистательнымъ итогомъ!
И на тебѣ лежитъ рука
Какой-то все мертвящей силы!
Но что̀ же сдѣлаетъ поэтъ
Въ такое время? Сколько лѣтъ
Я декламирую въ честь Силлы,
Кидаю громы въ Карѳагенъ
И утѣшаю Поликсенъ
И Андромахъ, межъ тѣмъ какъ ядомъ
Душа полна, и желчь кипитъ,
А за тобой межъ тѣмъ слѣдитъ
Шіонъ своимъ змѣинымъ взглядомъ!..
О, лебедь Мантуи! И онъ,

Пѣвецъ Тибура вдохновенный!
Какъ часто, ими умиленный,
Я плакалъ, тихо потрясенъ
Одной гармоніей пѣвучей
Стиховъ ихъ сладостныхъ! Весной
Въ нихъ вѣетъ юностью кипучей!
Все, даже скорбь, звучитъ могучей
Весенней бурей золотой!..
И подлѣ нихъ моя сатира
Мнѣ ненавистна и гадка,
Какъ крикъ всполоха въ шумѣ пира,
Какъ ропотъ злого старика!

ЛЮЦІЙ.

Да, жаль мнѣ васъ! На вашу лиру
Изъ міра нечему пахнуть,
Чтобы аккордомъ звучнымъ міру
Ей отозвался какъ-нибудь!
У дикихъ скиѳовъ и тевтоновъ
Видалъ ночные я пиры.
Среди глухихъ лѣсныхъ притоновъ
Зажгутъ они свои костры,
Въ кругу усядутся въ долинѣ
И пьютъ меды, а посредине
Поетъ пѣвецъ. Напѣвъ ихъ дикъ,
Для насъ, пожалуй, непріятенъ,
Но какъ могучъ простой языкъ!
Какъ жестъ торжественъ и понятенъ!
И кто тамъ больше былъ поэтъ:
Пѣвецъ, иль слушатели сами?
Но этотъ лѣсъ и ночь съ кострами,
И между листьевъ лунный свѣтъ,
И въ лихорадочной тревогѣ
Кругомъ косматый этотъ людъ,—
Все, даже самые ихъ боги,
Что въ вихряхъ мчатся, тоже тутъ,
Съ высотъ внимаютъ; все дышало
Въ тѣхъ пѣсняхъ пламенныхъ... Но въ нихъ
Пѣвецъ вливалъ въ свой звучный стихъ
То, что толпа ему давала!..
А мы? Куда насъ повлекутъ,
И что намъ слушатели скажутъ?
Какія цѣли намъ укажутъ?
И въ наши пѣсни что вольютъ?

ЮВЕНАЛЪ.

И Римъ такой же былъ когда-то!
Такая жъ пѣснь и въ немъ жила!
Онъ пѣлъ Виргинію, дѣла
Коріолана, Цинцината!
Ахъ, эти пѣсни! Гдѣ онѣ?
Ужель въ надутой болтовнѣ
Теперь у Ливія бъ узнали
Ихъ наши бабки, что пѣвали
Ихъ съ вѣчной прялкою своей,
Иль старики среди дѣтей
Подъ тѣнью Ромулова вяза?
Ты любишь грековъ, Люцій! Самъ
Ты полу-грекъ: отъ нихъ зараза,
Отъ нихъ погибель вышла къ намъ!

ЛЮЦІЙ.

Нашъ вѣчный споръ!

ЮВЕНАЛЪ.

Нѣтъ, онъ рѣшится!
Я душу грековъ обнажу!
Въ комъ римскій духъ еще таится,
Я кликну кличъ, я разбужу!
Онъ содрогнется, онъ проснется...

ЛЮЦІЙ.

Да къ чечевицѣ и вернется!
Мы вѣкъ за предками брели,
Давно забывъ, куда пошли,
Съ пути сбивались понемногу
И потеряли ужъ дорогу!
Найди ее! Кричи vivat!
Встань поперекъ теченья смѣло,
И, если ты вернешь назадъ
Необозримый водопадъ,
Герой, ты выиграешь дѣло!..
О, юность!.. Впрочемъ, выступай
На подвигъ! Если вѣришь,—благо!
Одно лишь помни, другъ, и знай:
Сатиры гордая отвага
Тогда лишь будетъ не мертва,
Когда ты самъ стоишь высоко!

Стрѣла тогда лишь бьетъ далеко,
Когда здорова тетива...

(Появляется Давусъ).

Но вотъ мой Давусъ. Все готово!
Прощай, мой другъ. Къ моимъ гостямъ
Ты не ходи... Пускай я самъ
Плачу за вѣтреное слово!..
Друзей тамъ тщетно бъ ты искалъ!
Луканъ, Пизонъ, Сенека—пали!
Марцеллъ и Тацитъ... я послалъ
Сказать, чтобъ тѣ не рисковали...
Кого же Давусъ мой созвалъ,—
Толпы ханжей, льстецовъ, шпіоновъ,
Весь этотъ гнусный дворъ Нероновъ...
Ты между нихъ не долженъ быть!
Мнѣ невозможно отступить.
Хоть дорожа родствомъ Катоновъ—
Пойду на зрѣлище я къ нимъ...
Что̀ дѣлать! Эти люди—Римъ!

ЮВЕНАЛЪ.

О, Люцій!

ЛЮЦІЙ.

Нѣтъ, уйди, прощай.
Я требую!.. *(Обнимаетъ его и уходитъ).*

ЮВЕНАЛЪ *(уходя).*

O tempora, o mores!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ПИРЪ ВЪ БРУТОВОЙ ЗАЛѢ *).

Великолѣпно убранная зала: главная въ ней статуя, по правую сторону, огромнаго размѣра, на высокомъ бронзовомъ пьедесталѣ, изображаетъ Брута; множество другихъ, меньшаго размѣра, около стѣнъ. По серединѣ залы роскошно накрытый столъ, съ ложами вокругъ. Высокіе канделябры на столѣ и на полу, вокругъ стола. Все золото, се-

*) *Брутова зала.* Въ большихъ дворцахъ у древнихъ залы иногда назывались по имени главной статуи: зала Аполлона, Лаокоона и пр. Эта статуя была обыкновенно больше всѣхъ и помѣщалась на самомъ видномъ мѣстѣ, на высокомъ пьедесталѣ, смотря по вышинѣ залы.

слоновая кость. Прямо, противъ зрителя, большая арка въ садъ, ны верхи кипарисовъ, небо, море, луна. Направо большая ниша, устроенная въ утесѣ, къ которому прислоненъ домъ.

(Гости прохаживаются по залу. Въ одной группѣ: два ритора и нѣсколько молодыхъ патріотовъ, между ними всадникъ (eques romanus) въ блестящемъ костюмѣ, нѣсколько сенаторовъ и проч. Они осматриваютъ статуи и картины).

1-й РИТОРЪ.

Ну, домикъ! Да! Изъ всѣхъ угловъ
Глядятъ мильоны! Эка сила!..
Взять серебро съ однихъ столовъ,
И былъ бы домъ, была бы вилла!
Вотъ этотъ маленькій божокъ—
Вѣдь въ немъ помѣстье!.. Да, знатокъ
Нашъ Люцій, чуть ли не единый
Изъ кровныхъ римскихъ-то волчатъ,
Кому такъ впрокъ пошли Аѳины!

2-й РИТОРЪ.

Оставь, любезный, ты картины
И статуи: ихъ не ѣдятъ!
Вотъ въ кухняхъ—тамъ чудесъ собранье!
Тамъ все, какъ есть, естествознанье!
Одни ужъ запахи кричатъ
Тебѣ за милю: „Стой, прохожій!“

1-й РИТОРЪ.

Жаль, какъ ни лѣзь себѣ изъ кожи,
Все съѣшь за одного!

ВСАДНИКЪ.

Ну, да!
Два пальца въ ротъ, и вся бѣда!

(Входитъ Харидемъ, важная фигура, въ пышной тогѣ. Борода и длинные волосы мелко завиты. Съ нимъ ученики. Риторы бросаются къ нему навстрѣчу, припадаютъ къ груди его и цѣлуютъ. На авансценѣ провинціальный преторъ и квесторъ).

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

Кто этотъ мужъ? Глядитъ Платономъ!

КВЕСТОРЪ.

Да, милый, риторы къ нему
Не даромъ кинулись съ поклономъ.
Пророчатъ всѣ теперь ему
Сенеки мѣсто... Это славный
Философъ Харидемъ! Недавно
Его трактатъ „Безсмертье душъ“
Надѣлалъ шуму. Важный мужъ!
Мудрецъ по знаньямъ и на дѣлѣ!
Всю ночь съ лампадою сидитъ;
Не знаетъ сна онъ и постели,
И домъ его для всѣхъ открытъ.

(Входитъ, ведомый подъ руку двумя рабами, старый проконсулъ Публій, безъ бороды, черепъ голый. Съ нимъ нѣсколько кліентовъ. Молодые патриціи, сенаторы бросаются къ нему навстрѣчу, припадаютъ на грудь и цѣлуютъ).

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

А! Публій!.. Этого мы знаемъ
И всѣмъ народомъ поминаемъ!
Весь край, злодѣй, въ пять лѣтъ, совсѣмъ
Какъ губку, выжалъ!

КВЕСТОРЪ.

Мастеръ дѣла!

ПУБЛІЙ *(увидя Харидема).*

Великомудрый Харидемъ! *(Идетъ къ нему).*

ХАРИДЕМЪ *(предупреждая его).*

Здоровье?

ПУБЛІЙ.

Старость одолѣла!
Вотъ всю недѣлю плохо ѣмъ!
А ты, ты все съ учениками?

ХАРИДЕМЪ *(важно).*

Моя обязанность! Предъ нами
Сегодня жъ, тутъ, произойдетъ
Души торжественный излетъ
Изъ тѣла...

ПУБЛІЙ *(вдругъ вспомнивъ).*

Да! Вѣдь онъ умретъ!..

Ты что-нибудь при этомъ скажешь?
Послушаемъ! Я радъ! Я радъ!..
Что молодежь-то? А? Развратъ?

ХАРИДЕМЪ.

Каковъ наставникъ! Что укажешь!..

ПУБЛІЙ *(не слушая его, ко входящему другому старому проконсулу).*

А ты откудова? Срамецъ!..
(Общій шопотъ).
Миртиллъ!

(Всѣ въ почтительной позѣ. Проконсулы и Харидемъ спѣшатъ навстрѣчу и припадаютъ на грудь къ вошедшему евнуху Миртиллу, въ блестящей одеждѣ, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ).

ПУБЛІЙ.

Божественный пѣвецъ!

ХАРИДЕМЪ.

Здоровье кесаря?

МИРТИЛЛЪ.

Изволилъ
Уснуть и отъ себя уволилъ
Меня сегодня.

ХАРИДЕМЪ.

Подарилъ
Сегодня намъ!

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ *(квестору).*

А это кто же?

КВЕСТОРЪ.

Тсс! Тише! Если только кожей
Ты дорожишь! Евнухъ Миртиллъ—
Пѣвецъ и мимъ,—да вотъ въ чемъ сила:
Въ ногахъ у кесаря лежитъ
Весь міръ, а кесарь самъ сидитъ
У ногъ вотъ этого Миртилла.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ *(въ испугѣ).*

Такъ вотъ оно!..

КВЕСТОРЪ.

Да, да,—оно!
Такъ, въ среднемъ родѣ...

(Гости все прибываютъ. Миртиллъ, Харидемъ и проконсулы удаляются въ глубину сцены. Два сенатора подходятъ къ авансценѣ).

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ.

Онъ ядъ принять давно сбирался.
Да нынче циркъ, а завтра—бѣгъ,
А тамъ—заѣзжій риторъ грекъ,
Да Лиды, Фрины... не рѣшался
И вѣрно радъ, что тутъ помогъ
Ему Неронъ, назначивъ срокъ.

СЕНАТОРЪ СИМПЛИЦІЙ.

Да! Онъ не разъ меня обидѣлъ,
Но человѣка я въ немъ видѣлъ
Всегда великаго! И вотъ—
Вдругъ посмотрѣть, какъ онъ умретъ!..
Вѣдь гладіаторскаго боя—
Конечно, стоитъ смерть героя!
Сказать по правдѣ, напередъ
Я тоже справился, какъ станутъ
Смотрѣть на это? Ничего!
Миртиллъ здѣсь: значитъ, и не взглянутъ!

Молодые патриціи.

ОДИНЪ.

У насъ, вотъ видишь, съ нимъ родство,
Такъ, можетъ-быть...

ВСАДНИКЪ.

Изъ родового
Не завѣщаетъ ли чего?
Понятно, братецъ, и не ново!
Однако—что жъ? Чего онъ ждетъ?
Все подано, а самъ нейдетъ—
Вонъ даже рвотное готово!..
Но между этихъ чашъ одна
Должна быть съ ядомъ... Гдѣ жъ она?
Вотъ эта, вѣрно: золотая,

Съ волчицей крышка... небольшая,
Но...

(Входитъ Люцій. Всѣ устремляются къ нему навстрѣчу).

ПУБЛІЙ.

А! Вотъ и нашъ амфитріонъ.

СЕНАТОРЪ СИМПЛИЦІЙ.

Я такъ смущенъ и огорченъ,
Что скорбь разсудокъ помрачаетъ!

РОДСТВЕННИКЪ.

Я какъ услышалъ, поспѣшилъ...

ХАРИДЕМЪ.

Одно изъ міровыхъ свѣтилъ
Надъ Римомъ нынѣ угасаетъ!

ЛЮЦІЙ.

Благодарю васъ, господа!
Я васъ просилъ, чтобъ навсегда
Окончить жизнь веселымъ пиромъ,
Чтобъ навсегда проститься съ міромъ
Въ бесѣдѣ съ вами, средь всего,
Что̀ украшаетъ лишь его.
Теперь прошу васъ, дайте волю
Своей фантазіи, уму,
И я скажу—едва ль кому
Завиднѣй жребій палъ на долю!

(Даетъ знакъ. Являются невольницы съ золотыми чашами для омовенія рукъ гостямъ. Помѣщаются на ложи. Остается нѣсколько пустыхъ мѣстъ.

Входятъ двое, плохо одѣтые и полупьяные. У одного черная всклокоченная борода и волосы копной. На плечѣ мѣшокъ, въ рукахъ дубина. Онъ обращается къ пріятелю, говоря съ не совсѣмъ трезвымъ выговоромъ).

ГОСТЬ.

Ну, такъ и есть! Вотъ видишь—ужинъ!

(Къ гостямъ)

Мы, проходя, вдругъ слышимъ духъ
Жаркого, дичи! Ну, мой другъ,

Я говорю, здѣсь будетъ нуженъ
Гостямъ хорошій аппетитъ;
Я захватилъ его съ собою!
Пойдемъ, предложимъ! Кто и сытъ,
Проголодается со мною!

ЛЮЦІЙ.

Прошу,—но кто же?..

ГОСТЬ.

Видишь самъ—
Философы!

ЛЮЦІЙ.

Такимъ гостямъ
Вдвойнѣ я радъ.

ГОСТЬ.

Тѣмъ лучше. Впрочемъ—
Какъ ты тамъ знаешь... радъ, не радъ,
А глотку мы себѣ промочимъ.

(Осматриваетъ вина).

Гдѣ тутъ получше-то стоятъ?
Конечно, тамъ, гдѣ самъ хозяинъ...

(Наливаетъ и поетъ)

„И онъ пришелъ незванъ, нечаянъ...
И всѣхъ плѣнилъ!“ *(Къ пріятелю, подавая ему вина)*
Вотъ, ты не шелъ
И упирался, какъ оселъ...
Заѣшь теперь... вонъ смоква, финикъ...

(Къ Люцію)

Рекомендую! Спутникъ мой—
Изъ архискептиковъ! Я—циникъ!
Ужъ дальше этого нейдетъ
Умъ человѣческій! По малу
Свой циклъ свершилъ, пришелъ къ началу,—
И больше некуда впередъ...
Мое почтенье!

ПУБЛІЙ *(другому проконсулу, сидящему подлѣ него).*

Гость забавный!
Какая челюсть у него!

ПРОКОНСУЛЪ.

Сатиръ! А ѣстъ-то какъ исправно!

Вонъ похваталъ уже всего!..
Охъ, аппетитъ!.. Ужъ стары стали,
А въ старину и мы ѣдали!

(По знаку Люція, архимагиръ беретъ со стола амфору, чтобы сотворить возліяніе богамъ).

ЦИНИКЪ *(останавливаетъ его).*

Не тронь! Я это пью вино!
Богамъ вѣдь, братецъ, все равно!
И тратить доброе къ чему же?
Плесни, которое похуже!

(Архимагиръ беретъ другую амфору. Первая смѣна блюдъ. Хоръ. Танцовщицы, представляя собою двадцать четыре часа, пляшутъ, кидая цвѣты на пирующихъ, и поютъ:)

ХОРЪ.

Ловите, ловите
Часы наслажденья;
Спѣшите, спѣшите
Пожить хоть мгновенье!
Какъ мошки на солнцѣ
Въ эѳирѣ роями
Кружатся и блещутъ,
Мы, Оры, блистаемъ
Мгновеніе въ мірѣ!
Ловите, ловите,
Не то улетимъ!

(Входитъ среднихъ лѣтъ блѣдный и тощій патрицій).

ПАТРИЦІЙ.

Я слышалъ, Люцій,—говорятъ—
Ты умираешь? Очень радъ!
Я общей скорбью самъ страдаю
И тоже скоро умираю...
Но выбираю только ядъ.
О всѣхъ почти самоубійцахъ
Я перечелъ и списокъ имъ
Составилъ на семи страницахъ,
Но недоволенъ ни однимъ!
Я смерти все ищу пріятной...

СКЕПТИКЪ *(циницку)*.

Онъ—сумасшедшій!

ЦИНИКЪ.

Или шутъ.

СКЕПТИКЪ.

Что такъ они охотно мрутъ?

ЦИНИКЪ.

Богаты очень!

СКЕПТИКЪ.

Непонятно!

ЦИНИКЪ.

А впрочемъ, дѣло ясно тутъ...
Вонъ, видишь, подъ глазами пятна!
(Къ Люцію)
Да ты, пріятель, въ честь чего
Затѣялъ нынче торжество?

ЛЮЦІЙ.

Я нынче въ полночь умираю:
Такъ кесарь повелѣлъ Неронъ.

ЦИНИКЪ.

Такъ вотъ что!.. Значитъ... понимаю!..
(Пріосанясь)
Ты про свободу видѣлъ сонъ!
Пиръ значитъ: ты смотри, какіе
Герои мрутъ!.. А тѣ... другіе,
Что ихъ морятъ—того!.. Резонъ!
Эхъ, вы, патриціи, вельможи!
Туда же рвутся вонъ изъ кожи!
Свободы вамъ!.. Эхъ, ты, Катонъ!
Лишь Діогенова свобода
Прямая! Прочее все ложь!
Будь счастливъ тѣмъ, что дастъ природа!
Родился голъ и голъ умрешь!
Въ природѣ жъ, въ этой общей чашѣ,
Нѣтъ ярлыковъ: мое и ваше!
Бери что хочешь! Все твое,
На что глаза лишь разбѣжались!
А чтобы люди не кусались,
Кусайся самъ! Вотъ вамъ и все!
А то, глядишь, нагромоздили

Понятій, тонкостей, интригъ,
Да и не въ мочь пришлось! Уныли,
И ходятъ, высунувъ языкъ!

МОЛОДЫЕ ПАТРИЦІИ.

Отлично! Вѣрно! Браво! Браво!

ПУБЛІЙ *(къ Харидему).*

Онъ—пресмѣшной!

ХАРИДЕМЪ *(торжественно).*

Я не смѣюсь!
Я слезы лью! И какъ, дивлюсь,
Онъ можетъ вамъ служить забавой!
Онъ рушитъ все: семейство, нравы!
Какъ отрицанье всякихъ узъ,
Ученье этихъ оборванцевъ
Опасней всѣхъ республиканцевъ!
Онъ проповѣдуетъ порокъ,
И вотъ ужъ юность онъ увлекъ,
Она вся вторитъ тихомолкомъ!

ЦИНИКЪ.

Молчалъ бы лучше, педагогъ!

ВСАДНИКЪ.

Стравить бы ихъ—лисицу съ волкомъ!

ХАРИДЕМЪ *(къ Миртиллу).*

Ты близокъ къ кесарю, Миртиллъ!
Ты слышалъ, что онъ говорилъ?
Основы нравственности руша,
Онъ тронъ колеблетъ!

ЦИНИКЪ.

Мы съ тобой
Поспоримъ послѣ, милый мой;
А ты вотъ сказочку послушай,
Я всѣхъ потѣшу!.. Ты слыхалъ,
Есть островъ Кипръ... ну, знаешь, вина
Отличныя! Разъ проживалъ
Тамъ риторъ; славный былъ дѣтина,
Да нищъ, и голоденъ, и голъ!
Одинъ архонтъ его нашелъ
И взялъ учить сынишку. Дѣло
Пошло на ладъ. Вошелъ онъ въ тѣло,
Въ почетъ въ дому у всѣхъ вошелъ,
Да какъ-то разъ, конечно, въ шутку,

Такъ цѣловать онъ сталъ малютку,
Что мать... открылося, что мать
Имѣла право ревновать—
А съ ней вся женская прислуга.
И поднялись,—пошло писать,—
Всѣ на него и другъ на друга!

ХАРИДЕМЪ *(съ благороднымъ негодованіемъ).*

Что жъ это, Люцій? Вонъ его!

ПУБЛІЙ.

За что жъ? Теперь онъ ничего! *(Смѣясь)*
Вотъ былъ пѣтухъ-то!

ЦИНИКЪ.

Аль завидно?

ПУБЛІЙ.

Да онъ—безцѣнный!

ЛЮЦІЙ.

Что жъ потомъ?

ВСАДНИКЪ.

Открылось что-нибудь съ отцомъ?

ЦИНИКЪ.

Отцу-то стало, вишь, обидно!
Взревѣлъ, что звѣрь! Анъ тотъ бѣжалъ,
Да къ христіанамъ и попалъ...
Вотъ мудрецы, скажу вамъ, тоже!

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ *(задумчиво).*

Да, мудрецы!.. Я разъ сказалъ,
Что это волки въ овчей кожѣ,
И это буду вѣкъ твердить.

КВЕСТОРЪ.

Ахъ ихъ ужъ велѣно ловить
И въ циркѣ травлю учинить.

АСПИЦІЙ *(мрачно).*

Все это—временныя мѣры!
Они работаютъ во мглѣ,
Повсюду, какъ ручьи въ землѣ,
И всевозможныя химеры
Вбиваютъ въ головы рабамъ!
Чего же ждать, примѣръ имѣя

Въ Спартакѣ *)? И найти ли намъ
Другого Красса и Помпея,
Чтобы порядокъ поддержать!

СЕНАТОРЪ СИМПЛИЦІЙ.

Пугать и страхи создавать
Что̀ въ немъ за страсть, не понимаю!
Невиннѣйшіе чудаки!..

ПУБЛІЙ.

Кто? христіане? Знаю, знаю!
(Вдругъ одушевляясь)
Открытые бунтовщики!
Двоихъ судилъ я всенародно:
Ишь, поклониться не угодно
Имъ лику кесаря: не Богъ,
Молъ, кесарь!.. Я внушалъ, какъ могъ,
Хоть я не жрецъ и не ученый...
И, признаюсь, жаль было ихъ!..
Но дѣлать нечего—законы!
И кожу содрали съ живыхъ!

ХАРИДЕМЪ *(поднимая чашу)*.

Но кесарь насъ отъ нихъ избавитъ!
Онъ зла не можетъ попустить!
Душить ихъ надобно, давить!..
Во здравье жъ кесаря! Да славитъ
Его весь міръ!..

(Всѣ встаютъ съ чашами).

ЦИНИКЪ *(взлѣзаетъ на столъ)*.

Хвалу ему,
Что всѣхъ онъ душитъ васъ и давитъ!

(Молчаніе. Всѣ переглядываются съ ужасомъ между собою. и съ яростію смотрятъ на циника).

---

*) Въ Римѣ, какъ извѣстно, были частыя возстанія рабовъ; въ короткое время они сбѣгались сотнями тысячъ подъ знамя смѣлаго предводителя. При усмиреніи ихъ въ Сициліи, гдѣ ихъ скопилось до 200.000, и которою они овладѣли въ 135 до Р. Х., ихъ было распято 20.000. Спартакъ съ 120.000 рабовъ угрожалъ даже самому Риму. Его разбилъ Крассъ: при этомъ 6.000 рабовъ были распяты по дорогѣ изъ Капуи въ Римъ (въ 71 до Р. Х.). Изъ массы бѣглыхъ рабовъ образовалось страшное разбойничество на Средиземномъ морѣ; они имѣли до 1.000 кораблей и 400 укрѣпленныхъ мѣстъ. Чтобы уничтожить ихъ, Кнею Помпею было дано до 120.000 войска, 200 кораблей и 5.000 конницы. Онъ уничтожилъ разбойниковъ (67 до Р. Х.).

ХАРИДЕМЪ.

Онъ правосуденъ!

ЦИНИКЪ.

Потому
И душитъ васъ и давитъ!.. Что же
Не пьете?.. Бунтъ? На что похоже?
Пить такъ „за кесаря"—ужъ простъ
И слишкомъ голъ выходитъ тостъ.
Безъ смысла тостъ все дѣло рушитъ!..
Кричите жъ всѣ: за то, что душитъ...
(Оглядываетъ всѣхъ и ждетъ).

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ *(нерѣшительно).*

За то, что душитъ...

ЦИНИКЪ.

И давитъ насъ!..

ВСѢ *(кромѣ Люція).*

И давитъ насъ!..

ЦИНИКЪ.

Ну, пейте жъ! Разъ,
Два, три!..
(Общій крикъ) Да здравствуетъ кесарь! *)

ЛЮЦІЙ.

Всѣ пьютъ! Невыносимо!

ЦИНИКЪ.

Не поперхнулся ль кто, друзья?
Какъ будто кашель слышу я?..

ЛЮЦІЙ.

А молодецъ!

ЦИНИКЪ.

Граждане Рима!
Теперь, позвольте, пью за васъ!
За васъ, сыновъ достойныхъ Брута!
Вотъ онъ, вотъ статуя его!
Брутъ! Съ пьедестала своего
Воззри и радуйся! Минута,

*) По поводу этого тоста нѣкоторые мнѣ замѣчали, что никакое общество не можетъ такъ глубоко пасть, чтобы принять его. Оставляя отвѣчать за меня Тацита и Светонія, я напомню только одно: что это то самое общество, которое перенесло, напримѣръ, назначеніе лошади Геліогабаловой въ сенаторы. Со стороны лучшихъ людей протестъ былъ одинъ: самоубійство.

Ей-ей, торжественна! Ура
Вамъ, мужи чести и добра!
(Опорожнивъ чашу, циникъ сваливается на свое мѣсто. Молчаніе).

ПУБЛІЙ *(тихо сосѣду).*

Онъ дичь несетъ... и пустословитъ...
И самъ хохочетъ... Глупъ и пьянъ!
И какъ никто не остановитъ!..
(Откашливаясь и громко къ циникy)
Что жъ риторъ твой у христіанъ?

ЦИНИКЪ.

Мой риторъ? Да! Съ нимъ было много...
Но я другимъ ужъ развлеченъ!
А ты спроси у педагога!
Я знаю только то, что онъ
Ихъ обокралъ... А какъ ужъ скрылся,
Пусть скажетъ этотъ Цицеронъ!
Онъ самъ, быть-можетъ, съ нимъ водился!

ХАРИДЕМЪ *(запальчиво).*

Я не знакомъ съ нимъ!

ЦИНИКЪ.

Иногда
Видалъ, какъ въ зеркало глядѣлся!

ХАРИДЕМЪ.

Лжешь, лжешь безъ всякаго стыда,
Песъ мерзкій!

ЦИНИКЪ.

Что, братъ, завертѣлся?
А самъ наушничать!

ХАРИДЕМЪ.

Хорошъ
Ты самъ, герой добра и чести!
Лизалъ, чай, руки у вельможъ,
Да понялъ: дерзость лучше лести,
Беретъ вѣрнѣе?

ЦИНИКЪ *(издѣваясь).*

Ну такъ что жъ?
Не я имъ страхи сочиняю.
На ихъ же дудочкѣ играю—
Вольно плясать!.. Но мнѣ, плевать
На ваши тонкости!..

ХАРИДЕМЪ.

Молчать!
Не то (*замахивается тарелкой*).

ЦИНИКЪ (*замахиваясь дубиной*)

А вотъ!

ВСѢ (*кромѣ Люція, подымаютъ тарелки*).

Долой собаку!

ЦИНИКЪ.

Какъ? Что̀? Да слово мнѣ сказать—
И вы тю-тю!.. Полѣзли въ драку
За то, что тостъ не вкусенъ былъ?
(*Всѣ остаются неподвижны*).

ЛЮЦІЙ (*вставая съ своего мѣста*).

И это римляне! Нѣтъ силъ
Терпѣть ихъ долѣ!..
(*Въ саду раздаются звуки тимпановъ, и вакханки вторгаются въ залу*).

1-Й РИТОРЪ.

Охъ, отлегло!.. Ну, самъ Кронидъ
Надъ нами сжалился!..

ВСАДНИКЪ.

Паулина, Туллія, Метелла...
Весь цвѣтъ двора!..
(*Вакханки окружаютъ пирующихъ, наливаютъ чаши. Клики, хохотъ, оргія*).

ЦИНИКЪ (*бросивъ дубину*).

Мясцо живое!
Ко мнѣ, ко мнѣ! Эванъ, эвоэ!..
(*Гоняется за женщинами, качаясь из стороны въ сторону, пришелкивая пальцами и напѣвая*).
Вакханочки, вакханочки,
Смугляночки, бѣляночки!
Ужель я вамъ не милъ?
Я старенькій, я гаденькій,
Да вотъ поѣлъ говядинки
И юность ощутилъ!

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ (*въ сторонѣ къ Симплицію*).

Ну, тостъ! И этакаго гада
Терпѣть!

СЕНАТОРЪ СИМПЛИЦІЙ *(разводя руками)*.

Что дѣлать? Жить вѣдь надо!

АСПИЦІЙ.

Жъ этотъ циникъ? Подученъ
Былъ Люціемъ или шпіонъ?

СИМПЛИЦІЙ *(пожимая плечами)*.

Все можетъ статься!..

(Посреди кликовъ, спора, пѣсенъ, хохота, музыки и танцевъ, нѣсколько вакханокъ окружаютъ Люція).

ОДНА ВАКХАНКА *(отстраняя другихъ)*.

Онъ не любезенъ вовсе съ нами!
Да брось же ты своихъ вралей!
Пойдемъ на воздухъ! Ночь звѣздами
Горитъ!.. Иди, иди скорѣй!
Здѣсь гадость! Пьяные! Дерутся!
А тамъ прохлада! Тишина!
Иди же... такъ ли разстаются
Съ друзьями?

ЛЮЦІЙ.

Хороша, умна
И, какъ всегда, неотразима!
Идемъ!.

ВАКХАНКА.

На память о тебѣ
Я твой аграфъ беру себѣ.
Тебѣ не жаль?

ЛЮЦІЙ.

Всѣ перлы Рима
Къ твоимъ ногамъ!

ВАКХАНКА.

Ты льстецъ! Скажи
Серьезно, только безо лжи,
Съ чѣмъ для тебя всего труднѣе
Разстаться въ жизни?

ЛЮЦІЙ.

Можетъ-быть,
Съ мгновеньемъ тамъ въ пустой аллеѣ,
Иль въ гротѣ, гдѣ съ тобой забыть
Могу я жизнь и смерть!

ВАККХАНКА.

Вотъ мило!
И какъ глядитъ при томъ уныло!

ЛЮЦІЙ.

Ты—и всему конецъ!

ВАККХАНКА *(смѣясь)*.

Еще!
Еще!.. *(Задумчиво)* А ты вѣдь горячо
Простишься съ жизнью?

ЛЮЦІЙ.

Всею силой!

ВАККХАНКА.

Гдѣ жъ твой аграфъ? Идемъ же въ садъ!

ДРУГІЯ ЖЕНЩИНЫ *(окружая ихъ)*.

А намъ на память не дарятъ?

ЛЮЦІЙ.

Рабъ! Драгоцѣнности, каменья,
Принесть сюда... все вамъ дарю!
(Къ ней)
Итакъ, счастливое мгновенье...

(Рабы берутъ одинъ ящикъ, потомъ приносятъ другой, третій и высыпаютъ на столъ золото, камни и проч. Всѣ кидаются на нихъ).

ВАККХАНКА.

Я только, Люцій, посмотрю.

ЛЮЦІЙ.

Изъ рукъ, какъ змѣйка, ускользнула...
Ее задавятъ тамъ... ой-ой,
Какъ циника она толкнула!

ВЪ ТОЛПѢ *(около драгоцѣнностей давка и клики)*.

Мое! Я прежде взялъ! Разбой!

РИТОРЫ *(переглянувшись между собою)*.

Забрать да тягу! И домой!.. *(Пробиваются въ толпу)*.

ПУБЛІЙ *(мгновенье колебавшійся)*.

На память внучкѣ развѣ... *(Протискивается въ толпу)*.

ВЪ ТОЛПѢ.

Стой!
Задавятъ! Да не все ты хапай!
А ты опять съ своею лапой!

(Циникъ, совсѣмъ пьяный, вылетаетъ, вытолкнутый изъ толпы, и падаетъ на ложе въ углу комнаты. Въ глубинѣ сцены появляются Марцеллъ и Лида).

ЛЮЦІЙ *(смотря на давку).*

О, боги! Что за кутерьма!
Вѣдь это звѣри! тигровъ стадо
Надъ мерзкой падалью!

МАРЦЕЛЛЪ *(вдали).*

О, тьма!
О, снѣдь клокочущаго ада!

ЛЮЦІЙ.

Да вы не спорьте! Все добро,
Вся эта вилла, все здѣсь ваше!
Тащите вазы, кубки, чаши,
Все золото и серебро!

(Къ рабамъ)

Все открывайте! Все ломайте!
Всѣ кладовыя, сундуки!
Всѣ двери настежь! Прочь замки!
И вы себя не забывайте!

(Толпа хватаетъ со стола все, что можетъ, серебро, чаши и проч., опрокидываетъ канделябры и, оставивъ комнату въ полумракѣ, бѣжитъ за рабами, восклицая:)

Ура! Ура! Ты, Люцій,—богъ!..

ЛЮЦІЙ.

Стократъ проклятье вамъ! И могъ
Съ ватагой этой ненасытной
Однимъ я воздухомъ дышать!..

ЦИНИКЪ *(который тщетно пробовалъ итти за толпою, упадаетъ опять на ложе и кричитъ).*

Хозяинъ! Будешь умирать,
Такъ разбуди!.. Прелюбопытно!

(Засыпаетъ).

ЛЮЦІЙ.

О, Римъ, о, Римъ!.. Нѣтъ! жить нельзя!
(Быстро подходитъ къ своему мѣсту и беретъ кубокъ съ отравленнымъ виномъ).

ЛИДА *(бросается къ нему и удерживаетъ).*

Постой, о, Люцій!

ЛЮЦІЙ.

Лида! Ты ли?
Марцеллъ? Друзья мои, друзья!
О, боги, мнѣ не измѣнили!
Вы здѣсь!..

ЛИДА.

Мы здѣсь!.. Есть время!.. Ты спасенъ!

ЛЮЦІЙ.

Спасенъ?.. Но что съ тобою, Лида?
Какъ ты блѣдна? Какой нарядъ?
И эта темная хламида.
Покровъ твой бѣлый!.. Какъ горятъ
Твои глаза!.. Гдѣ ты скрывалась?..
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты по ристалищу промчалась
На колесницѣ золотой...
Сама конями управляла
И оглянулась на меня,
Весельемъ, розами сіяя,
Мнѣ въ даръ улыбку уронія!

ЛИДА.

Съ тѣхъ поръ все, Люцій, измѣнилось,
Вся жизнь моя!.. Да! я нашла
Чего искала, чѣмъ томилась,
И это счастье принесла
Тебѣ: я христіанка!

ЛЮЦІЙ.

Боги!
Ты? Лида?

ЛИДА.

Жизнь моя была
Полна безумствъ, полна тревоги
Пустой, ничтожной!... Ты уменъ,

О, Люцій!.. Ты тщету мірскую
Давно постигъ... Жизнь эта—сонъ!..

ЛЮЦІЙ.

Что ты лепечешь?

ЛИДА.

Жизнь иную
Христосъ открылъ намъ! Онъ велѣлъ
Все бросить! Жить одной душою!..

ЛЮЦІЙ.

Философъ милый! Что съ тобою?

ЛИДА *(въ отчаяніи)*.

Да говори, Марцеллъ!

ЛЮЦІЙ *(съ удивленіемъ)*.

Марцеллъ?

ЛИДА.

Онъ—нашъ! Христіанинъ!..

ЛЮЦІЙ *(серьезно)*.

Смѣяться
Вы надо мной пришли, друзья?..

ЛИДА.

Нѣтъ, Люцій! Истина скрываться
Не можетъ! Римъ, и міръ, и вся
Вселенная познаетъ Бога,
Который намъ велитъ любить
Другъ друга и добро творить.
И скоро! Насъ теперь ужъ много...
И здѣсь... между рабовъ твоихъ...
Взгляни, вотъ тутъ стоитъ ихъ трое:
Они не грабятъ! Нѣтъ! Земное
Ничто сокровище для нихъ!
Вотъ тотъ старикъ былъ поднятъ нами,
Чуть живъ, избитый... *(Къ рабу)* Ближе, Титъ!
(Титъ упадаетъ къ ногамъ Люція и плачетъ, склонивъ голову къ его колѣнямъ).

ЛИДА.

Ахъ, Люцій! Язвами покрытъ,
Онъ не ругался надъ врагами!
Простилъ и твоему отцу,
Которымъ взятъ былъ и къ кольцу
Прикованъ... Часто со слезами

Онъ вспоминаетъ, какъ ходилъ
Къ нему дитей ты и любилъ
Его разсказы... Скиѳъ суровый
Утѣшенъ былъ, и сталъ иной,
Младенецъ чистый, полнъ одной
Святой любовію Христовой!..

ЛЮЦІЙ *(положа руку на голову Тита).*

Мой старый пѣстунъ!

ТИТЪ *(тихо и искренно).*

Обратись,
Дитя мое! Проснись, проснись!
Свѣтъ возсіялъ! *Мы* ходимъ въ свѣтѣ—
Мы—неразумные! *Мы*—дѣти!
А ты такъ мудръ!

ЛИДА.

Вотъ, Люцій, тутъ
Вотъ эти двое... что хотѣли
Тебя убить... И только ждутъ,
Чтобъ ты простилъ ихъ... Неужели
Ты не простишь?

(Рабы становятся на колѣни въ нѣкоторомъ отдаленіи).

ЛЮЦІЙ.

Я все успѣлъ
Давно забыть!.. Ну, встаньте! Будетъ!

РАБЫ *(удаляясь).*

Господь тебя не позабудетъ
Во царствіи Своемъ!

ЛЮЦІЙ.

Марцеллъ!
Марцеллъ! Какое ослѣпленье!
Пусть Лида—пылкія мечты!
Рабы—они рабы!.. Но ты!
Нѣтъ, я тебя не понимаю!
Я христіанъ видалъ и знаю.
Въ ихъ головахъ какой-то сбродъ
Фантазій дикаго востока,
Слеза въ глазахъ и рѣчь пророка,
И казнь—ихъ счастіе!..

МАРЦЕЛЛЪ.

Насъ это счастье завтра ждетъ!

ЛЮЦІЙ.

Патрицій! Вождь! Стратегикъ славный!
Марцеллъ, проведшій жизнь свою
Въ походахъ, въ лагерѣ, въ бою,
Одинъ, быть-можетъ, предкамъ равный,
И вдругъ идетъ—смѣшно сказать!—
Изъ отвлеченнаго понятья,
Чтобъ доказать, что люди братья,
Что духъ безсмертенъ—умирать!

МАРЦЕЛЛЪ.

Для вашихъ риторовъ, конечно,
Смѣшно, что люди вдругъ идутъ
На смерть, какъ армія, безъ смутъ,
И сами, изъ-за мысли вѣчной!
Не то еще увидятъ: сынъ
Оставитъ мать, братъ кинетъ брата,
Не будетъ празденъ ни одинъ!
Мечъ въ міръ внесенъ, и нѣтъ возврата!
Вѣрь, говорю я не въ бреду.
Ты знаешь, взглядъ мой въ битвѣ вѣренъ:
Я зналъ всегда, куда иду...
Для васъ, мой милый, бой потерянъ!
Когда увидитъ въ циркѣ Римъ,
Какъ мы за истину стоимъ,
Узнать захочетъ, что̀ за люди?
Какая сила въ нихъ живетъ?
И изъ гонителей и судей,
Вѣрь, не одинъ къ намъ перейдетъ!
Со мной самимъ все такъ случилось,
Въ аренѣ видѣлъ я двухъ дѣвъ;
Когда на нихъ рванулся левъ,
Лицо ихъ свѣтомъ озарилось!
Я даже вскрикнулъ! А вѣдь кровь
Видалъ!.. Да, да! Родиться вновь
Должны мы всѣ!.. Когда, бывало,
Бѣжалъ изъ стана я сюда,
Отъ омерзенья и стыда
Душа во мнѣ изнемогала!
Не разъ я думалъ и тогда—
Привесть свои бы легіоны
Да этотъ Римъ раззолоченый

Весь разнести бы по клочкамъ!
И разнесли бъ!.. А что же тамъ?
Потомъ?.. Ты, Люцій, ты купался
Самъ въ этомъ омутѣ! Плѣнялся
Искусствомъ, красотою женъ!
Ты славой предковъ ослѣпленъ!
Изнѣженъ лѣнью и покоемъ,
И съ Римомъ такъ связалъ себя,
Что быть въ глазахъ его героемъ
Еще такъ важно для тебя!..
Не предкамъ вывесть насъ изъ грязи!
Нѣтъ! Съ ними порваны всѣ связи!
Нѣтъ, отрекись ото всего,
На чемъ они сооружали
Величье Рима своего!
Они лишь въ цѣпи заковали
Весь этотъ міръ,—и для чего?
Чтобъ прочнымъ онъ служилъ подножьемъ
Величью евнуховъ, вралей,
Со всѣмъ ихъ чванствомъ и безбожьемъ
Всего боящихся дѣтей!

ЛЮЦІЙ.

Постой, Марцеллъ!.. Жизнь нынче—бремя!
Самоубійство въ наши дни—
Вся наша доблесть, но они
Пройдутъ! Настанетъ лучше время!
Поймемъ и глубже примемъ мы
Тотъ свѣтъ, который дали міру
Великой Греціи умы...
Давно ль взялися мы за лиру,
Платона знаемъ?

МАРЦЕЛЛЪ.

И объ немъ
Кричимъ и споримъ за виномъ!

ЛЮЦІЙ.

Сначала солнце озаряетъ
Верхушки горъ...

МАРЦЕЛЛЪ.

Гдѣ ледъ сіяетъ!
Жизнь—тутъ, внизу! Нѣтъ, ты сойди
Съ своихъ высотъ и не гляди,

Что тутъ темно порой и тѣсно,
И про Платона неизвѣстно!..

ЛИДА.

Живи для бѣдныхъ и простыхъ!
Иную жизнь въ душѣ пробудишь!
Умаль себя для блага ихъ,—
И больше ты, и лучше будешь!
И все давно ужъ началось!
Вездѣ, вездѣ прошелъ Христосъ!
Смотри, отъ моря и до моря
Тебѣ предъ именемъ Христа
Открыты двери! Нѣту горя,
Нигдѣ слеза не пролита,
Чтобъ на другомъ концѣ вселенной
Не отозвались ей сердца!
Забудь величье мудреца!
Смири въ себѣ свой умъ надменный!..

ЛЮЦІЙ.

Великодушныя мечты,
Но все, Марцеллъ, мечты пустыя! *(Одушевляясь и убѣдительно)*
Нѣтъ, не сойду я съ высоты!
И что за дѣло, что чужіе
Мнѣ будутъ неучъ и глупецъ!
То, что умомъ я постигаю,—
Одно мое! И тѣмъ, я знаю,
Я выше ихъ, простыхъ сердецъ!
И если есть душа вселенной,
Есть божество,—оно во мнѣ.
Въ моемъ умѣ, и вѣкъ въ войнѣ
Съ твоей толпой непосвященной!

МАРЦЕЛЛЪ.

О, гордость, гордость!

ЛЮЦІЙ.

Можетъ-быть,
Въ угоду имъ я долженъ буду
Все—чѣмъ горжусь я—позабыть!
Повѣрить лжи! Повѣрить чуду!..

ЛИДА *(перебивая Люція, въ крайней степени одушевленія говоритъ быстро, неудержимымъ потокомъ).*

Нѣтъ, Люцій, къ намъ не ложь! Не трать
Противорѣчій попустому!
Что могъ Христосъ равно сказать
Рабу и нищему простому,
И мудрецамъ, и богачамъ,
И чистой дѣвѣ, и несчастной,
Для всѣхъ одно, для всѣхъ такъ ясно,
Понятно, близко всѣмъ сердцамъ,
То, Люцій, быть не можетъ ложью!
Христосъ зналъ всѣхъ, ко всѣмъ входилъ
Въ дома, со всѣми говорилъ...
Онъ пробуждалъ лишь правду Божью,
Что въ насъ жила, во всѣхъ сердцахъ!
Ко всѣмъ страдающимъ и сирымъ,
Ко всѣмъ убитымъ гордымъ міромъ,
Одинъ, съ участіемъ въ очахъ,
Пришелъ Онъ и открылъ объятья,
И всѣмъ сказалъ Онъ: всѣ вы братья!
И всюду съ вами буду Я!
И всюду, гдѣ Его семья,
Какъ добрый пастырь между паствы,
Онъ тамъ—ты чувствуешь—Онъ тамъ!
Благословляетъ питья, яствы,
Самъ раздаетъ ихъ бѣднякамъ...
Въ темницѣ, въ мглѣ, гдѣ только муки
И ярости былъ вѣчный стонъ,
Гдѣ тысячи страдаютъ, Онъ
На всѣхъ распростираетъ руки,
Всѣхъ утѣшаетъ—и злодѣй
Душой смягчается своей!..
Ахъ, Люцій! Выше нѣту счастья,
Какъ вызвать ласкою участья
Слезу у тѣхъ, кто слезъ не лилъ
Еще ни разу въ умиленьи!
Какъ воскъ онъ будетъ, и душой
Къ тебѣ прильнетъ, и за тобой
Пойдетъ какъ агнецъ въ путь спасенья,
Какъ за Христомъ пошелъ бы ты самъ!
Но нѣтъ! Я чувствую, все блѣдно,

Что я скажу, все мало, бѣдно!..
Послушай! Подъ землею, тамъ,
У насъ есть храмы... все аркады!..
Тамъ цѣлый городъ! Все лампады,
Гробницы!.. Много-много слезъ
За всѣхъ тамъ, Люцій, пролилось!
Тамъ—наши старцы!.. Тѣ видали
Христа, какъ я тебя, слыхали,
Какъ Онъ училъ... Послушай ихъ!
Они слова Христовы знаютъ!
Все помнятъ, свято сохраняютъ...
Что за слова, о, Люцій!.. Въ нихъ
Такая сладость! Упадаютъ
Они на сердце, какъ роса
На травы! какъ елей на раны!
Влекутъ, влекутъ на небеса,
Гдѣ самъ Онъ, славой осіянный,
Какъ царь вселенной, чистый свѣтъ,
Насъ ожидаетъ съ пальмой!.. Нѣтъ!
Узнавъ Его, ты будешь рваться,
Чтобъ слиться съ Нимъ!.. Въ немъ потеряться
Какъ въ океанѣ капля!.. Міръ
Покажется тюрьмою тѣсной,
Гдѣ ты тоскуешь, нищъ и сиръ,
По свѣтлой родинѣ небесной,
И какъ на пиръ пойдешь въ тюрьму,
На смерть, чтобъ вырваться къ Нему!

ЛЮЦІЙ.

Ахъ, Лида, Лида!.. Гдѣ ты, Лида?
Въ какихъ лучахъ твоя душа
Голубкой рѣетъ?.. Чуть дыша
Тебя я слушаю... изъ вида
Теряю... Какъ ты хороша!
О, да, клянусь! Одна бъ ты нынѣ
Могла мнѣ дать желанье жить!
Одна могла бы мнѣ въ пустынѣ
Путеводительницей быть!
Да! Какъ въ пустынѣ караваны
За вереницей лебедей
Идутъ въ невѣдомыя страны
Искать прохлады и ключей,—
Я вслѣдъ пошелъ бы за тобою
Хоть любоваться на тебя

И твоего Христа душою
Въ тебѣ, быть-можетъ, полюбя!

МАРЦЕЛЛЪ.

О, Люцій! Женщиной безсильной
Пренебрегали мы! Но Онъ
Дѣла великія обильно
Творитъ руками слабыхъ женъ!
Иди за ней! Ея устами
Онъ самъ зоветъ тебя! Иди!
Мы новобранцы! Тамъ—вожди!
Мы смотримъ все еще очами
Земными! Но для тѣхъ мужей
Земли ужъ нѣтъ! Свободно, смѣло,
Надъ бурнымъ моремъ жизни сей
Паритъ ихъ духъ, какъ голубь бѣлый!
Послушай ихъ!.. И, Люцій, вотъ
Смотри: вотъ здѣсь же, въ этой залѣ,
Въ подземный городъ нашъ есть ходъ...

(Отворяетъ потайную дверь въ нишѣ).

ЛЮЦІЙ.

Какъ? тайный ходъ? И это знали
Одни рабы?..

ЛИДА.

Изъ всѣхъ домовъ,
Изъ тюрьмъ, изъ цирковъ, изъ садовъ
У насъ такіе жъ ходы!

ЛЮЦІЙ *(смотря въ катакомбы).*

Боги!
Тамъ свѣчи... цѣлые чертоги...
Толпа людей...

МАРЦЕЛЛЪ *(торжественно Люцію, который неподвижно смотритъ въ катакомбы).*

Весь Римъ подрытъ!
Подъ старымъ Римомъ, Римъ ужъ новый
Преобразитъ его готовый,
Во всеоружіи стоитъ!..
Тамъ нѣтъ рабовъ! Тамъ нѣтъ богатыхъ!
Тамъ другъ предъ другомъ всѣ равны!
Тамъ нѣтъ презрѣнныхъ и проклятыхъ!
Тамъ падшіе обновлены!

Тамъ чудеса любви увидишь
И имъ повѣришь ты!

ЛИДА.

И выйдешь
Потомъ на смерть у насъ въ рядахъ,
Съ улыбкой свѣтлой на устахъ,
На небо очи устремляя!..
Ты слышишь гимнъ... они поютъ...
Подъ цѣлымъ Римомъ ждутъ лишь знака
И отовсюду, вдругъ, изъ мрака
На смерть съ веселіемъ пойдутъ!

ЛЮЦІЙ *(самъ съ собою)*.

Весь Римъ подрытъ!.. Глазамъ не вѣрю:
На казнь итти и гимны пѣть,
И въ пасть некормленному звѣрю
Безъ содроганія глядѣть!
Ужъ тутъ не бунтъ... *(Къ Марцеллу)*
Но кто жъ вы, кто вы?
(Съ строгимъ упрекомъ)
Марцеллъ! Вѣдь, Римъ готовя новый,
Ты губишь старый Римъ отцовъ,
Созданье дѣлъ ихъ, центръ вселенной,
Свѣтило міра... для презрѣнной
Толпы безсмысленныхъ рабовъ!..
Рабы!.. Марцеллъ!.. Да гдѣ мы? Гдѣ мы?
Для нихъ вѣдь камни эти нѣмы!
Что намъ позоръ, имъ не позоръ!
Они предъ этими мужами
Не заливались слезами,
Съ стыдомъ не потупляли взоръ!
И ты, ты смѣешь отказаться
Ото всего, чѣмъ ты съ пеленъ
Вспоенъ и вскормленъ! Оторваться
Ото всего, съ чѣмъ ты рожденъ!
Я пью отраву: гражданину
Одинъ остался долгъ святой...
Но тѣмъ лишь вызовъ къ внукамъ кину,
И Римъ не кончится со мной!

МАРЦЕЛЛЪ.

Пусть не одни лишь камни Рима,
А Ѳивъ, Аѳинъ, Ерусалима
Повсюду вопіютъ тебѣ,
Какія слезы тамъ пролиты,

Какія жертвы тамъ убиты!
Признай подобнаго себѣ
Въ угрюмомъ варварѣ, въ рабѣ,
Люби весь міръ, какъ Римъ ты любишь,
И ты тогда—христіанинъ!..

ЛЮЦІЙ.

Марцеллъ, Марцеллъ! Вѣдь Римъ одинъ!

МАРЦЕЛЛЪ.

Одинъ! Ты тѣмъ его и губишь!
Одинъ, какъ міръ на раменахъ
Атланта! Міръ неправдъ! Но, время!
Тотъ, Кто одинъ лишь мудръ и благъ,
Съ него снимаетъ это бремя,
И горе тѣмъ, кого враспохъ
Найдетъ судить грядущій Богъ!..

(Бьетъ полночь).

ЛЮЦІЙ *(очнувшись).*

Послѣдній срокъ!

МАРЦЕЛЛЪ.

И нашъ онъ тоже!..

ЛИДА.

Ты гибнешь, Люцій! Вѣчный ждетъ
Тебя огонь!.. О, Боже! Боже!

ЦИНИКЪ *(который спалъ въ углу на ложѣ, просыпается).*

Хозяинъ умеръ? Полночь бьетъ!

МАРЦЕЛЛЪ.

Вотъ онъ, твой Римъ, тебя зоветъ!

ЦИНИКЪ *(привставъ).*

Да ты въ компаніи... съ дѣвицей...
Ну, братъ, и видно, что патрицій...

(Идетъ къ Люцію, но останавливается, услышавъ раздавшееся изъ катакомбъ пѣніе. Взоры всѣхъ обращаются туда).

ЛИДА *(восторженно).*

Идутъ! Идутъ! Желанный часъ!

(Къ Люцію)

О, Люцій! Неужель отстанешь
Одинъ, во мракѣ, ты отъ насъ!

И міру съ нами не предстанешь
Сказать, кто мы?

(Христіане въ бѣлыхъ одеждахъ и вѣнкахъ выходятъ изъ катакомбъ и, не обращая вниманія на присутствующихъ, погруженные въ себя, идутъ къ выходу въ садъ. Они поютъ унисономъ гимнъ, который начинается подъ землею и теряется во мракѣ сада).

ЦИНИКЪ.

Да что я? Сплю?
Изъ-подъ земли выходятъ люди...
Ну, этихъ лицъ я не люблю!

ЛЮЦІЙ.

Всему чужіе... точно къ пиру,
Идутъ на смерть они въ вѣнкахъ!
Презрѣнье къ мукамъ, къ смерти, къ міру...
И въ комъ же? Въ варварахъ! Въ рабахъ!
О, Римъ! О, Римъ!..

(Смотритъ на христіанъ съ нѣмымъ отчаяніемъ).

ГИМНЪ ХРИСТІАНЪ.

Будьте, братья, день и ночь готовы къ битвѣ!
Стойте, не гася лампады, на молитвѣ!
Онъ подкрадется, какъ тать ночной, день судный;
Горе тѣмъ, кто спалъ дотолѣ непробудно!
Вострубятъ въ трубу архангелы святые,
Встанутъ мертвые, возымутъ страхъ живые.
Потухающія солнца узрятъ въ страхѣ
Тварь земную, цѣпенѣющую въ прахѣ.
Узрятъ новый свѣтъ, очамъ невыносимый,
Онъ пріидетъ—Судія неумолимый!
И предстанутъ всѣ, рабы и властелины,
И одна всѣмъ будетъ мзда и судъ единый...
Горе обуяннымъ міра славой тлѣнной,
Васъ поглотятъ нѣдра огненной геенны!
Радуйся, слезами путь свой окропившій,
Въ суетномъ семъ мірѣ чашу мукъ испившій!
Радуйся, пріявшій свѣтъ Христовъ съ любовью,
Вѣчное блаженство искупившій кровью...

ЛИДА.

О, Люцій! Этотъ гимнъ святой

Ты слышишь... Міръ съ его красой
Пройдетъ! Одинъ лишь, Бога полный,
Христомъ спасенный, вѣченъ духъ!..

ЛЮЦІЙ.

О томъ, что̀ будетъ, милый другъ,
Мои оракулы безмолвны!

МАРЦЕЛЛЪ.

Итакъ, ты, Люцій, противъ насъ?
Не съ нами?

ЛЮЦІЙ *(рѣшительно и вставая)*.

Противъ, противъ васъ!
Я римлянинъ! Я умираю
За Римъ...

МАРЦЕЛЛЪ.

А мы—за міръ!..

ЦИНИКЪ.

Чего?
За Римъ? За міръ? Ужъ тонко, право!
Гдѣжъ смыслъ-тотутъ, скажите, здравый!.. *(Къ Лидѣ)*
А ты, дѣвица, за кого?

ЛИДА.

И за тебя, быть-можетъ!

ЦИНИКЪ.

Браво!
Чтобъ не было обидно!..

ЛЮЦІЙ.

Нѣтъ, я не вашъ, Марцеллъ!..
Все, чѣмъ великъ мой духъ, чѣмъ разумъ
Могучъ и свѣтелъ,—далъ мнѣ Римъ!
И пусть идутъ всѣ боги разомъ,
Онъ презритъ ихъ, какъ, полный имъ,
Я презираю смерть!..
(Выпиваетъ чашу и склоняется на ложе).

ЦИНИКЪ.

Брр! Кисло!..

ЛИДА *(хлопочетъ около Люція)*.

Люцій! Бѣдный Люцій!..

МАРЦЕЛЛЪ *(внѣ себя)*.

Безумецъ! Гордъ, упрямъ и слѣпъ!
Искалъ, голодный, вѣкъ свой хлѣба,

И хлѣбъ ему приносятъ съ неба,
И онъ бросаетъ этотъ хлѣбъ!..

ЛИДА *(умоляя)*.

Марцеллъ! Онъ умираетъ!

МАРЦЕЛЛЪ.

Что же
Мнѣ дѣлать съ нимъ?

ЛЮЦІЙ *(слабѣющимъ голосомъ)*.

Онъ весь, какъ былъ—
Все тотъ же воинъ! Тотъ же пылъ!

МАРЦЕЛЛЪ.

Вѣдь я любилъ тебя!.. О, Боже!
Когда жъ совсѣмъ съ души моей
Ярмо грѣха, ярмо страстей
Ты снимешь!

ЦИНИКЪ.

Изъ чего хлопочутъ?
И вѣдь не плуты, не морочатъ!
Не понимаю, хоть убей!

ЛЮЦІЙ.

А мы съ тобой, Марцеллъ, другъ друга
Мы понимаемъ ли?.. Я—сынъ
Своихъ отцовъ и вѣка... Знаю
Я только Римъ... Я гражданинъ...
И я... за Римъ свой умираю,
Какъ ты за своего Христа!..
Кто правъ изъ насъ... другіе скажутъ!..
Намъ не узнать ужъ... никогда!..
И можетъ-быть... на всѣхъ укажутъ
Какъ на глупцовъ... И изъ чего
Мы хлопотали—также спросятъ,
Какъ этотъ циникъ... *(Умираетъ)*.

1863.

VI.

СТРАННИКЪ.

(Посвящается Ѳ. И. Тютчеву).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гриша, двадцати лѣтъ.

Странникъ, сорока пяти лѣтъ.

Нищій.

Странноприимная келья при купеческомъ раскольничьемъ домѣ, на фабрикѣ, близъ большого села. Въ кельѣ столъ, лавки, образа стараго письма, лампадка.

Гриша *(одинъ стоитъ въ раздумьѣ).*

Какъ онъ войдетъ, то прямо объявлюся:
„Азъ, грѣшный, молъ, во тьмѣ заблудшій, свѣту
Желающій!.. Отверзи мнѣ источникъ
Премудрости твоей, бо алчу, отче,
Я твоего учительскаго слова...“
Такъ и скажу ему, какъ затвердилъ!
А тутъ пока прибраться...

(Оглядываетъ келью).

Ишь, подушку
Откинулъ онъ и положилъ полѣнце...
Голубчикъ! снялъ вѣдь и соломку съ лавки!
Пошелъ съ своей посудинкой на рѣчку...
Вотъ слишкомъ двѣ недѣли: всю-то ночь
На правилѣ стоитъ, а днемъ читаетъ...
И какъ себя-то соблюдаетъ строго!
Разъ отдохнуть прилегъ: вдругъ ѣдетъ тройка,
Да съ пѣснями,—и кинулся молиться,
Да часъ иль два поклоны клалъ земные...
Что если бъ зналъ онъ, что я тутъ же, подлѣ,
Изъ каморы своей смотрю все въ щелку?
Что жъ! развѣ я то дѣлаю для худа?
Томлюся я, что Даніилъ во рву...

Горѣ всечасно обращаю очи,
Не явится ль Господень свѣтлый ангелъ!
Да нѣтъ, не сходитъ!..

(Поправляетъ лампадку на полкѣ, гдѣ видитъ книги).

Вотъ книги-то его!..
Евѳиміевъ *Цвѣтникъ*... Да нешто онъ
Изъ бѣгуновъ?.. А это Аввакума
Посланія... Какъ вѣдь писалъ, страдалецъ!

(Открываетъ книгу и читаетъ)

„У грековъ такожде пропала вѣра.
Съ поганымъ туркомъ потурчали: пьютъ
Табакъ, приходятъ въ церковь въ шапкахъ; жены
Того скверняѣй; имъ церковь, яко мѣсто
Соблазна: груди голы, очи дерзки.
Самъ патріархъ браду обрилъ и съ туркомъ
Ѣстъ рафленыхъ курей съ единна блюда.
Нѣтъ, русачки мои не таковы!
Въ огонь скорѣе, миленькіе, внидутъ,
А благовѣрія не предадутъ".
Воистину сказалъ: „не предадутъ"!

(Перевертываетъ нѣсколько страницъ и читаетъ)

„Къ тебѣ, о, царь, предъ смертью изъ темницы
Я, какъ изъ гроба, нынѣ вопію:
Опомнися! Покайся!.. Изболѣло
Мое все сердце по тебѣ, царю!
О душенькѣ своей попомни, милый!
Слукавили лгуны передъ тобою!
Какіе жъ мы еретики, помысли!
Порушили ль мы гдѣ уставы церкви?
Вели престать насъ звать бунтовщиками:
Мы предъ твоимъ величествомъ, голубчикъ,
Ниже въ малѣйшемъ неповинны! Токмо
Что о душѣ печемся, Бога ради".

(Слыша шаги, поспѣшно кладетъ книгу на мѣсто и становится къ стѣнѣ. Входитъ странникъ, несетъ буракъ съ водою; проходитъ мимо Гриши, не замѣчая его и продолжая богомысліе).

СТРАННИКЪ.

Изъ глубины паденья моего,

О, Господи, къ Тебѣ взываю, грѣшный!
Вонми моимъ рыданіямъ и призри
Съ высотъ Твоихъ, есмь немощенъ и шатокъ,
И духъ мой, аки валъ морской, всечасно
То въ небеса предъ свѣтлый ликъ Твой рвется,
То падаетъ во адъ кромѣшный паки!..

(Ставитъ бураки на столъ, достаетъ мѣдный складень и готовится стать на правило).

ГРИША *(робко подходя къ нему).*

Не прогнѣвись, благоутробный отче:
Азъ, грѣшный... азъ учительскаго слова
Изъ устъ твоихъ желающій услышать...

СТРАННИКЪ.

Охъ, что ты, сыне?.. Мнѣ ль учительское слово
Кому держать! и самъ бы поучился
Отъ мудраго! самъ возлюбилъ бы плеть
Духовную отъ праведнаго мужа!

ГРИША.

Позволь съ тобой на правило мнѣ стать!

СТРАННИКЪ.

Нельзя!

ГРИША.

Я тоже старой вѣры, отче!

СТРАННИКЪ.

Что жъ старой? Всѣ вы нынче—нестряки!

(Садится).

Да! благодать давно взята на небо!
Вселенная пуста, и стадо вѣрныхъ
День ото дня въ міру оскудѣваетъ!..
Ты грамотный?

ГРИША.

Почитываю книги,
Да одному не все-то въ нихъ понятно!..
У насъ народъ на фабрикѣ все буйный,
И токмо что рекутся старовѣры.
Вотъ иногда у постояльцевъ спросишь,
Да знающихъ немного между ними.

СТРАННИКЪ.

Коль грамотенъ еси, ты прочиталъ ли

И помнишь ли, что̀ писано о вѣрныхъ?

(*Читаетъ наизусть*)

„Егда Христосъ пріидетъ паки въ міръ,
Обрящетъ ли свою онъ вѣру чисту?
Онъ пріидетъ въ великія хоромы
Съ златымъ шатромъ, съ подзоры и убрусы;
Покои жъ багрецомъ наряжены;
И въ тѣхъ покояхъ возсѣдятъ мужи
Во ферезяхъ, сырцомъ и златомъ шитыхъ;
А на столѣ и лебедь, и журавль,
И сахары, и всякое печенье,
И жемчугомъ унизаны, подносятъ
Вина имъ, въ серебряныхъ сосудахъ, жены,
И поклоняются имъ, и добзаютъ,
Грѣховной срамоты не убояся,
Усты въ уста. Онъ скажетъ: „Блудодѣи
Вси суть они, и не мои суть овцы!“
Онъ пріидетъ къ властямъ, къ архіереямъ;
Узритъ: единъ съ блистаніемъ на митрѣ
И злата, и жемчужныхъ херувимовъ,
И бархатомъ на мантіи кичася,
На башмакахъ же крестъ Христовъ имѣя,
Чтобъ скверными топтать его ногами;
И вкругъ синклитъ его, попы и мнихи,
И римскіе пѣвцы, партеснымъ пѣньемъ
Не Божью, а его поюще славу;
И всѣ думцы его въ парчахъ и камняхъ,
Окрестъ его сѣдяще полукругомъ;
И купно всѣмъ соборомъ измышляютъ
Погибель христіанству, наказуя
По всей странѣ противящихся имъ
Во срубахъ жечь и вѣшать на крюки,
И зарывать живыхъ по перси въ землю;
Онъ скажетъ: „се не пастыри, а волки!“
Въ пустыняхъ лишь, въ лѣсу, забѣгшихъ въ горы
Найдетъ подвижниковъ; имъ же молитва—
Кормленье, слезы—утоленье жажды,
И бѣса посрамленіе—веселье,
Гоненіе—сговоръ, а смерть—невѣста...
И скажетъ Онъ: „со Мною вы пребысте,
И съ вами Азъ отнынѣ и вовѣки“.

ГРИША (*въ умиленьи*).

Ты наизусть святыя книги знаешь!
Вотъ всю бы ночь, кажись, тебя прослушалъ!

СТРАННИКЪ.

Великій змій вселенную обвилъ
И царствуетъ... Про змія-то читаемъ:
„И было зримо, како по ночамъ
Сей змій, уста червлены, брюхо пестро,
Ко храминѣ царевой подползалъ,
И царское оконце отворялось.
Царь у окна сидѣлъ, а змій, вздымаясь
По лѣстницѣ клубами, подымался
Вверхъ до окна и голову свою
Великому царю клалъ на плечо
(И такъ онъ былъ огроменъ, что лежалъ
По лѣстницѣ всѣмъ туловищемъ темнымъ,
А хвостъ еще изъ патріаршей сѣни
Не вылѣзалъ). И такъ, къ цареву уху
Припавъ, шепталъ онъ лестныя слова:
„Не слушай честныхъ старцевъ, о царю!
И старыхъ книгъ, владыко, боронися!
Бо тѣсноты они тебѣ хотятъ!
А полюби, царь, Никоновы книги:
Въ нихъ обрѣтешь пространное житье,
И по средамъ и пятницамъ всеястье,
И тѣлесамъ твоимъ во услажденье
Всѣ радости мірскія и утѣхи“.

ГРИША.

Про змія, отче, я читалъ и знаю.
Изшелъ изъ ада онъ и днемъ являлся
Подъ видомъ Никона—лжепатріарха,
А ночью принималъ опять видъ змія.
Про Никона написано еще:
Его видали, какъ въ златой палатѣ
Отъ многихъ онъ бѣсовъ былъ почитаемъ.
Они его садили на престолъ,
Вѣнчали, какъ царя, и лобызали,
И кланялись ему, и говорили:
„Ты большій братъ нашъ и любезный другъ,
И намъ поможешь крестъ Христовъ сломити“.
Но это все стоитъ про никоніянцевъ.
И въ ихъ-то вѣру змій пустилъ свой ядъ.

СТРАННИКЪ.

Во всѣ! во всѣ!.. Отъ змѣя народились
Змѣеныши; чуть вылѣзли изъ яицъ—
И выросли, и стали жрать другъ друга,

И своего отца грызуть,—и всѣ
Въ единый клубъ свились, дышащи злобой,
И лютости огнемъ распалены.
Въ писаніи стоитъ вѣдь явно: „внидутъ
Въ селенья праведныхъ и сластолюбцы,
И блудники, и тати, аще добрымъ
Очистятся постомъ и покаяньемъ,
Но въ оное не внидетъ ни богатый,
Ни еретикъ“. А вашъ Андрей Денисовъ
Что сотворилъ? Когда явился Петръ,
То былъ ужъ самъ Антихристъ во плоти:
Одѣлъ себя и весь свой полкъ звѣриный
Въ нѣмецкіе кафтаны, и по царству
Ихъ разослалъ ниспровергать законы
Отечески и свой регламентъ ставить;
И позавелъ онъ раздѣленье въ людяхъ
И сваръ, и бой, и брань междуусобну;
И вывезъ клеймы онъ изъ римскихъ странъ,
И сталъ клеймить вездѣ себѣ людей;
А на кого ужъ то клеймо легло,
Такъ на весь родъ пойдетъ: и отрекутся
Отеческихъ святынь, преданій, даже
Гробовъ отцовъ, и будутъ, что чужіе!
Ужасно есть сіе помыслить токмо!
Пойдутъ дружить со всякимъ вражьимъ духомъ,
Противъ всего, что сотворили древле
Великіе цари, митрополиты
Московскіе, Іона, Алексѣй,
Ихъ же трудами собрана земля
Россійская, и ихъ цвѣла нарядомъ.
А славный вашъ Андрей Денисовъ съ онымъ
Антихристомъ, еже Петръ Первый есть,
Хлѣбъ-соль водилъ, копалъ ему руду
На цѣпи и съ важнѣйшими его
Персонами братался; блудно жилъ
Да блудно такъ и померъ: дѣвка,
Ишь, приворотнымъ зельемъ опоила!
Онъ всю-то жизнь Антихристу работалъ,
Въ имперіи торги-то разводя.
Съ него вотъ и пошли купцы-тузы:
Первѣйшіе въ Москвѣ—все ихъ хоромы!
Въ хоромахъ-то картины и статуи
Поганскія; какъ балъ-то зададутъ,
По окнамъ-то не стекла—зеркала:

Зажгутъ такіе бѣлые шары,
Что̀ солнца свѣтятъ! Плясъ и музыканты!
Передъ крыльцомъ-то конная все стража!
Каретъ, каретъ-то! Все князья да графы,
И всѣхъ наукъ бѣсовскихъ хитрецы!
Вотъ, братъ, цвѣты какіе распустились
Изъ сѣмени Андреева! ликуютъ,
А васъ-то, дурней, держатъ въ кабалѣ,
Иконами да лестовкой морочатъ!
Я побывалъ и у Таганья Рога,
На Иргизѣ и въ Керженцѣ на Выгѣ,
И въ Питерѣ, Москвѣ, въ Казани, Ржевѣ:
Вездѣ одно! Обозъ идетъ—анъ чей?
Чьи тамъ плоты рѣку загородили?
Чьи баржи тянутъ огненною силой,
Да караванъ за караваномъ? Сало.
Пенька ли, хлѣбъ—спроси ты только—чьи?
А пристани по городамъ, буяны?
А въ Нижнемъ кто ворочаетъ дѣлами?
Все вѣры древлія благочестивцы,
И всѣмъ-то имъ заводчикъ—вашъ Андрей;
А на кого трудятся? Нешто Богу?
Антихристъ-то имъ нешто врагъ? Поди-ка,
Царю листы какіе восписуютъ:
„Всѣ за тебя, молъ, животы положимъ!“
Вотъ каково! и погоди маленько,
Какъ ужъ совсѣмъ гоненье поутихнетъ
Да потѣснѣй спознаются другъ съ другомъ,
Да льготъ дадутъ,—всѣмъ міромъ подъ *большіе*
Колокола пойдете и съ попами
Всѣ въ голосъ запоете! Тако будетъ!
Поширь вамъ только!

(Опускаетъ голову и задумывается).

Деньги, сыне, деньги!
Погибель вся отъ нихъ! Онѣ и есть
Мошна въ сѣти, въ которую, что̀ рыбу,
Васъ дьяволы шестами загоняютъ,
А вервія другіе бѣсы тянутъ
Ко брегу, онъ же адъ, а сатана
Въ аду-то у окна сидитъ и радъ,
Что тяжело идетъ треклятый неводъ,
Что бѣсы-то потѣютъ и пыхтятъ
Отъ бремени!

ГРИША.

Ужель нельзя спастися?

СТРАННИКЪ.

Здѣсь, въ мірѣ? Нѣтъ! Но милосердьемъ Божьимъ
Спасенья путь оставленъ узкій, токмо
Немногіе идутъ по немъ.

ГРИША.

Кто грѣшенъ,
Тотъ ужъ ступить на сный путь не можетъ?

СТРАННИКЪ.

А ты на совѣсти имѣешь грѣхъ
Особенный?

ГРИША.

Имѣю грѣхъ великій!
Такъ и лежитъ на сердцѣ... такъ и мучитъ...
Ахъ, отче, я великій грѣшникъ.

СТРАННИКЪ.

Если
Довѣріе имѣешь, то откройся!
Пооблегчитъ.

ГРИША.

Я знаю, полегчало бъ:
И это въ мысляхъ я имѣлъ... Вотъ видишь...
Я разскажу тебѣ ужъ все, какъ было...
Къ божественному былъ я склоненъ смлада.
И какъ былъ взятъ въ привратники сюда,
Отъ странниковъ былъ въ вѣрѣ наставляемъ
По древнему закону. Только странникъ
Вѣдь поживетъ, да и уйдетъ потомъ.
А сколько ихъ притомъ непутныхъ бродитъ!..
И соблюдать себя я началъ строго:
Кремнями, стеклами постель усыпалъ,
Отъ всякихъ яствъ отсталъ, питался быльемъ,
Во дни же постные совсѣмъ не ѣлъ.
Тутъ надо мной кругомъ смѣяться стали,
И я возмнилъ, что есмь единъ безгрѣшенъ,
И смѣхъ ихъ былъ мнѣ въ сладость... Началъ
Ужъ помышлять, что самъ меня нечистый
Не побѣдитъ. „Не одолѣешь, бѣсе!“
Твержу, а онъ зоветъ на вечерницу:
„Тамъ власть свою яви ты надо мною,
И поклонюся тебѣ“... я и пошелъ...

СТРАННИКЪ.

Пошелъ? Ну, что жъ?

ГРИША.

И... одолѣлъ лукавый...

СТРАННИКЪ.

Ну, какъ же онъ къ тебѣ тамъ подступился?
Въ образѣ жены?

ГРИША.

Нѣтъ, ужъ уволь!
Что говорить!..

СТРАННИКЪ.

Стыдѣніе имѣешь.

(Подумавъ)

Охъ, сыне, сыне! растлѣна земля
Людьми уже на тридцать саженъ внизъ!
И къ Господу всечасно вопіетъ,
Да попалитъ огнемъ ее Господь,
И отъ грѣховъ и всякихъ скверенъ очиститъ!
Твой грѣхъ не есть еще великій грѣхъ...
Грѣхи бываютъ, сыне, потягчѣе...
Примѣромъ, кровь, непутное житье
Съ разбойники и тати, и блудницы...
Но ты сего еще не разумѣешь,
И дай Господь не разумѣть вовѣки!
Съ людьми толчешься, что по рынку ходишь:
Шумъ, гамъ! купцы те за полы хватаютъ
И въ лавки тащутъ, и товаръ свой суютъ:
„Купи, купи, почтенный! вовсе даромъ!..“
Ты и берешь, и невдомекъ, что эти
Купцы-то—переряженные бѣсы,
Товары—смертные грѣхи, а платишь
За нихъ душой, оно и выйдетъ даромъ,
Она бо есть невидима, душа-то!..
Охъ, миленькій! въ пустыньку бъ Богъ сподобилъ
Укрытися! Тамъ райское-то есть
Веселіе! Поютъ тебѣ тамъ пташки!
Пустынька вся нарядится цвѣтами!
Студенъ ручей съ горы крутой падетъ...
Сиди надъ нимъ!.. а кругъ—густыя ели...
Олень, аль прочій звѣрь придетъ напиться...
И пташка тутъ на камешекъ же сядетъ
И крылышки полощетъ... Такъ-то любо!

И такъ душа исполнится твоя
Величіемъ Господнимъ... и восплачетъ
Умильными и тихими слезами...
Вотъ тамъ помолишься!.. Да, братъ Григорій,
Велнко дѣло есть пустыня!

ГРИША.

Отче,
А какъ же тамъ зимой-то жить?

СТРАННИКЪ

А славно!
Сидишь ты словно въ свѣтозарномъ царствѣ,
Какъ зорьки-то играютъ на снѣгу...

ГРИША.

Ты, можетъ, отче, и живешь въ пустынѣ
И ради нѣкихъ нуждъ изшелъ?

СТРАННИКЪ

Живалъ...
Да токмо гладомъ нудимъ былъ изыти.
Не одолѣлъ плотского человѣка,
И плоть еще не омерзила вдосталь;
А можетъ, Богъ назначилъ и страданье,
И муки претерпѣть мнѣ, чтобы душу
Очувствовать... но я умру въ пустынѣ!
Святые тоже вѣдь не всѣ родились
Во святости... зато потомъ, смотри,
Какое житіе прешли, смывая
Съ души своей грѣховныя-то пятна!
Въ огнѣ молитвы душу, яко въ горнѣ
Заржавое желѣзо, распаляли,
И правиломъ духовнымъ, яко млатомъ,
Ее сгибали, да пріемлетъ видъ,
Какой ей данъ былъ въ помыслѣ Творца
И искривленъ потомъ житейской нужей.
Прочти, вотъ, о святыхъ мужахъ, о нашихъ.

(Достаетъ книгу; перевертываетъ листы и даетъ Гришѣ).

Вотъ объ отцѣ Савватіи стоитъ...

ГРИША *(читаетъ)*.

„И бысть еще сожженъ отецъ Савватій,
Въ писаніи искусенъ, просвѣтленъ
Безмолвіемъ. Когда молился онъ,—

То былъ ли шумъ, смятенье ль между братій,—
Ни душу къ нимъ, ни ухо, ни глаза
Не обращалъ, но, въ Бозѣ пребывая,
Стоялъ, что̀ столпъ недвижимъ, въ небеса
Молитвенной цѣвницей ударя“...

СТРАННИКЪ *(беретъ у него книгу и перевертываетъ нѣсколько страницъ).*

А вотъ еще о Гуріи читай.

ГРИША *(читаетъ).*

„А также отъ земного бытія
И Гурій отошелъ. Блаженствомъ житія
Былъ чуденъ; день и ночь молитвословилъ,
И правила келейнаго впередъ
На тридцать лѣтъ начелъ и наготовилъ.
Жилъ въ Бозѣ онъ, и егда нощь придетъ,
И егда день. И оттого блистала
Душа его премудростью Творца,
Какъ солнцемъ озаренное зерцало“.

СТРАННИКЪ *(беретъ книгу).*

Вотъ, сыне, свѣтъ, на оный и грядемъ!

ГРИША.

Такъ, отче... да!.. но какъ же къ симъ мужамъ
Приблизиться? они вѣдь яко звѣзды
Надъ нами въ высотѣ небесъ сіяютъ!

СТРАННИКЪ.

А отъ земли пошли!

ГРИША.

Что̀ жъ надо дѣлать?

СТРАННИКЪ.

А что̀ они творили? Подъ начало
Сперва къ мужамъ достойнымъ поступали
И, пріобыкнувъ волю ихъ творить,
Ужъ Господу потомъ трудились сами.

ГРИША.

Возьми меня на послушанье, отче...

СТРАННИКЪ *(какъ бы въ испугѣ).*

Охъ, что̀ ты! что̀ ты! Богъ тебя храни!
И не моли! объ этомъ и не мысли!
Я не гожусь! Наставника бъ обоимъ

Жестокаго найти намъ и въ пустыню
Укрыться, да!

ГРИША.

Да отчего же, отче?

СТРАННИКЪ.

Не говори объ этомъ... ты не знаешь.

ГРИША.

Аль чѣмъ тебя я прогнѣвилъ?

СТРАННИКЪ.

Молчи!
Не человѣкъ есмь — скотъ, и хуже, хуже!
(Слышенъ стукъ въ окно).
Голосъ НИЩАГО *(нараспѣвъ).*
Мы здѣсь ни града, ни села не знаемъ!
Подайте милостыньку, христіане!
(Гриша отворяетъ окно).

СТРАННИКЪ *(вздрогнувъ).*

Вотъ здовы-то цѣни!

ГРИША.

Это — нищій.
Я сбѣгаю за хлѣбомъ къ пекарямъ.
(Уходитъ).

СТРАННИКЪ *(оглядываясь и подходя къ окну, сурово).*

Чего пришелъ?

НИЩІЙ *(высовывая голову въ окно).*

А что ты, чортъ, пропалъ?
Вѣдь двѣ недѣли! Отъ артели посланъ —
Чего жъ валандаться? аль ужъ попался,
Мы думали — да Ѳенька угадала —
Ужъ человѣкъ такой непостоянный:
Тамъ, молъ, сидитъ, навѣрно замолился,
Вздыхаетъ по пустынѣ.

СТРАННИКЪ.

И въ пустыню бъ
Ушелъ, то вамъ какое дѣло?

НИЩІЙ.

Не мы, братъ, нѣтъ! въ артель не примутъ! Такъ-то
Въ пустынѣ жить — животъ сведетъ. Да полно!
Кончай скорѣе, да иди въ Акулькинъ

Кабакъ. Ужъ встрѣчу приготовимъ. Разомъ
Отдохнешь отъ поста-то... Вольный воздухъ,
Веселыя головушки!.. Слышь, Ѳенька
Ругается: „иди, молъ, безпремѣнно,
Да не пустой. Гулять хочу съ нимъ", баитъ;
Не то, смотри, гулять пойдетъ съ Отпѣтымъ.

СТРАННИКЪ *(глухо)*.

А что тебѣ за дѣло, съ кѣмъ гуляетъ?

НИЩІЙ.

Да мнѣ-то что? Ты зарычишь, не я.

СТРАННИКЪ.

Я зарычу?.. Какъ я-то зарычу,
Всѣ у меня оглохнете вы, сволочь!
Анаѳемы! Да что вы? слать приказы
Мнѣ вздумали?.. Мнѣ токмо Богъ законъ!
Самъ сатана не можетъ надо мною
Возобладать! ужъ думаетъ, что держитъ,
Ужъ поборолъ, ужъ ухватилъ подъ горло,
И говоритъ мнѣ: „отрекися Бога", —
И не отрекся я!.. А вы?.. да съ вами,
Когда я по землѣ иду, такъ лѣсу
Стоячаго и облака я выше
Ходячаго!.. И, что хочу, творю!
Хочу, — у васъ живу, хочу, — уйду:
А восхощу мученій, самъ явлюсь
Къ мучителямъ, и буду я спасенъ
Чрезъ муки добровольныя... А вы,
Кроты въ норахъ живущіе, вы, черви,
Во адъ попадаете всѣ, какъ соръ,
Что баба выметаетъ за порогъ!

НИЩІЙ.

Ну, полно, дядя, больно осерчалъ!

СТРАННИКЪ.

Проваливай!

(Отходя)

„Гулять хочу съ нимъ"... аспидъ!
Иродіада! вздумала пугать!
Ну, нѣтъ! еще постой, ты мнѣ, голубка,
Поклонишься, мнѣ руки цѣловать,
Ехидна, будешь!.. знаю васъ я!..

(Входитъ Гриша, подаетъ нищему хлѣба).

ГРИША *(въ окно).*

Можетъ,
Поотдохнуть ты, дяденька, желаешь?

НИЩІЙ.

Нѣтъ, родненькій, спасибо! Тутъ дорога
Большая. Побреду. Господь съ тобою!

ГРИША *(затворяетъ окно).*

Что жъ, отче? не возьмешь на послушанье?

СТРАННИКЪ *(глядя пристально на Гришу).*

Возьму.

ГРИША.

Ахъ, отче, то-есть вотъ какъ буду
Служить тебѣ!

СТРАННИКЪ *(въ сторону).*

Антихристова челядь!

ГРИША.

Когда же мы пойдемъ?

СТРАННИКЪ.

Когда пойдемъ...
Да ты тутъ у хозяйки какъ живешь?
Ты по дому ей нуженъ?.. и она
Тебѣ во всемъ вѣдь вѣритъ!.. Ты и ночью
Въ моленной поправлять лампадки ходишь?

ГРИША.

Хожу.

СТРАННИКЪ.

А тамъ и сундуки стоятъ,
И деньги въ особливомъ сундукѣ?

ГРИША.

И деньги.

СТРАННИКЪ.

Такъ. И не великъ сундукъ?

ГРИША.

Да, не великъ.

СТРАННИКЪ.

Спохватится, и станутъ
Искать тебя.

ГРИША.

Да я жъ уйду не тайно.

СТРАННИКЪ *(занальчиво)*.

А я бъ тебѣ сказалъ: пойдемъ сейчасъ!
Не знаешь, что такое послушанье?
Ты долженъ все оставить и итти.
Наставникъ — голова, а ты — рука!
Сказала голова, рука и дѣлай!
А ладно ли, не ладно ли велѣнье —
Не разбирай! Иди себѣ и дѣлай!

ГРИША.

Все знаю, отче! все, какъ есть, исполню!

СТРАННИКЪ.

А если ты окажешь противленье?

ГРИША.

Зачѣмъ же противленье? Буду вѣчно,
Какъ рабъ твой.

СТРАННИКЪ.

Ну, смотри, завѣтъ свой помни!
Пріемлю тя подъ длань свою.

(Гриша становится на колѣни, странникъ кладетъ ему руку на голову).

Помилуй
Насъ, Господи Іисусе, Сыне Божій!

ГРИША *(цѣлуя его руку)*.

Аминь!

(Встаетъ).

Ухъ! словно отлегло отъ сердца!

СТРАННИКЪ *(пройдясь по комнатѣ и обращаясь съ важнымъ видомъ)*.

Такъ вотъ же, чадо, вотъ тебѣ теперь
И первое велѣнье: пой мнѣ пѣсню
Бѣсовскую!

ГРИША *(въ изумленіи)*.

Бѣсовскую пѣть пѣсню?

СТРАННИКЪ.

Пой пѣсню—ну, хоть „дяди Селифанъ“!
Пой и пляши!

ГРИША *(тревожно).*

Да что ты, отче, какъ же?
Все говорилъ такое... а теперь...

(Смотритъ пристально на странника и въ ужасѣ отступаетъ).

А если онъ не человѣкъ!.. а тоже,
Какъ и тогда... такое жъ навожденье
Отъ дьявола... какъ запою—и схватитъ,
И унесетъ!..

(Хватаясь за голову, и жмурясь, и пятясь, кричитъ)

Отыди въ мѣсто пусто
Безводно! князь бѣсовскій! запрещаю
Тебѣ крестомъ! исчезни!.. сгинь!.. исчезни!..

(Въ безсиліи опускается на скамью).

СТРАННИКЪ *(смѣясь съ укоризной*

Не выдержалъ и перваго искуса!

(Подходя къ нему)

Да что ты, сыне, ты совсѣмъ сомлѣлъ?..

(Въ испугѣ отходя отъ него на авансцену)

Аль чистая душа его-то чуетъ
Другого господина моего...
Не поборолъ! острожное нечадье!
Непостоянный, аки листъ древесный!
Отыди! сгинь! заклятіе младенца
Не повернуло все нутро твое?
Отыди, звѣрь, во дебри и вертепы!..
Тамъ обрасти струпьемъ и волосами,
Чтобъ въ ужасѣ и звѣрь и человѣкъ
Тебя бѣжалъ...

(Падаетъ на колѣни).

О, Господи! спаси!
И вся мірская злая,—яко бурю
На озерѣ Генисаретскомъ словомъ
Утишилъ,—укроти въ душѣ моей!
Да съ миромъ изъ сего изыду дому!..

(Къ Гришѣ)

Очнися, сыне! что ты? Богъ съ тобою!
Садись со мной, и облегчитъ Господь!

ГРИША *(вырываясь отъ него, живо).*

Я знаю, что мнѣ дѣлать: утоплюсь!
Такъ что за жизнь? тамъ словно свѣтъ какой,

А тутъ, вблизи—все темное! все рои
Бѣсовскіе... кувыркаются, скачутъ,
По лѣстницѣ бѣгутъ передо мною,
Согнувшися, что̀ свиньи... хари, морды...
Такъ жить нельзя! коль гибнуть, такъ ужъ сразу!

СТРАННИКЪ.

Ну, полно! не хули ты даръ Господень.
Противъ бѣсовъ молитва есть... я тоже,
Егда былъ младъ, то въочію ихъ видѣлъ,
И далъ отъ нихъ заклятіе мнѣ старецъ.
Съ горъ, сказывалъ, Кирилловыхъ явился...
Кирилловы-то горы знаешь?

ГРИША *(разсѣянно)*.

Что̀ тамъ,
Какія горы!

СТРАННИКЪ *(съ негодованіемъ)*.

Эхъ, Григорій! мало жъ
Ты просвѣтленъ! А христіане тоже!
Въ Ерусалимъ небесный, вишь, пошли,
Да въ полшути, куда пошли, забыли!
Кирилловы-то горы! даже власти,
Прослыша, знать хотѣли, что̀ за горы
Чудесныя, какіе, молъ, тамъ старцы
Скрываются? Кругъ всей бродили Волги,
И двадцать разъ чрезъ самую обитель
И мимо самыхъ старцевъ проходили,
А токмо лѣсъ и видѣли, да камень:
Но старцы и обитель зримы токмо
Для вѣрныхъ. Такъ Господь сіе устроилъ.
Но ты сего вмѣстить еще не можешь
И многаго, идѣже благодать
Господня есть и дѣйствуетъ понынѣ,
Спасая, аки праведнаго Ноя
Съ семьей среди великаго потопа,
Немногое число избранныхъ вѣрныхъ.

ГРИША.

Не гнѣвайся, а отпусти мнѣ, отче,
Вину мою! Со мной ужъ было это
Отъ бѣса омраченье... Вотъ какъ было
Тому теперь недѣли три, сошлися
Къ намъ странники, да трое, разныхъ вѣръ,
И спорили, и всякъ хвалилъ свою,
Да таково ругательно и блазно!

Какъ улеглись, я тоже легъ на одръ.
И такъ-то у меня заныло сердце;
И мысленно я сталъ молиться Богу:
„Дай знаменье мнѣ, Господи, какая
Передъ Тобой есть истинная вѣра?“
И не заснулъ—вотъ какъ теперь смотрю:
Вдругъ въ келью дверь тихонько отворилась,
И старичокъ такой лѣпообразный
Вошелъ и сѣлъ на одръ ко мнѣ, и началъ
Бесѣдовать, да ладно такъ и складно!
Всѣ хороши, молъ, вѣры передъ Богомъ;
Зритъ на дѣла, молъ, главное, Господь:
А что когда, молъ, знать желаешь больше,
Такъ приходи къ соборному попу...
И, какъ сказалъ онъ только: „попъ“—я вздрогнулъ,
Вскочилъ и крикнулъ: *Да воскреснетъ Богъ!*
Онъ и пропалъ—ну, видѣлъ я—во прахъ
Разсыпался... Съ тѣхъ поръ и опасаюсь...

СТРАННИКЪ *(вполнѣ вѣря)*.

И слѣдуетъ. Напущено отъ змія.

ГРИША.

Что я не спалъ, то вѣрно!

СТРАННИКЪ.

Вѣрно, вѣрно!

ГРИША.

А что же, отче, ты про старцевъ началъ?

СТРАННИКЪ.

Про старцевъ?.. Да, великое то дѣло!..
Вотъ прочитай изъ книжицы, увидишь,
Какіе это старцы, какъ живутъ...
(Достаетъ книгу и отыскиваетъ мѣсто).
Единаго отъ нихъ тутъ есть посланье
Ко братіи... Отсель: „а обо мнѣ...“

ГРИША *(читаетъ)*.

„А обо мнѣ вы не скорбите, братья!
Живу я въ мѣстѣ истинно спокойномъ.
Живу я со отцы святыми. Мужи
Сіи цвѣтутъ, что финики, что крины,
Что кипарисы въ тихомъ, злачномъ мѣстѣ.
Отъ устъ ихъ непрестанная исходитъ
Къ Всевышнему сердечная молитва,

Что муро добровонное, что ладанъ,
Что сладкій дымъ звенящаго кадила.
И, егда нощь, сія молитва зрима:
Изъ устъ ихъ огненнымъ столбомъ восходитъ
Она на небеса, и всей странѣ
Въ то время свѣтъ бываетъ отъ нея,
И можно честь безъ свѣщнаго сіянья.
И Богъ сіе имъ далъ, что возлюбиша
Всѣмъ сердцемъ Господа, и Самъ Господь
Ихъ возлюби; и все даетъ, что просятъ.
А просятъ же они не благъ житейскихъ,
Не временныхъ, прелестныхъ здѣшнихъ благъ,
А тишины и радости духовной,
Дабы, когда судить живымъ и мертвымъ
Пріидетъ Онъ во славѣ и сіяньи,
За подвиги великіе имъ воздалъ
Веселіемъ во царствіи небесномъ".

(Останавливается и смотритъ на странника въ тихомъ изумленіи).

Ужели есть теперь такіе старцы?

СТРАННИКЪ.

Ну, и куда бъ еще дѣваться имъ?
Вѣдь сказано, что будутъ пребывать
Незримы до пришествія Христова!

ГРИША.

Такъ... такъ... Ну, а молитва ихъ и нынѣ
На небѣ огненнымъ столбомъ видна?

СТРАННИКЪ.

Видать-то всѣ видаютъ, да не знаютъ,
Отколь столбы.

ГРИША.

А гдѣ же это будетъ?

СТРАННИКЪ.

Гдѣ? и въ Поморьѣ... и на Бѣломъ морѣ...
Тамъ съ карбаса, идя на рыбный промыслъ,
Видали. Паче же на Волгѣ, мѣсто
Надъ Балахной, въ странѣ Нижегородской:
Тамъ горы-то Кирилловы и есть!
И мимо ихъ судовъ проходитъ много.
Коль на судахъ народъ благочестивый,
То, что врата, разверзнутся вдругъ горы,
И другъ за другомъ старцы тѣ выходятъ,

И кланяются судоходцамъ въ поясъ,
И просятъ ихъ свезти поклонъ ко братьямъ,
Живущимъ внизъ по Волгѣ, въ Жигуляхъ;
И подойдетъ расшива къ Жигулямъ,
И судоходцы кличутъ громкимъ гласомъ:
„Гой, старцы жигулевскіе! веземъ
Мы вамъ поклонъ съ Кирилловой горы!“
И разступаются тутъ паки горы,
И алебастръ разверзнется и камень,
И другъ за другомъ выступаютъ старцы,
И за поклонъ пловцовъ благословляютъ.
И полетитъ тогда въ Низовье судно,
Ограждено отъ бурь и непогоды
Напутствіемъ боголюбивыхъ старцевъ.
А вотъ еще другое мѣсто есть:
Есть цѣлый градъ, стоящій многи вѣки
Невидимый, при озерѣ. И было
Сіе вотъ такъ: егда на Русь съ татары
Пріиде лютый царь Батый, и грады
Вся разорялъ и убивалъ людей,
И, аки огнь, потекъ по всей странѣ,
Противъ него великій князь Георгій
Ходилъ съ полки свои и былъ побитъ,
И побѣжалъ во славный Китежъ-градъ,
Его же сотвори во славу Божью;
И погнались татарове за нимъ;
И бысть во градѣ плачъ; и прибѣгоша
Во храмы люди, умоляя Бога,—
И Богъ яви Свою надъ ними милость
И сотвори неслыханное чудо:
Егда татары кинулись на приступъ,
Внезапу градъ содѣяся невидимъ!
И по ся дни стоитъ незримъ, и токмо
На озерѣ, когда вода спокойна,
Какъ въ зеркалѣ, онъ кажетъ тѣнь свою,
И видны стѣны съ башнями градскими,
И терема узорчаты, часовни
И церкви съ позлащенными главами...
Пречудное то зрѣлище! и явно—
Все на тѣни: какъ люди идутъ въ церковь,
И старицы и старцы, въ черномъ платьѣ,
По старинѣ одѣтые... И слышенъ
Оттуда гулъ колоколовъ... И тамо
Жизнь безпечальная, подобно райской!

А виденъ градъ всѣмъ жителямъ побрежнымъ,
Кругъ озера по утренней зарѣ,
Иль въ тихіе вечерніе часы,
Но внити въ оный можетъ токмо тотъ,
Кто путь прейдетъ, ни на минуту Бога
Изъ мысли не теряя; бо сей путь,
„Батыева тропа“ рекомый, страхи
И чудищи различными стрегомъ!
Претерпишь хладъ и гладъ. Звѣрь нападетъ
И зміи на тебя. Возстанетъ буря.
И бѣсы на тебя наскочутъ, съ песьей
Главою, съ огненными языками,
И эѳіопы черные, какъ уголь!
Ты все жъ иди впередъ и богомысли!
И побѣдишь всѣ дьявольскіе страхи;
Ни хладъ тебя, ни гладъ не остановитъ,
Ни звѣрь, ни змій, ни сатанинскій таборъ
Нигдѣ тебѣ въ пути не воспретитъ,—
Тебѣ врата отверзнутся во градѣ;
И выйдутъ старцы другъ за другомъ, съ пѣснью
Пріемлющи сподвижника и брата.

ГРИША.

О, Господи Ісусе! *(Живо)*
Вотъ что, отче:
Что хочешь, я исполню! всѣ, что хочешь!
А покажи хоть тѣнь святаго града!..
Какъ древніе ходили человѣки...
И звонъ-то, звонъ колоколовъ послушать...

СТРАННИКЪ.

И звонъ у нихъ серебряный и чистый,
И словно какъ не колоколъ гудитъ,
А ровно что небесная лазурь
Сама звенитъ.

ГРИША *(въ изумленіи)*.
Хрустальное-то небо!

СТРАННИКЪ.

Сіе все вамъ, въ міру живущимъ, чудно,
Бо въ тьмѣ пребысте, а чудесъ не мало
Есть на Руси. Градъ Китежъ не одинъ.
Есть церкви, перешедшія въ пустыню
Изъ людныхъ мѣстъ, съ попами и съ народомъ.
Съ Суры рѣки, изъ града Василя
Шелъ крестный ходъ въ Перепловеньевъ день.

И люди тѣ такъ Богу угодили,
Что церковь вдругъ пошла предъ крестнымъ ходомъ,
И крестный ходъ за ней! за ней!.. И горы
Ровнялися, и разступались рѣки,
Все шелъ народъ съ хоругвями и пѣньемъ,
Доколѣ въ Керженскихъ пустыняхъ церковь
Не стала, и взошли въ нее всѣ люди,
И до сихъ дней стоятъ въ ней и пребудутъ
До страшнаго пришествія Христова,
Святой канонъ пасхальный воспѣвая.
Повѣдаю о семъ я благовѣстье
Тебѣ за то, что возлюбилъ тебя
И что твою неопытность жалѣю;
Богъ дастъ, найдешь кого изъ добрыхъ старцевъ
И подъ его началомъ укрѣпишься,
Бо добрая еси ты почва: сѣмя
Не на песокъ онъ кинетъ, не на камень;
Прозябнетъ и, быть-можетъ, плодъ подастъ,
И вкусишь ты отъ благодати...

(Со вздохомъ)

Я же
Еще свершу здѣсь нѣкакій обѣтъ
И удалюсь безмолвствовать въ пустыню.
Прощай пока.

ГРИША *(упадая на колѣни)*.

Я, отче, не отстану—
Возьми меня.

СТРАННИКЪ.

Нѣтъ, миленькій, оставь!

ГРИША.

Не погуби! возьми! возьми съ собой!
Ужъ говорю, все сотворю! На смерть
Пойду! На муки! Ни единой мыслью
Не усумнюсь! Всѣмъ существомъ твой буду!
Возьми!.. Имѣю рвенье, отче... только
Возьми меня!

СТРАННИКЪ *(въ сторону)*.

Ну, вотъ вѣдь: самъ толкаетъ!
Самъ лѣзетъ!.. Аль ужъ съ нимъ пойти... Какъ знать?
Мнѣ, окаянному, Господь, быть-можетъ,
Въ семъ отрокѣ спасенье посылаетъ...

ГРИША *(встаетъ и живо)*.

Пѣть повелишь мнѣ пѣсню и плясать?

(Подпираетъ руки въ боки. Слышно, какъ проѣзжаетъ телѣга съ колокольчикомъ и пѣснями).

СТРАННИКЪ *(вскакивая)*.

Гуляютъ...

ГРИША.

Повелишь?

(Другая тройка; женскій голосъ слышнѣе прочихъ).

СТРАННИКЪ *(въ сторону)*.

Съ Отпѣтымъ катитъ!..

Ишь, залилась! чтобы ей пусто было!

(Къ Гришѣ, сурово)

Ну, что ты вздумалъ пѣть... вонъ тѣ орутъ...

А намъ съ тобой не это надо...

ГРИША.

Что же?

Что повелишь, все сдѣлаю.

СТРАННИКЪ *(рѣшительно)*.

А вотъ что:

Взаправду ли готовъ ты всяко бить

Антихриста: еретики бо суть!..

ГРИША *(горячо)*.

Еретика убить вѣдь можно?

СТРАННИКЪ.

Нѣтъ ужъ,

Что убивать! а если убивать,

Хозяйку-то убей ты сундукомъ...

Тотъ, съ деньгами, подымешь ли?

ГРИША.

Могу.

СТРАННИКЪ.

Ну, такъ поди, неси его сюда!

Затопимъ печь и запалимъ! иди!

(Толкаетъ его къ двери. Гриша уходитъ).

СТРАННИКЪ.

Вотъ я жъ вамъ дамъ ломаться надо мною!

Блудница вавилонская! да стерли бъ

Ей черти черныя-то брови! Змѣи бъ

Ей высосали ясны очи!

(Затапливаетъ печь, кидаетъ дровъ и соломы передъ печью; надѣваетъ суму, шапку-треухъ, охабень. Начиная собирать книги, останавливается передъ ними).

А грѣхъ-то сдѣланъ...

(Энергически)

Ну, въ послѣдній разъ!

(Выходя на авансцену)

Все замолю! все замолю! Зарокъ
Даю! Ты благъ, Господь! Ты милосердъ!
Разбойнику, блудницѣ Ты простилъ...
Изыдутъ у меня слезами очи!
Къ ногамъ Твоимъ паду и ужъ не встану,
Доколѣ не простишь! Спасу и мальца...
Надѣну власяницу. Плоть растлилъ—
Ожесточу!..

ГРИША *(приноситъ сундукъ, блѣдный, дрожащій).*

Вотъ, отче.

СТРАННИКЪ.

Ладно, ладно.

(Кладетъ ему руку на плечо).

Какъ только нѣчто справимъ здѣсь, въ пустыню!
Теперь постой же.

(Достаетъ изъ кармана связку отмычекъ и отпираетъ сундукъ).

ГРИША.

Ровно какъ въ туманѣ!

СТРАННИКЪ *(выбирая бумаги).*

Тутъ векселя... бумаги именныя—
Въ огонь, въ огонь!.. а это взять покамѣстъ.

(Суетъ въ сумку пачки денегъ).

Ну, зажигай!

(Зажигаетъ солому).

Да надѣвай шубенку!
Чего стоишь, Григорій!.. Заруби же:
Что бъ ты ни увидалъ теперь, не блазнись!
Наутріе въ пустыню! ну, скорѣе!

(Толкаетъ его передъ собой. Уходятъ. Пожаръ разгорается).

VII.

СНЫ.

Поэма въ четырехъ пѣсняхъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Ужъ въ зелени березъ есть вѣтки золотыя;
По небу рыхлыя, какъ комы снѣговые,
Отъ сѣвера плывутъ грядами облака;
Все ясно говоритъ, что осень ужъ близка;
Выходятъ старики, поля обозрѣвая,
И колосъ шелушатъ, про умолотъ смекая,
Пытаясь вынести изъ годовыхъ трудовъ
Крупицу опыта для будущихъ годовъ...
И въ жизни такъ пора приходитъ: разумъ строгій
Велитъ ужъ подводить подъ прожитымъ итоги,
И память повела его, какъ чародѣй,
Въ волшебный лабиринтъ, средь темныхъ галлерей,
И рядъ картинъ предъ нимъ во мракѣ озаряетъ...
На все, что̀ предо мной она разоблачаетъ,
Уже взираю я съ спокойною душой.
Ужъ все такъ далеко, все кажется мечтой!
Фигуры движутся, какъ въ дымкѣ ѳиміама,
Уже на все легла эпическая рама,
И свѣтъ таинственный, и муза въ тишинѣ
Все взоромъ обняла и пѣсни шепчетъ мнѣ...
О, сынъ мой, милый сынъ, какъ рѣзвый и живой,
Малютка розовый, играешь ты со мной!
Тебѣ по вечерамъ я сказываю сказки,
И вдругъ ты тяжело дышать начнешь, и глазки

Блеснутъ слезинкою... Задремлешь ли порой,
Задумываться я люблю передъ тобой,
И губокъ подвижныхъ въ измѣнчивомъ движеньи
Угадывать твои невинныя видѣнья...
И вотъ ты вырастешь... Быть-можетъ, для тебя
Судьба не дастъ сказать мнѣ сказку про себя:
Вотъ *Сны* тебѣ мои... въ нихъ все, что̀ хладный опытъ
Открылъ мнѣ, проведя чрезъ слезы, скорбь и ропотъ.
Свидѣтель будешь ты уже поры иной:
Быть-можетъ, наши *Сны* сочтешь уже мечтой
И сказкой нашъ удѣлъ и нашихъ дней страданья...
Молю, да будетъ такъ! . . . . . .

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Есть домикъ—онъ теперь глядитъ ужъ старцемъ сирымъ,
Но нѣкогда онъ мнѣ казался цѣлымъ міромъ!
Уютно онъ стоитъ между березъ и липъ,
У дома спускъ крутой, а тамъ—рѣки изгибъ,
И за рѣкою лучъ, сквозь дождевую тучу,
Блеститъ на городкѣ, на домахъ, сбитыхъ въ кучу.
Веселый смѣхъ дѣтей, какъ въ рощѣ пѣнье птицъ,
Звучитъ въ томъ домикѣ; въ немъ нѣтъ угрюмыхъ лицъ,
И видимо на всемъ благословенье Бога,
Хоть бѣдность не чужда была его порога;
Зато тамъ былъ пріютъ простыхъ и добрыхъ чувствъ,
И билися сердца при имени искусствъ.
Искусства труженикъ, безъ жажды славы лживой,
Отецъ мой тамъ обрѣлъ пріютъ себѣ счастливый.
Что̀ въ жизни вынесъ онъ, какимъ достигъ путемъ
Житейской мудрости,—не знали мы о томъ...
Вокругъ его друзья немногіе сбирались;
Всѣ вмѣстѣ старились... лишь смертью разлучались...
Намъ свято имя ихъ: они учили насъ...
Но онъ, божественный, бывало, углубясь,
Какъ бы исполненный душевнаго видѣнья,
Онъ пишетъ въ мастерской святыхъ изображенья,—
Все изъ саду къ нему заглядываемъ мы...
Все было чудно намъ средь влажной полутьмы

Въ пространной мастерской: болѣзненная дума
Въ лицѣ художника, творящаго безъ шума,

Въ самозабвеніи, статуи возлѣ стѣнъ,
Холодныя, какъ смерть, и подвижной манкенъ

Съ румяной маскою, съ горою кудрей жесткихъ,
Сидящій, какъ пророкъ, на плотничьихъ подмосткахъ.

Но бросилъ кисть отецъ, и „дѣти!“ крикнулъ намъ,
И мы со всѣхъ сторонъ бѣжимъ по цвѣтникамъ,

Всѣ, даже меньшіе, къ нему, привставъ на-цыпки,
Руками тянутся и ждутъ его улыбки...

О, много я часовъ въ той мрачной мастерской
Провелъ потомъ, носясь Богъ знаетъ гдѣ душой!..

Изъ братьевъ я хоть былъ всѣхъ старѣе годами,
Но разумъ спалъ во мнѣ, какъ зимъ подъ снѣгами...

Когда сбирались мы въ кружокъ по вечерамъ,
И мать изъ Библіи урокъ читала намъ,

Тяжелый сонъ меня одолѣвалъ при чтеньи...
Но помню, разъ она о первыхъ дняхъ творенья

Разсказывала намъ по книгѣ Бытія;
Впервые изумленъ, внималъ прилежно я,

И послѣ чтенія, какъ братья шли ужъ въ спальни,
Тихонько убѣжалъ я сада въ уголъ дальній

И, взоры устремивъ на звѣздный сводъ небесъ,
Казалось, понялъ смыслъ прочитанныхъ чудесъ.

Съ тѣхъ поръ ума во мнѣ Господень перстъ коснулся,
И онъ отъ празднаго бездѣйствія очнулся.

И много лѣтъ потомъ я помнилъ этотъ мигъ
И посвятилъ ему свой первый дѣтскій стихъ.

Когда же мать моя нашла его случайно,
Я, вспыхнувъ, убѣжалъ, стыдясь за трудъ свой тайный,

И плакалъ я, когда она меня нашла,
И кудри гладила, и съ лаской обняла,

Стараясь мнѣ взглянуть въ потупленныя очи...
Я точно вышелъ вдругъ на свѣтъ изъ мрака ночи,

И въ чудномъ блескѣ мнѣ являются всегда
И отрочества дни, и школьные года,

Когда безпечно пѣлъ я солнце, моря волны,
Волною на песокъ закинутые челны,

И дѣвъ невидимыхъ, которыхъ посвящалъ
Я въ красоты лѣсовъ, пустынь и дикихъ скалъ.

Но городъ, гдѣ я росъ, мой даръ считалъ юродствомъ.
Хоть люди въ немъ цвѣли отъ праздности дородствомъ,

Но праздность видѣли въ занятіяхъ моихъ
И кару—въ худобѣ моей за чтенье книгъ,

И лишь немногіе и близкіе знакомцы
Да бурсы городской смиренные питомцы

Мои творенія читали. Кто бранилъ,
Кто неумѣренной хвалой превозносилъ.

Но я почувствовалъ, что ихъ суда мнѣ мало.
Иное поприще мечта мнѣ открывала.

Къ намъ быстрая молва за вѣстью вѣсть несла,
Что въ мірѣ поднялась борьба добра и зла.

И каждое ловилъ я огненное слово,
И жаждалъ искусить свой духъ въ борьбѣ суровой...

Такъ въ замкѣ, на скалѣ, на днѣ сырой тюрьмы,
Вдругъ слышно узнику, среди глубокой тьмы,

Что съ моря выстрѣлы несутся боевые,
Все ближе... вотъ дрожатъ граниты вѣковые,

Вотъ парусъ, какъ пятно, въ окнѣ его мелькнулъ,
И вѣтръ къ нему занесъ и дымъ, и криковъ гулъ;

Кругомъ шипятъ въ водѣ и бьютъ о камень ядры;
Онъ слухомъ лишь слѣдитъ, какъ движутся эскадры,

И кинулся къ окну, да окна высоки!
И, проклиная цѣпь, онъ плачетъ отъ тоски...

И я рѣшилъ отцу открыть свои мученья
И на далекій путь просить благословенья.

Спокойно выслушалъ слова мои старикъ
И, помню, просіялъ, какъ юноша, въ тотъ мигъ.

„Тебѣ не мѣсто здѣсь“, сказалъ онъ, вдохновенный,
И къ матери повелъ въ покой уединенный.

И говорилъ я ей, что гибну я въ глуши;
Что даръ коснѣетъ мой въ бездѣйствіи души;

Что славное прошло для человѣка время;
Что новое Господь на землю бросилъ сѣмя;

Что въ душу избранныхъ его Онъ насадилъ,
И страждущимъ раздать велѣлъ, и часъ пробилъ:

Сіяетъ и для нихъ надежды свѣтъ любезный,
Какъ Ною радуга надъ безпредѣльной бездной;

Что зданья стараго дрожитъ уже скелетъ,
И въ трещины его ужъ новый блещетъ свѣтъ;

Что нѣкій мужъ, въ ночи являясь, мнѣ глаголетъ:
„Гдѣ посохъ твой? Вставай!“—и въ путь итти неволитъ.

„Пусти,—я умолялъ,—я буду утѣшать
Надеждой скорбнаго и добрыхъ прославлять!..“

Все выслушавъ, она промолвила мнѣ строго:
„Но гдѣ же знаменье, что это голосъ Бога?

Намъ сказано: не всѣ внушенья—отъ небесъ,
И образъ ангела пріемлетъ часто бѣсъ“.

А я: „Нѣтъ, не земнымъ подвигнутъ я внушеньемъ;
Его провѣрилъ я молитвой и сомнѣньемъ.

Кто знаетъ? То, надъ чѣмъ и старецъ изнемогъ,
Нерѣдко лепетомъ младенца скажетъ Богъ!

О, не держи меня и дай благословенье,
Да чистый шествую я ближнимъ во служенье“.

И голову склонилъ къ ея колѣнамъ я.
И, взоръ, то на отца стремя, то на меня,

Сказала дивная дрожащими устами:
„Тебѣ отвѣтствовать могу я лишь слезами!

Останешься ль у насъ—ты будешь тосковать
И скрытой скорбію мнѣ душу надрывать!..

Уйдешь... О, для чего тебя я породила!..“
Но больше говорить ей сила измѣнила,

И плакала она, склонясь ко мнѣ главой,
И тихо молвила: „Иди! Господь съ тобой!“

Досель, о, дивная, мнѣ образъ твой сіяетъ!
Слеза безмолвная съ рѣсницы упадаетъ...

Покорно говорятъ уста твои: „иди!“—
А руки жмутъ меня къ взволнованной груди...

Но вотъ отецъ развелъ твои тихонько руки
И обнялъ онъ тебя, свои скрывая муки,

Мнѣ подалъ знакъ уйти, а самъ тебѣ шепталъ
Слова святыхъ надеждъ и въ очи цѣловалъ...

И я оставилъ сѣнь отеческаго дома.
И дни прошли въ пути. Душевная истома

Меня лишала силъ. Осенній вѣтеръ вылъ...
Впервые понялъ я, какъ домъ отцовскій милъ.

Я всюду видѣлъ мать: душа ея болѣла,
Все что-то высказать, казалось, мнѣ хотѣла...

Изъ сердца моего, Богъ вѣдаетъ куда,
Мечты умчалися, какъ птички изъ гнѣзда...

Я на горы взошелъ. Долины въ мглѣ тонули,
И звѣзды въ небесахъ холодныя блеснули...
И страшнымъ сномъ въ ту ночь мой духъ былъ возмущенъ.
То былъ пророческій, тревоги полный сонъ.
Онъ возвѣстилъ мнѣ все, что послѣ совершилось...
Но поздно мнѣ его значеніе раскрылось.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Мнѣ снилось, что я все въ горахъ еще бродилъ.
Всечасно на пути мой шагъ межъ плитъ скользилъ.
Лопухъ, чертополохъ за платье мнѣ цѣплялись,
И будто духи, въ нихъ дремавшіе, взвивались
И били крыльями, какъ птицы. Грудь мою
Сжималъ пустыни страхъ. Вдругъ вижу, на краю
Обрыва горъ стоитъ почтенный странникъ, рѣзко
Рисуясь статуей на небѣ, полномъ блеска.
Я радостно, узрѣвъ живое существо,
Какъ младшій старшаго, привѣтствовалъ его.
Онъ поднялъ голову, какъ будто съ неохотой
Прощаясь съ думою и тяжкою заботой.
„Куда стремишься ты?“ спросилъ онъ. Я въ отвѣтъ:
„Ищу я истины, иду туда, гдѣ свѣтъ“.
Онъ на слова мои такъ горько улыбнулся,
Что я потупилъ взоръ и духомъ содрогнулся.
Но, тотчасъ прежній видъ спокойствія принявъ,
Онъ молвилъ кротко мнѣ: „Да, юноша, ты правъ.
Иди за мной. Тебѣ я славный путь открою“.
Сказавъ, онъ до меня дотронулся рукою,
И полетѣли мы въ пространствѣ голубомъ,
Какъ два орла летятъ, не двигая крыломъ.
Воздушный сей полетъ мнѣ не казался страннымъ.
Долъ скрылся. Мѣсяцъ всплылъ надъ облакомъ туманнымъ,
Какъ будто снѣжную мятель въ немъ серебря,
И духъ мой веселъ былъ. Когда жъ зажглась заря,
Обширный увидалъ я городъ. Въ немъ, какъ ленты,
Шли улицы. Кругомъ дворцы и монументы,
И башни, и мосты. Народъ вездѣ кишилъ,
Какъ въ муравейникѣ, и къ площади валилъ,

Гдѣ цѣльные быки на вертелахъ вращались,
Пылали маяки и знамена качались

И сталъ я различать, спускаясь, звукъ трубы,
И стонъ, и вой, и крикъ, и частый трескъ пальбы.

У городскихъ воротъ спустились мы на землю,
И я едва успѣлъ опомниться, какъ внемлю,

Что по полю на насъ толпа людей валитъ,
Какъ туча черная, и дико голоситъ.

Какъ пухъ во облакѣ поднятой вихремъ пыли,
Помчался съ ними я. Они въ крови всѣ были,

И я гляжу—на мнѣ одежды не мои!
Я тронулъ ихъ рукой—смотрю, рука въ крови;

Я крикнуть къ спутнику хотѣлъ, но вижу: краснымъ
Онъ машетъ колпакомъ и голосомъ ужаснымъ

Передъ толпой вопитъ, какъ звѣрь свирѣпъ, косматъ...
„То онъ ли?“—думалъ я и страхомъ былъ объятъ.

Но онъ, схвативъ меня рукой:—„Бѣснуйся съ ними!
Кричи!—сказалъ,—и прочь съ сомнѣньями пустыми!“

Вбѣжали въ городъ мы. Дома одни горятъ,
Другіе грудою дымящейся лежатъ;

Повсюду битвы слѣдъ. Размощены дороги,
Объ мертвыхъ, что ни шагъ, то путаются ноги.

Тамъ съ шпагою въ рукѣ патрицій молодой
Лежитъ, упавъ навзничь, съ разбитой головой.

Тамъ женщина: съ одеждъ струею кровь лѣется,
А на груди ея живой ребенокъ бьется;

За горло двое тамъ схватясь, разинувъ зѣвъ,
Валялись мертвые, въ борьбѣ окостенѣвъ.

Тамъ груды цѣлыя, и мы чрезъ нихъ неслися,
И выбѣжали вдругъ на площадь, гдѣ стеклися

Несмѣтныя толпы и точно ждали насъ
Вокругъ большихъ костровъ, крича и веселясь.

И начали кидать въ костеръ сокровищъ груды.
Со звономъ лопались хрустальные сосуды.

Церковной утвари расплавленный металлъ
Съ костра горящими ручьями ниспадалъ.

На куклу вздѣвъ вѣнецъ и царскіе доспѣхи,
Ее повергли въ огнь при сатанинскомъ смѣхѣ.

„Воспой ихъ торжество!“—мой спутникъ мнѣ вопилъ,
Но новый шумъ меня сильнѣй того смутилъ.

Я вижу—женщину везутъ на колесницѣ
И честь ей воздаютъ, какъ слѣдуетъ царицѣ.
То полная была, румяная жена,
Чело въ вѣнкѣ изъ розъ, до чреслъ обнажена.
На клики и почетъ, что̀ чернь ей расточала,
Ругательствомъ она и смѣхомъ отвѣчала.
Вокругъ танцовщицы шли, бубнами стуча,
Жрецы и трубачи, и вѣстники, крича:
„Раздайтесь! Се Любви богиня, Мать-Природа!“
Какъ змѣй ползетъ въ нору, вся вереница хода
По лѣстницѣ во храмъ ушла. И я толпой
Туда же вдвинутъ былъ. Тутъ духъ смутился мой
Инымъ позорищемъ. Весь храмъ сіялъ огнями.
Отъ верху до низу, какъ въ циркѣ, ступенями,
Шелъ помостъ, какъ цвѣтникъ, толпой мужей и женъ
Пестрѣя. Посреди былъ идолъ водруженъ—
Сатиръ, при хохотѣ вакханки богомерзкой,
Срывающій покровъ съ весталки лапой дерзкой.
У ногъ кумира сонмъ жрецовъ стѣной стоялъ
И въ пламенныхъ рѣчахъ собранью возглашалъ:
„Возрадуйтесь! Конецъ насильству и работѣ:
Мы міръ преобразить грядемъ во имя плоти!“
Въ отвѣтъ, при стукѣ чашъ, при кликахъ торжества,
Вокругъ раздался взрывъ хуленій божества,
И съ наглостью мужи и жены предъ собраньемъ
Являли свой восторгъ безстыднымъ лобызаньемъ.
Мой спутникъ тихо мнѣ: „Сегодня конченъ бой.
За власть на утро же подымется другой.
Покуда—твой чередъ. Мгновеніе приснѣло,
И слава—твой удѣлъ, лишь, что̀ скажу я, дѣлай!“
Сказавъ, явился онъ въ кругу жрецовъ другихъ,
Какъ ихъ верховный жрецъ, въ одеждахъ дорогихъ.
Предъ голосомъ его ихъ крики были малы.
Такъ предъ рыканьемъ льва смолкаютъ вдругъ шакалы,
И хоръ болотныхъ жабъ, и крики птицъ ночныхъ,
И всякій звукъ въ степи замретъ на краткій мигъ.
Ругаясь надъ трудомъ, надъ тропомъ, надъ святыней,
Онъ чернь превозносилъ и, призывая нынѣ
Ее къ великому свободы торжеству
И нагимъ образомъ уподобляя льву,

Который, цѣпь разбивъ и надышавшись волей,
Отъ гнѣва отдыхать улегся на престолѣ,—
Воззвалъ ко мнѣ: „Пѣвецъ! Вотъ наше божество!
(На идолъ указавъ) Воспой же намъ его!“
И подалъ съ высоты мнѣ золотую лиру.
Но, любострастному въ лицо взглянувъ сатиру,
Негодованія не могъ я превозмочь
И лиру срамную отбросилъ гнѣвно прочь.
„Свобода,—я вскричалъ:—не миръ, не рабство крови,
А духа торжество и благодать любви!
Отъ сердца пѣснь моя; а сердцемъ чуждъ я вамъ
И гимна не спою разнузданнымъ страстямъ!“
Мой спутникъ съ высоты меня окинулъ взоромъ,
И взоръ его блеснулъ, какъ молнія, укоромъ.
Но я, трепещущій, далеко былъ. Въ тотъ мигъ
Видѣнья чистыя моихъ пустынь родныхъ
И профиль матери, предъ образомъ стоящей,
Мелькнули предо мной... Такъ путникъ, весь дрожащій,
Въ грозу, при молніи увидитъ предъ собой
Вдругъ церковь бѣлую средь темноты густой.
Но то былъ мигъ одинъ. По храму гулъ промчался.
И, точно громъ въ горахъ, ужасный крикъ раздался:
„Въ огонь его, въ огонь поборника цѣпей!“
И все задвигалось. Жрецы отъ алтарей,
Съ подмостковъ вся толпа, какъ лютыхъ тигровъ стая,
Рванулась на меня, все на пути ломая...
Я схваченъ, поднятъ былъ и, слыша дикій вой,
На звѣрскихъ лицахъ вкругъ конецъ читая свой,
Я бился, выскользнуть стараясь на свободу,
Какъ угорь пойманный скользитъ и рвется въ воду
Изъ рукъ дѣтей, въ весну щумливою гурьбой
Пришедшихъ на расплёсъ, оставленный рѣкой.
Но, выбившись изъ силъ, уже я помню смутно,
Что съ хохотомъ слился народа ревъ безпутный,
И я надъ бездною туманною стою,
И подлѣ путникъ мой, личину снявъ свою.
Какъ прежде, важенъ, тихъ, и съ кротостью благою—
„Прощай,—мнѣ говоритъ:—мы встрѣтимся съ тобою.
Но помни: океанъ, бушуя, илъ со дна
Подъемлетъ, но потомъ уляжется волна,

И берега цвѣтутъ отъ брошеннаго ила".
Значенье этихъ словъ тогда мнѣ тайной было.
Отъ ужаса едва сознаніе храня,
Я смутно понималъ, что вождь мой спасъ меня.
И онъ исчезъ. И тутъ отъ скорби и смятенья
Я сталъ переходить въ холодное забвенье.
Лишь чувствовалъ, что мракъ вокругъ меня густѣлъ,
Сырой, ужасный мракъ... и я летѣлъ, летѣлъ...

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Когда заблудшійся въ ночи въ лѣсу густомъ
Вдругъ слышитъ шопотъ струй и, слухомъ лишь ведомъ,
Приходитъ къ озеру, и вдругъ, на влагѣ спящей
Увидитъ—огонекъ плыветъ къ нему дрожащій,—
Понявъ, что то ладьи вдоль берега кружатъ,
Что раковъ тамъ иль сонныхъ щукъ багрятъ,
Онъ мыслитъ, что спасенъ отъ голода и звѣря,
И дышитъ радостно, въ свое спасенье вѣря,—
Такъ жизни свѣтъ въ душѣ я снова ощутилъ.
Еще безъ голоса, но очи ужъ открылъ
И, приходя въ себя, былъ радъ, что сердце билось,
И все понятнѣе кругомъ мнѣ становилось.
На лѣстницѣ дворца лежу я недвижимъ
Въ иномъ ужъ городѣ. Патруль прошелъ. Но имъ
Я не замѣченъ былъ. Заря межъ тѣмъ вставала,
И блѣдная лазурь на небѣ оживала.
Я всталъ и въ путь пошелъ. Все тихо. Ни собакъ
Ни запоздавшихся по улицамъ гулякъ.
Вотъ зданье, все темно, но ужъ надъ нимъ зарею
Сіяла статуя, держа вѣсы рукою.
Тамъ первые лучи заискрилися вдругъ
На буквахъ золотыхъ. Прочелъ я: „Храмъ Наукъ".
Я дальше. Вотъ чертогъ. Ужъ оконъ верхній ярусъ
Горитъ, какъ жаръ. Лѣсъ мачтъ, кой-гдѣ алѣвшій парусъ,
Меркурій и Нептунъ мнѣ дали разумѣть,
Что то торговли храмъ. Успѣлъ лишь оглядѣть
Его, какъ пантеонъ узрѣлъ я величавый
„Гражданскихъ доблестей и дѣлъ воинской славы".

На солнцѣ онъ ужъ весь сіялъ. Къ нему пути
Уставлены людьми, литыми изъ мѣди.

Съ гранитной лѣстницы, опершись о перила,
Смотрѣлъ я внизъ, и духъ мой радость окрылила.

Столбъ солнечныхъ лучей забрызгалъ по рѣкѣ;
Съ церквей понесся звонъ. Вблизи и вдалекѣ

Задвигался народъ; суда пошли, обозы...
„О, вотъ счастливый край!“—воскликнулъ я сквозь слезы.

Тутъ двинулись полки, литаврами гремя.
Народъ въ какой-то храмъ бѣжалъ. За нимъ и я.

„Алтарь отечества“, прочелъ я у фронтона.
Войска туда несли развитыя знамена.

Явился царь. Какъ левъ, спокоенъ былъ онъ, тихъ;
Какъ солнце онъ сіялъ средь подданныхъ своихъ,

Среди сподвижниковъ цвѣтущихъ и маститыхъ,
Широкой лентою черезъ плечо повитыхъ.

Съ явленіемъ его въ строю блестящихъ ротъ
Раздался звучный кликъ, и шапки снялъ народъ.

Мнѣ въ душу ясный ликъ царя запалъ глубоко,
И я для сей страны сталъ гимнъ слагать высокій.

Попарно ужъ стихи рождались въ головѣ;
Виднѣлась бездна рифмъ, какъ по лугу въ травѣ

Блестящіе цвѣты, и ими прихотливо
Сталъ мысль я убирать и стихъ ловить счастливый,

Какъ праздникъ кончился и, говора полна,
Отъ храма хлынула народная волна.

Я съ нею двинулся. Но духъ мой умиленный
Смущенъ картиною нежданною мгновенно.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Вотъ городъ кончился, вотъ поле вкругъ глухое,
А все въ ушахъ „бѣги!“ звенѣло роковое,

„Бѣги!“—но скоро я упалъ, изнеможенъ,
Вцѣпяся въ спутника, но гнѣво рвался онъ...

Такъ утопающій товарища хватаетъ,
Который самъ терять ужъ силы начинаетъ

И въ ужасѣ, презрѣвъ несчастнаго мольбу,
Въ богопротивную вступаетъ съ нимъ борьбу...

Но мигъ, и вырвался вожатый мой и скрылся...
Широкій горизонтъ вдругъ мракомъ обложился...
Въ тупомъ безсмысліи глядѣлъ я, какъ исчезъ
Послѣдній лоскутокъ лазуревыхъ небесъ,
И показалось мнѣ, что Богъ во глубь эѳира
Уходитъ, отвратя лицо свое отъ міра,
А сумрачный Князь Тьмы, съ тіарой на челѣ,
Побѣдно шествуетъ владыкой по землѣ,
И съ нимъ его сыны, какъ псовъ голодныхъ своры,
Трибуны и жрецы, клеветники и воры...
И вотъ ужъ съ грохотомъ тяжелыхъ колесницъ
Все ближе визгъ и вой... я палъ на землю ницъ,
Слова младенческихъ молитвъ припомнить тщился,
И только „Отче нашъ“ сказалъ—и пробудился.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Съ тѣхъ поръ прошли года... Обманутъ вѣрой страстной,
Я въ жизни изнемогъ... Сбылся мой сонъ ужасный!..
Повсюду, пламеннымъ мечтамъ моимъ въ отвѣтъ,
Въ судьбахъ народовъ я читалъ: „Надежды нѣтъ!“
Съ презрѣніемъ въ душѣ къ безсилью человѣка,
Всѣ боли раздѣливъ обманутаго вѣка,
Равно я поражалъ насмѣшкою своей
И вѣру стариковъ и страстный пылъ дѣтей.
Сомнѣнье стало мнѣ и гордостью и мукой,
И имъ кичился я надъ чернью близорукой.
Лишь тотъ, кто слышалъ разъ, какъ, падая, стучитъ
Земля о хладный гробъ, гдѣ трупъ любезный скрытъ,
Пойметъ, какъ тяжело душѣ, въ порывѣ къ благу,
Съ горячей вѣрою терять на жизнь отвагу;
Пойметъ, какъ тяжело, стуча рукою въ грудь,
Въ отчаяньи стонать: „Все тщетно; конченъ путь!
Нѣтъ! съ жизнью нечего мнѣ больше лицемѣрить:
Въ ней нечего любить и не во что въ ней вѣрить!“
Болящею душой въ забвеньи потонуть
Хотѣлось мнѣ, и вотъ опять я вышелъ въ путь...
Дохнуть мнѣ воздухомъ пустынныхъ мѣстъ хотѣлось,
Гдѣ сладко нѣкогда мнѣ думалось и пѣлось...

Я шелъ, и каждый мигъ яснѣй мнѣ образъ былъ,
Какимъ я тотъ же путь когда-то проходилъ
Тотъ образъ точно шелъ теперь со мною рядомъ,
Какъ мальчикъ съ старцемъ, то допрашивая взглядомъ
Иль словомъ старика, то мчась за мотылькомъ,
То лепеча съ собой, Богъ вѣдаетъ о чемъ.
И душу умилилъ мнѣ спутникъ мой незримый,
Святымъ невѣдѣньемъ и вѣрою водимый.
Вонъ церковь вдалекѣ, и онъ свернулъ съ пути
Туда вечернія молитвы принести;
Колодецъ—тамъ стоитъ крестьянка молодая,
Толпятся овцы вкругъ, у пойла ожидая;
Онъ дѣву мысленно Ревеккою зоветъ.
Тамъ жатва; трудъ кипитъ, сверкаетъ серпъ, и вотъ
Изъ книги Руѳи стихъ, какъ рожь благоуханный,
Твердитъ онъ, запахомъ колосьевъ обаянный...
И вотъ на рубежѣ лѣсовъ и горъ родныхъ
Благословенный сонъ коснулся вѣждъ моихъ.
Мнѣ снилось: сквозь туманъ ищу я все дорогу,
Но вотъ густая мгла рѣдѣетъ понемногу;
Долина чудная открылась предо мной;
Сады цвѣтутъ вдоль горъ, алѣющихъ зарей;
Озера розовымъ вдали сіяютъ блескомъ,
И воды нѣжатъ слухъ, какъ арфы, звучнымъ плескомъ.
Прохладный вѣтерокъ на голову и грудь
Порхнулъ мнѣ, и едва я имъ успѣлъ дохнуть,
Какъ вижу: предо мной та Муза, что̀ слетала
Ко мнѣ въ тѣ дни, какъ мать намъ Библію читала,
И та же у нея звучала пѣснь въ устахъ,
И въ этой пѣснѣ все, какъ въ утреннихъ лучахъ,
Дышало свѣжестью—святыя сердца грезы,
Молитвой тихою исторгнутыя слезы,
И счастья и добра высокій идеалъ...
И, слушая ее, я тихо зарыдалъ.
Она жъ мнѣ ласково: „Мечтатель одинокій!
Какъ смертный, какъ слѣпецъ свершилъ ты путь далекій!
Изъ жизни міра ты единый видѣлъ мигъ:
Его не обнялъ ты и смысла не проникъ!
Послѣдуй же туда, гдѣ смертныхъ судъ смолкаетъ“.
И вотъ Небесная мнѣ руку простираетъ,

И, какъ двѣ горлицы, теряясь въ лучахъ
Златого утра, мы помчались въ небесахъ.

Въ странахъ заоблачныхъ полетъ нашъ удержала
Она и молча внизъ рукой мнѣ указала.

Святая на землѣ царила тишина.
Я жадно узнавалъ, гдѣ городъ, гдѣ страна,

Въ которыхъ я бывалъ, гдѣ тщетно тратилъ силы,
Гдѣ лучшихъ сверстниковъ оплакивалъ могилы...

Но—чудо! Города, которые, кляня,
Въ слезахъ отчаянья навѣкъ покинулъ я,

Въ которыхъ, думалъ я, все гибнетъ безъ возврата
Отъ беззаконія, слѣпотства и разврата—

Блистаютъ и цвѣтутъ! На всемъ печать труда!
Какъ чайки, къ нимъ плывутъ крылатыя суда...

Вонъ слышны молотовъ удары, вздохи машинъ,
И рогъ пастушескій, и пѣснь съ луговъ и пашенъ,

И, изумленіемъ проникнутъ, я спросилъ:
„Какой же это міръ? Откуда столько силъ?

Вотъ край. Онъ сдавленъ зломъ, но рвется жизнь отвсюду,
Какъ сочная трава сквозь каменную груду.

А это что?... Смотри: тамъ люди строятъ храмъ...
Ужель то зодчій ихъ?.. Да, точно!.. То онъ самъ!..

Его я видѣлъ разъ... онъ былъ тогда ужасенъ!..
Какъ онъ задумался! Какъ силенъ! Какъ прекрасенъ!..“

Она жъ:—„На время духъ пытливый усмири.
Я трепещу сама. Всѣ силы собери,

Какъ бы готовяся на подвигъ чрезвычайный...
Я подыму покровъ теперь съ великой тайны“.

И вотъ, клубясь, съ земли промчался ѳиміамъ.
Какъ въ арфѣ струнный гулъ, послышалося намъ,

Что звуки носятся по горнему чертогу.
И Муза:—„То летятъ мольбы народовъ къ Богу!

Внимай!“ И трепеща, въ мольбахъ земныхъ племенъ
Услышалъ я слова: „Отецъ! Ты совершенъ—

Да будемъ, яко Ты, и мы всѣ совершенны!“
Тутъ точно съ глазъ моихъ покровъ совлекся тлѣнный,

Но Муза мнѣ:—„Молись отъ сердца полноты!
Предъ человѣчествомъ глубоко грѣшенъ ты.

Знай, къ свѣту жизнь его стремится шагомъ твердымъ.
Въ ней страсти разныя звучатъ однимъ аккордомъ.

И слышитъ полноту и мощь его лишь Богъ...
Мысль не проходитъ міръ безъ жертвы и тревогъ,
И зло въ рукѣ Творца есть жезлъ вождя желѣзный
Вамъ указующій на пропасти и бездны.
Ты человѣчества таинственный удѣлъ
Лишь жизнью смертнаго измѣрить захотѣлъ...
Нѣтъ, поколѣнья въ немъ, событія и люди,
Какъ цвѣтъ одинъ, какъ мысль, какъ вздохъ могучей груди,
Идетъ оно впередъ, безмолвно какъ судьба,
Ступаетъ на цвѣты, ступаетъ на гроба,
Упадшихъ жертвъ въ средѣ своей не замѣчая,
То руша, то творя и каждый мигъ мужая...
Безумецъ, подыми въ веселіи чело!
Въ самомъ въ немъ сила есть, врачующая зло:
Тамъ—грянетъ вдругъ она торжественнымъ ударомъ
Войной, и ужасомъ, и кровью, и пожаромъ;
Здѣсь—всходитъ, какъ заря, въ предызбранныхъ мужахъ
Нерѣдко съ царскою порфирой на плечахъ...
Ты плачешь... То слеза любви и умиленья!..
Но вижу я въ тебѣ еще одно сомнѣнье.
Какъ созерцаньемъ звѣздъ, ты мыслію одной
О человѣчествѣ подавленъ и съ тоской
Ты мыслишь: что же ты въ безгранномъ этомъ морѣ?
Былинка, прахъ, ничто? Что трудъ твой? Слезы, горе?
Изъ малыхъ капель слитъ могучій океанъ:
Такъ съ человѣчествомъ, о, смертный, ты сліянъ!
Ты—часть его, ты—лучъ единаго свѣтила!
Твой жребій съ нимъ одинъ, въ тебѣ одна съ нимъ сила!
Стремися лучшимъ быть, трудись, иди впередъ—
И вѣруй: чистый трудъ во благо всѣхъ идетъ..
И ты, пѣвецъ,—блаженъ, блаженъ, что зналъ страданья!
Ты утвердишь на нихъ души своей созданья!
Терновый путь ведетъ пѣвца до высоты,
Откуда ясенъ міръ—ея достигнулъ ты,
И пусть изъ царства зорь, изъ міра благовоній,
И вѣчной юности, и свѣта, и гармоній,
На землю падаетъ святая пѣснь твоя,
Какъ въ знойный день роса, свѣжащая поля,
Какъ лучшей жизни вѣсть, какъ пѣнье вольной птицы,
Мелькнувшей узнику въ отверстіи темницы.

Блаженствомъ чистыхъ слезъ смягчивъ сердца людей,
Та пѣснь ихъ возродитъ для новыхъ, лучшихъ дней...“
О, рѣчи чудныя!.. И я впивалъ ихъ жадно,
Какъ нива въ засуху впиваетъ дождь отрадный...
Мой жребій просіялъ. Мгновенно новый свѣтъ
Мнѣ разомъ озарилъ событья многихъ лѣтъ...
Какъ шумъ незримыхъ водъ, въ грядущемъ, въ то мгновенье
Почуялъ я тоску и радость вдохновенья...
И полнъ восторга, въ путь я снова поднялся...
И вотъ—они шумятъ, родимые лѣса!
Вотъ старыхъ липъ верхи, и вотъ, меня встрѣчая,
Визжитъ домашній песъ... Вотъ домъ, вотъ мастерская,
И у треножника сидитъ сѣдой старикъ
И пишетъ, прослезясь, Скорбящей Дѣвы ликъ.
Знакомымъ голосомъ встревоженъ, кисть бросаетъ...
Вотъ съ воплемъ мать бѣжитъ, смѣется и рыдаетъ,
И къ сердцу жметъ меня, и шепчетъ въ тишинѣ:
„На горе ты рожденъ... но тѣмъ и милъ ты мнѣ!“

Корветъ „Баянъ“.
1856—1858.

VIII.

ИЗЪ АПОКАЛИПСИСА.

Гл. IV.

Видѣнье было мнѣ: внезапно небо
Разверзлося, и гласъ, трубѣ подобный,
Подобный шуму многихъ водъ падущихъ,
Мнѣ рекъ: „Взойди сюда и виждь, что̀ будетъ“.
И я узрѣлъ—престолъ. На немъ Сѣдящій
Сіялъ, какъ аспидъ-камень или сардисъ.
И радугой смарагдовой престолъ
Былъ окруженъ, и двадесять четыре
Вокругъ него другихъ престола было,
И двадесять четыре возсѣдало
На оныхъ старца, въ бѣлыхъ одѣяньяхъ
И со златыми на главахъ вѣнцами.
И отъ престола исходили громы
И молніи, и гласы, и горѣли
Семь огненныхъ свѣтильниковъ предъ нимъ.
И предъ престоломъ было словно море
Стеклянное, и вкругъ него четыре
Животныхъ, испещренныя очами.
И первое—подобно было льву;
Тельцу—другое; третье же имѣло
Ликъ человѣческій, а остальное—
Летящаго орла имѣло видъ.
И по шести они имѣли крылъ,
И день и ночь взывали: „святъ, святъ, святъ
Господь Богъ Вседержитель нынѣ, присно
И во̀ вѣки вѣковъ“. Когда жъ взывали—
Съ своихъ престоловъ поднимались старцы,
И поклонялися, и полагали
Свои вѣнцы передъ большимъ престоломъ,
И говорили: „Ты еси достоинъ,
Господь, пріяти славу, честь и силу,

Бо сотворилъ Ты все и все содержишь,
И волею Твоей все существуетъ".

Гл. V.

И видѣлъ я: Сѣдящій держитъ книгу,
И книга та исписана снаружи
И изнутри. И семь на ней печатей.
И громкимъ гласомъ ангелъ вопросилъ:
„Кто оную открыть достоинъ книгу
И сняти съ оной седмь ея печатей?"
И никого достойныхъ не явилось
Ни на землѣ ни на небѣ, и плакалъ
Я, что достойныхъ нѣтъ ее открыть.
Тогда одинъ изъ старцевъ мнѣ сказалъ.
„Не плачь: се левъ, исшедшій изъ колѣна
Іудина и корени Давида,
Что побѣдилъ,—Онъ разогнути книгу
И сняти седмь ея печатей можетъ".
И я взглянулъ—и видѣлъ: межъ престола
И четырехъ животныхъ и средь старцевъ
Стоитъ какъ бы закланный Агнецъ, седмь
Роговъ и седмь имѣющій очесъ.
Онъ подошелъ, взялъ книгу изъ десницы
Сѣдящаго,—и пали передъ агнцемъ
Животныя и старцы, каждый гусли
Держащіе и золотыя чаши,
Изъ коихъ ѳиміамъ курился (а то были
Святыхъ мольбы). И новую они
Воспѣли пѣснь: „Достоинъ взять Ты книгу
И снять съ нея печати: былъ закланъ
И искупилъ Своей насъ кровью, всѣхъ,
Изъ всякаго колѣна и народа,
И племени, и языка, и стали
Мы Господу іереи и цари,
И на землѣ Тобою воцаримся".
И видѣлъ я и слышалъ голосъ многихъ
Окрестъ престола ангеловъ, животныхъ
И старцевъ (ихъ число же бысть тьмы темъ),
И возглашали всѣ: „Достоинъ Агнецъ
Закланный честь пріять, премудрость, силу,
Богатство, славу и благословенье!"
И всякое созданіе на небѣ
И на землѣ, и подъ землей, и въ морѣ,
Вся сущая въ нихъ говорили: „слава

И честь, и крѣпость, и благословенье
Отъ всѣхъ Тебѣ, Сѣдящій на престолѣ,
И Агнцу нынѣ, присно и вовѣки!“
И изрекли животныя: „аминь“,
И двадесять четыре старца пали
И поклонились Сущему вовѣки.

Гл. VI.

И видѣлъ я, что первую печать
Снялъ Агнецъ,—и одно изъ четырехъ
Животныхъ мнѣ сказало громкимъ гласомъ:
„Иди и виждь“. И видѣлъ я: конь бѣлъ.
На ономъ всадникъ держитъ лукъ, и данъ
Ему вѣнецъ, и шелъ какъ побѣдитель,
Чтобъ побѣждать.
Вторую снялъ печать Онъ:
Второе мнѣ животное сказало:
„Иди и виждь!“ И видѣлъ я: конь рыжъ.
На ономъ всадникъ посланъ былъ, чтобъ миръ
Съ земли унесть,—да убіютъ другъ друга.
И данъ ему большой былъ мечъ.
И третью
Онъ снялъ печать, и третье мнѣ сказало
Животное: „иди и виждь“. И—се:
Конь вороной. Держалъ мѣрило всадникъ.
И слышалъ я среди животныхъ голосъ:
„Хеникс *) пшеницы за динарій. Три
Хеникса *ячменя—динарій тоже.*
Елея жъ и вина не повреждай“.
Четвертую печать Онъ снялъ, и мнѣ
Четвертое животное сказало:
„Иди и виждь“. И я взглянулъ: конь блѣденъ.
На ономъ всадникъ—Смерть. И цѣлый адъ
За нею шелъ. Ей власть была дана
Надъ четвертью земли, чтобъ умерщвлять
Людей мечомъ, и голодомъ, и моромъ,
И всякими звѣрьми земными.
Снялъ
Онъ пятую печать, и я увидѣлъ
Подъ алтаремъ за слово Божье души
Побитыхъ, возопившія: „Доколѣ,
Святый Владыко Истинный, не судишь

*) Мѣра.

За нашу кровь живущихъ на землѣ!“
И бѣлыя даны имъ были ризы,
И сказано, да почіютъ, покуда
Сотрудники и братья ихъ не примутъ
Такую жъ смерть и тѣмъ число пополнятъ.
Шестую снялъ печать Онъ, и я видѣлъ:
Восколебалася земля. И солнце,
Что вретище, потускло. И луна
Кровавой стала. Звѣзды съ небеси
Посыпались, какъ сорванные вѣтромъ
Незрѣлые плоды со смоковницы,
И небо скрылось, свившися, какъ свитокъ,
Съ великимъ шумомъ. Всякая гора
И островъ сдвинулися съ мѣстъ своихъ,
И всѣ цари земные и вельможи,
Богатые и бѣдные, рабы
И вольные укрылися въ пещеры,
И слезно говорятъ горамъ и камнямъ:
„Разсыпьтеся на насъ вы, горы! Скройте
Насъ отъ лица Сѣдящаго на тронѣ
И гнѣва Агнца! Се грядетъ день страшный,
День гнѣва и суда! Кто устоитъ?“

Гл. VII.

И четырехъ я ангеловъ узрѣлъ,
На четырехъ концахъ земли стоящихъ
И дѣржащихъ земныхъ четыре вѣтра,
И власть имѣвшихъ оными вѣтрами
Морскую хлябь и сущу истязать.
И пятый ангелъ отъ страны восточной
Восшелъ и кликнулъ имъ: „Не повреждайте
Ни древъ, ни травъ, ни моря, ни земли,
Доколь мы на чело рабовъ Господнихъ
Печати не положимъ!..“ И число
Запечатлѣнныхъ слышалъ я: сто сорокъ
Четыре тысячи отъ всѣхъ колѣнъ
Израиля; и сверхъ того, несчетно
Людей изъ всѣхъ племенъ земныхъ стоядо
Передъ престоломъ и предъ Агнцемъ въ бѣлыхъ
Одеждахъ, съ вѣтвями отъ пальмъ въ рукахъ,
И восклицали всѣ: „Хвала Тебѣ,
Сѣдящій на престолѣ! Слава Агнцу,
Бо чрезъ Него имѣемъ мы спасенье!“
И ангелы, которые стояли

Вокругъ престола, старцевъ и животныхъ,
На лица пали, поклонясь престолу
Господнему, и изрекли: „Аминь!
Благословеніе, и честь, и слава,
Благодареньe, сила и премудрость,
И крѣпость Богу нашему вовѣки".
И, обратясь ко мнѣ, единъ изъ старцевъ
Спросилъ: „Кто эти въ бѣлыхъ одѣяньяхъ,
Откуда изошли?" Я отвѣчалъ:
„Тебѣ знать, господине!" И сказалъ онъ:
„Сіи пришли черезъ велики скорби;
И одѣянія свои омыли
И убѣлили честной кровью Агнца;
Чрезъ то стоятъ передъ престоломъ Божьимъ
И служатъ день и ночь Ему во храмѣ;
И Онъ Собой ихъ, какъ шатромъ, покроетъ;
И ужъ они не взалчутъ и не взжаждутъ;
Не попалитъ ужъ ихъ ни зной ни солнце;
Бо Агнецъ ихъ пасти бездремно будетъ
И на источникъ водъ живыхъ водить,
И всякую слезу сотретъ съ очей ихъ".

Гл. VIII.

Седьмую Агнецъ разломилъ печать—
И сдѣлалось безмолвіе на небѣ
Какъ бы на полчаса. И видѣлъ я:
Семь ангеловъ стоятъ передъ престоломъ,
И имъ дано семь трубъ. И кромѣ ихъ,
У алтаря еще, съ златымъ кадиломъ,
Былъ ангелъ. Ономy данъ ѳиміамъ,
Чтобы его съ молитвами святыхъ
Онъ возложилъ на жертвенникъ Господень.
И дымъ восшелъ отъ жертвенника къ Богу.
Онъ взядъ потомъ кадило и наполнилъ
Огнемъ отъ алтаря, и опрокинулъ,
И въ воздухѣ раздались гласы, громы,
И молніи взвились, и потряслась
Отъ нихъ земля; семь ангеловъ же, трубы
Поднявши, приготовились трубить.
И первый ангелъ вострубилъ—и долу
Палъ градъ и пламя, смѣшанные съ кровью,
И третья часть земли и древъ отъ нихъ
И вся трава зеленая—сгорѣли.
И вострубилъ второй: какъ бы гора

Огнемъ горящая низверглась въ море,
И моря третья часть вдругъ стала кровью,
И третья часть созданій, въ немъ живущихъ,
И третья часть судовъ на немъ—погибли.
И третій ангелъ вострубилъ, и пала
Звѣзда, свѣчѣ подобная, на землю,
На третью часть источниковъ и рѣкъ;
„Полынь“ звѣздѣ сей имя, и полынью
Ихъ воды потекли, и умирали
Всѣ пившіе отъ сихъ прогорклыхъ водъ.
И вострубилъ потомъ четвертый ангелъ,
И третья часть луны, и звѣздъ, и солнца
Затмилась, и отъ дня и ночи свѣту
Убавилось на треть. И видѣлъ я:
По небу ангелъ полетѣлъ, взывая
Къ землѣ: „О, горе, горе, горе всѣмъ
Отъ остальныхъ трехъ трубныхъ голосовъ.
Трехъ ангеловъ, имѣющихъ трубить“.

Гл. IX.

И пятый вострубилъ. И видѣлъ я:
Упала съ неба на землю звѣзда.
Ей данъ былъ ключъ, чтобъ кладезь бездны вскрыть;
И вскрылся кладезь бездны, и исшелъ
Изъ оной дымъ, какъ изъ печи, и солнце
И небеса отъ онаго потускли.
И выпала съ тѣмъ дымомъ саранча,
И сказано ей было не вредить
Ни травъ, ни древъ, ни злаковъ,—но людей,
Печатью Бога не запечатлѣнныхъ,
Язвить и жалить, аки скорпіоны,
И мучить ихъ пять мѣсяцевъ, но токмо
Не убивать. И взжаждутъ смерти люди,
Пойдутъ искать ея и не найдутъ...
Та жъ саранча подобна съ виду конямъ,
На битву снаряженнымъ. Голова
Какъ бы съ златымъ вѣнцомъ. Лицо жъ ея—
Какъ человѣческія лица. Зубы
Подобны львинымъ. Косы какъ у женщинъ.
На тѣлѣ словно какъ стальныя брони,
А шумъ отъ крылъ—какъ стукъ отъ колесницъ,
На брань везомыхъ множествомъ коней;
Хвосты же, какъ у скорпіоновъ, съ жаломъ.
И, яко царь, ее велъ ангелъ бездны,

Зовомый, по-еврейски, Аввадонъ,
По-гречески жъ Аполліонъ (губитель).
Се первое минуло горе. Вслѣдъ
За нимъ грядутъ еще два новыхъ, горшихъ.
Шестой Господень ангелъ вострубилъ.
И я услышалъ громкій гласъ изъ рога,
Единаго изъ четырехъ роговъ,
Которыми снабженъ алтарь былъ Божій.
Онъ ангелу трубившему изрекъ:
„Четыре ангела стоятъ и ждутъ,
Окованные, при рѣкѣ Евфратѣ:
Сними съ нихъ узы". И разбилъ онъ узы.
И ждавшіе сего часа, и дня,
И мѣсяца, и года устремились
Четыре ангела, чтобъ третью часть
Людей убить. И было двѣ тьмы темъ,—
Сіе число я слышалъ,—съ ними войска.
То были всадники въ горящихъ броняхъ,
Имѣвшихъ цвѣтъ огня, и гіацинта,
И сѣры. Кони жъ съ львиной головой.
Изъ пасти ихъ огонь, и дымъ, и сѣра
Клубами исходили, а хвосты
Кончались змѣями,—и гибли люди
Отъ змѣй и дыма, пламени и сѣры,
И треть изъ нихъ симъ образомъ погибла.
Которые жъ остались и зрѣли
Сіи бичи, пребыли яко слѣпы
И не покаялись въ дѣлахъ своихъ:
И кланялись, попрежнему, бѣсамъ
Серебрянымъ, и золотымъ, и мѣднымъ,
И каменнымъ, и всякимъ истуканамъ,
Руками сотвореннымъ, не могущимъ
Ни видѣти, ни слышать, ни ходить;
И не покаялись въ своихъ убійствахъ,
Ни въ блудѣ, ни въ татьбѣ, ни въ волхвованьи.

Гл. X.

И се, низшелъ еще отъ неба ангелъ...
Какъ облако, его клубились ризы;
Надъ головою радуга блистала;
Лицо жъ, что̀ солнце, у него, а ноги,
Какъ огненные два столба, горѣли;
Въ рукѣ держалъ развернутую книгу;
И правою ногой ступилъ на море,

А лѣвою на землю, и воскликнулъ
Онъ грознымъ гласомъ, какъ рыкаетъ левъ.
Когда жъ воскликнулъ, семь громовъ тогда
По всей вселенной подали свой голосъ.
Когда же громы подали свой голосъ,
Хотѣлъ писать я, но услышалъ съ неба
Гласъ, говорившій: „скрой и не пиши
Того, что̀ седмь громовъ проговорили“.
И ангелъ тотъ, котораго я видѣлъ
Стоящимъ на морѣ и на землѣ,
Воздвигъ десницу на̀ небо, и клялся
Сотворщимъ небо и что̀ въ немъ, и землю
И что̀ на ней, и море и что̀ въ немъ,—
Что времени отсель уже не будетъ...

(1868).

IX.

БАЛЬДУРЪ.

Пѣснь о солнцѣ, по сказаніямъ Скандинавской Эдды.

I.

Ночь и буря снѣжная въ пустынѣ,
Вьюги ревъ неистовый и хохотъ...
Лишь на мигъ проглянетъ блѣдный мѣсяцъ
И освѣтитъ мутнымъ свѣтомъ камни,
Между камней вѣковыя ели,
И мелькнетъ, какъ тѣнь, на горномъ гребнѣ
Темный образъ всадника... То Конунгъ,
На пути застигнутъ бурей, ѣдетъ.
Вѣтеръ треплетъ волосы сѣдые,
Рветъ съ могучихъ плечъ медвѣжью шубу:
Конунгъ бури яростной не слышитъ.
Добрый конь идетъ не оступаясь
По корнямъ древеснымъ и по камнямъ;
Для него привыченъ путь пустынный:
Тамъ въ горахъ живетъ маститый старецъ,
А къ нему не только люди,—боги,
Въ видѣ смертныхъ странствуя по свѣту,
На совѣтъ заходятъ и бесѣду.
Мрачны своды въ темномъ подземельѣ.
По изломамъ ихъ идетъ далеко
Съ очага колеблющійся отблескъ.
Вѣщій старецъ и великій Конунгъ
У огня сидятъ въ глубокой думѣ.
Тѣнь отъ нихъ едва дрожитъ на сводахъ.
Сынъ погибъ у Конунга—послѣдній
Изъ троихъ, и съ нимъ погасъ могучій
Гальфовъ родъ, исшедшій отъ Одина.

Девять дней среди пустыхъ чертоговъ
Взаперти сидѣлъ великій Конунгъ.
Наконецъ коня спросилъ и молча
Въ горы къ старцу вѣщему поѣхалъ;
Издали за нимъ слѣдили слуги;
Пышетъ пламя все свѣтлѣй и выше,
Но сидитъ, потупивъ очи, Конунгъ:
И теперь, и дома, и какъ ѣхалъ,
У него повсюду, неотступно,
Атли трупъ безмолвный предъ очами.
Вдругъ возникъ—какъ бы сходящій съ неба—
Лучъ предъ нимъ и тихо проплываетъ,
А въ лучѣ рядъ Конунговъ брадатыхъ,
На верху, далеко—нѣкто свѣтлый,
Ниже—лица Конунгу знакомы:
Прадѣдъ, дѣдъ, отецъ; послѣдній—самъ онъ,
И за нимъ ужъ лучъ какъ бы обрѣзанъ.
Сдвинулись его густыя брови...
Но видѣнье проплыло и скрылось;
Понемногу снова предъ глазами
Атли трупъ безмолвный выступаетъ...
Вотъ изъ тьмы опять выходитъ словно
Поле битвы. Вѣтеръ гонитъ тучи.
Между тучъ просвѣчиваетъ мѣсяцъ.
Дѣвы битвъ, Валкиріи, возводятъ
Падшихъ въ небо: Конунговъ межъ ними
Средній сынъ. Видѣніе сокрылось...
Тьма опять кругомъ; передъ очами
Снова трупъ безмолвный выступаетъ —
Но не Роббертъ, а все тотъ же Атли.
Вотъ изъ тьмы плыветъ блестящій городъ.
Корабли причаливаютъ съ моря.
Приступъ. Люди на стѣнахъ, самъ Конунгъ.
Вдругъ въ глазахъ его валится мертвый
Старшій сынъ... И все опять умчалось.
Снова тьма кругомъ; передъ очами
Трупъ опять безмолвный выступаетъ—
Но не Вилль, а все тотъ же Атли.
Бурный мысъ—скалистый дикій берегъ.
Сонмъ проклятыхъ душъ,—убійцъ и татей,
Бѣдняковъ озлобленныя души,—
Вылетаютъ вдругъ изъ-за ущелій,
Корабли разбрасываютъ, топятъ;
Вотъ самъ Конунгъ—держится за мачту...

Вдругъ волна. Корабль захлеснутъ. Конунгъ
Борется средь пѣнящейся бездны, —
А вверху, надъ нимъ простершій руки,
Необъятный, во все небо, образъ,
Но лица, какъ на тѣни, не видно...
Проплыло видѣніе и скрылось,
Выступаетъ снова тѣло Атли —
Но надъ нимъ остановился образъ
Необъятный, безъ лица и темный,
И схватить руками тѣло хочетъ...
Въ этотъ мигъ заговорилъ вдругъ вѣщій:
„Боги—въ небѣ, въ мірѣ—человѣки,
Въ темномъ адѣ—яростная Гелла;
Надо всѣмъ—Судьба, лица которой
Не видалъ никто во всей вселенной.
Какъ слѣпцы, мы бродимъ въ этомъ мірѣ;
Жребій всѣмъ дается при рожденьи,
И его не только люди, боги
Измѣнить не властны".
Головою
Покачалъ, не отвѣчая, Конунгъ.
Ужъ огонь на очагѣ слабѣетъ,
И горой лежитъ горячій уголь,
Словно дышитъ золото живое.
И еще длиннѣе и темнѣе
Отъ сидящихъ протянулись тѣни.
„Сынъ былъ у Одина Бальдуръ,—снова
Молвилъ вѣщій старецъ:—тщетно боги,
Тщетно вся вселенная стенала:
Жертву смерть не отдала; и боги
Сами ждутъ судьбы своей покорно".
Поднялъ Конунгъ противъ воли очи.
„Я тебѣ о Бальдурѣ, о, Конунгъ,
Разскажу". И—словно мірозданья
Глубина предъ нимъ открылась—вѣщій
Устремилъ въ пространство взоръ и началъ:

II.

„Мракъ былъ въ мірѣ. Вдругъ орлы вскричали,
Съ горъ небесныхъ пролилися воды,
Грянулъ громъ, и свѣтъ въ пространство брызнулъ:
Народился Бальдуръ златокудрый!
Народился и помчался въ небѣ,

Сыпля стрѣлы въ недруговъ бѣгущихъ,
Юный, свѣтлый, въ панцырѣ и шлемѣ,
Въ колесницѣ съ бѣлыми конями.
Кликъ и пѣнье въ воздухѣ раздались,
Восклицали всѣ народы: Слава!
Восклицали боги въ небѣ: Слава!
Слава свѣту родшемуся, слава!
Слава родшимъ—Фриггѣ и Одину!
„Такъ потомъ—на Бальдуровой свадьбѣ
Вдохновитель пѣсенъ, свѣтлый Брагги,
Пѣлъ ему съ заздравнымъ кубкомъ славу.
Да! тогда божественный не думалъ,
Что придется скоро пѣснь иную
Спѣть ему на Бальдуровой тризнѣ...
„Ужъ въ тотъ мигъ, какъ онъ родился, Фригга
Слышитъ—воронъ ворону прокаркалъ:
„Чую, чую, народился Бальдуръ,
Радость въ небѣ, да и пиръ у Геллы“.
У подножья мірового дуба,
У ключа медвянаго, такъ Норны
Въ то же время предрекли Одину:
Вѣкъ недолгій Бальдуру назначенъ;
Онъ умретъ—все въ мірѣ пошатнется,
И настанетъ общее крушенье.
Вдругъ струя медвяная изсякнетъ,
Отъ которой съ каждою зарею
Боги пьютъ и почерпаютъ силу,
Блескъ и юность вѣчную, и крѣпость,
И они внезапно посѣдѣютъ,
А на древѣ жизни свянутъ листья.
Всѣ враги, которыхъ лишь сковавши,
Боги міръ создать могли, возстанутъ.
Лютый Змѣй, на дно морское ими
Вкругъ земли поверженный въ оковахъ,
Встрепенется; пламенемъ и смрадомъ
Небеса наполнитъ, потрясая
И земли и неба твердь, а воды
Отъ его ударовъ расплеснутся
И съ земли, окромѣ горъ, все смоютъ.
Волкъ Фенриръ, которому насилу
Увязали боги пасть—онъ путы
Разорветъ и челюсти раскроетъ,
А когда раскроетъ, то коснется
До земли одной, другой до неба —

А ужъ онъ однимъ льдянымъ дыханьемъ
Убиваетъ все, что встрѣтитъ. Солнце
И луну проглотитъ онъ, и боги—
Кто пойдетъ съ нимъ въ бой, окаменѣетъ;
Свѣтлый Азградъ рушится, и смертный
Мракъ и хладъ вселенную постигнетъ.
„Вотъ что Норны мрачныя сказали
При рожденьи Бальдура Одину,
Отъ чего у міродержца разомъ
На челѣ тогда жъ запечатлѣлись
Двѣ бразды, да такъ ужъ и остались.
Всѣ съ тѣхъ поръ творенія и боги
Устремили къ Бальдуру лишь очи,
И когда задумчивый онъ выйдетъ
Иль совсѣмъ не явится на небо,—
По вселенной трепетъ и смятенье.

III.

„Но о смерти и не думалъ Бальдуръ;
Не давалъ мечу въ ножнахъ заржавѣть.
Сыпалъ щедро золотыя стрѣлы,
Избавляя страны и народы
Отъ чудовищъ, населявшихъ землю.
Неудачу только разъ онъ встрѣтилъ:
„Выѣзжалъ онъ міръ смотрѣть, и видитъ—
Чудные на сѣверѣ чертоги.
Къ золотымъ вратамъ подходитъ дѣва,
Подымаетъ руку, чтобъ щеколду
Отодвинуть, а отъ рукъ внезапно
Воздухъ, воды и весь міръ чудеснымъ
Озарились свѣтомъ,—и на землю
Вдругъ цвѣты посыпались и жемчугъ.
Удержалъ коней невольно Бальдуръ.
На него черезъ плечо взглянувши,
Дѣва словно замерла. Вдругъ слышенъ
Точно звѣря ревъ: бѣжитъ косматый
Великанъ—и закричалъ, затопалъ,
Сталъ грозить на Бальдура, а дѣву
Вмигъ жезломъ серебрянымъ ударилъ,
И она, какъ мертвая, упала.
На плечо ее косматый вскинулъ
И ушелъ съ ней въ горы, тамъ и скрылся;
Бальдуръ отыскать не могъ и слѣду.

Какъ ни бился. Наконецъ ударилъ
По конямъ—и прискакалъ въ Валгаллу.
Пышетъ гнѣвомъ; шлемъ и панцырь сбросилъ,
Заперся въ свой теремъ, повторяя,
Что ему лишь умереть осталось.
„Всполошились боги и послали
Собирать со всей вселенной вѣсти.
И вернулись вѣстники, сказали:
Великанъ тотъ—чародѣй великій,
Побѣжденъ былъ нѣкогда Одиномъ
И ушелъ на сѣверъ; тамъ построилъ
Изо льдовъ дворецъ себѣ чудесный
И сидитъ тамъ, дожидаясь часа.
Дѣва—дочь его. Ей имя Нанна.
И, жезломъ ее ударивъ, старый
Не убилъ, а въ сонъ повергъ глубокій,
И въ горахъ на самую крутую
Положилъ, ту гору вплоть до неба
Окруживъ живымъ огнемъ, какъ тыномъ.
„Другъ за другомъ полетѣли боги
И пытались проскочить сквозь пламя—
Но напрасно! Пламя такъ и воетъ!
То сробѣетъ конь, а то и всадникъ.
Слышитъ Бальдуръ: вдругъ поднялся съ ложа,
Панцырь, шлемъ, и—на коня! И только
Боги въ страхѣ видѣли, какъ пламя
Взволновалось и за нимъ закрылось.
Онъ прорвался.
А прорвавшись, Бальдуръ
Видитъ—теремъ; входитъ—рядъ покоевъ.
Тишина глубокая. Изъ оконъ
Полосами падая, играетъ
На столбахъ хрустальныхъ красный отблескъ.
Вотъ въ послѣднемъ наконецъ покоѣ
Видитъ онъ: въ тяжелой бронѣ, въ шлемѣ,
Спитъ его красавица. Тихонько
Снялъ онъ шлемъ—разсыпалися кудри;
Распоролъ мечомъ ремни на бронѣ—
И открылась грудь дѣвичья; вскрикнулъ—
Тихо очи спящая открыла...
И чрезъ мигъ ужъ съ нею мчался Бальдуръ,
И встрѣчали радостно ихъ боги.
Пиръ вѣнчальный закипѣлъ на славу;
Изъ Валгаллы раздавались громы,

Дождь златой, блистая, падалъ съ неба,
Молодая сыпала на землю
Полной горстью и цвѣты и жемчугъ.
„Вотъ съ тѣхъ поръ и началось то время,
Что̀ потомъ всѣ золотымъ назвали.
Всюду жертвы Бальдуру дымились,
Всюду пѣсни въ честь его гремѣли.
Боги стали даже прорицанье
Забывать,—какъ вдругъ оно возстало
Въ полнотѣ ужасной передъ ними.

IV.

„Утромъ—разъ сошлись они на завтракъ—
Вдругъ вбѣгаетъ Нанна и, въ колѣни
Бросясь къ Фриггѣ, вся въ слезахъ, вскричала:
„Скоро Бальдуръ нашъ умретъ“. Вскочили
Боги съ мѣстъ, едва не расплеснувши
Медъ изъ чашъ своихъ. „Ему приснилось,—
Говорила Нанна,—что въ глубокой
Онъ сидитъ темницѣ; рвется, рвется
И никакъ ужъ вырваться не можетъ.
Хочетъ крикнуть—крику нѣтъ... и началъ
Задыхаться... и еще рванулся—
И глаза открылъ. Вскочилъ. На ложѣ
Весь въ поту сидитъ... Все это—къ смерти!“
Побѣжать хотѣла Фригга къ сыну,
Но Одинъ ей повелѣлъ остаться,
На боговъ кругомъ сурово глянулъ,
Сдѣлалъ знакъ невѣсткѣ и съ ней вмѣстѣ
Вышелъ въ спальню къ Бальдуру. Шептаться
Стали боги, знаками являя,
Что недобрый это сонъ. Вернулся
Царь Одинъ и сѣлъ на тронѣ, молча
И чело нахмуря. Фригга, Герда,
На него взглянувши, испустили
Вопль такой пронзительный и сильный,
Что на полкахъ зазвенѣли чаши.
Вслѣдъ за ними—кто вопить и плакать,
Кто кричать, чтобы унять тревогу,
Кто молить,—но ужъ никто не слушалъ.—
Споръ и крикъ, какихъ и не бывало,
Поднялся въ обители блаженныхъ.
„Но между богами только Локки

Не упалъ одинъ, казалось, духомъ.
Братъ Одину—красотой съ нимъ сходный,
Гордо онъ держалъ себя съ богами,
Помнилъ всѣ ихъ промахи и радъ былъ
Иногда въ ихъ медъ влить каплю яду.
Вѣчно съ новой выдумкой, онъ часто
И вводилъ ихъ въ тяжкія напасти,
И спасалъ порой отъ бѣдъ великихъ.
Между тѣмъ какъ вкругъ его кричали,
Онъ, глазами упершися въ землю
И поднявши плечи, началъ—точно
Самъ съ собою—говорить; лишь послѣ,
Увидавъ, что начинаютъ слушать
И смолкать, къ нему тѣсняся, боги,
Постепенно возвышалъ свой голосъ
И съ обычнымъ говорилъ искусствомъ.
Онъ сказалъ, что, можетъ-быть, напрасны
Всѣ тревоги. Не всегда правдивы
Сны бываютъ. Иногда напротивъ:
Страшный сонъ провозвѣщаетъ радость.
Прорицаньямъ тоже онъ не очень
Довѣряетъ: „Вѣщія тѣ жены
Ужъ давно покоятся въ могилахъ,
А изъ словъ ихъ не сбылось доселѣ
Ничего. Да и откуда можетъ,
Въ самомъ дѣлѣ, быть для насъ опасность?
Тѣ враги, которыхъ мы когда-то
Заковали въ цѣпи,—тѣ не могутъ
Двинуться, пока живъ будетъ Бальдуръ;
Стало-быть, бѣда прійдетъ отъ твари,
Иль отъ насъ, боговъ. Но боги—кто же
На себя подыметъ руки? Твари,—
А отъ тварей взять бы можно клятву,
Чтобъ хранили, какъ зѣницу ока,
Дорогого Бальдура; не смѣли бъ
Повредить ему никакъ, ни ранить,
Ни язвить, ни напускать болѣзни.
Отъ огня, воды, отъ рудъ и камней,
Отъ ехидинъ и змѣевъ, зелій, ядовъ,
Отъ деревъ и травъ, отъ всѣхъ взять клятв
И дадутъ всѣ, рады будутъ. Бальдуръ
Всѣмъ имъ милъ. Тогда чего жъ бояться?“
„Осторожны были боги съ Локки,
Но при этой рѣчи, видя ясно,

Что коварства нѣтъ въ ней никакого,
Стали духомъ веселѣть. И вправду,
Разсудить нельзя бъ, казалось, лучше!
Локки самъ доволенъ былъ; высоко
Тотчасъ поднялъ голову; а боги
Повторяли дружно: „ай да Локки!“,
И рѣшили тотчасъ же исполнить,
Что̀ сказалъ онъ, и самой же Фриггѣ
Въ міръ пуститься за всеобщей клятвой.
„Фригга, вздѣвъ пернатую сорочку,
Обернулась лебедью и тотчасъ
Въ міръ стрѣлой помчалась изъ Валгаллы.

V.

„Но Одинъ, отецъ и мироздатель,
Изъ собранья, съ золотого трона,
Поднялся, не просвѣтлѣвши ликомъ.
Осѣдлалъ коня онъ и поѣхалъ
Въ темный адъ. Тамъ, близъ чертоговъ Геллы,
Былъ курганъ изъ дикихъ камней сложенъ;
Подъ курганомъ тѣмъ была могила,
А въ могилѣ этой схоронили
Валу, ту изъ вѣщихъ женъ, что̀ много
Мудростью и даромъ прорицанья
Помогла Одину въ ѻно время.
Съ ней теперь онъ пожелалъ бесѣды
И изъ тьмы ее рѣшился вызвать.
„Загремѣло и загрохотало
Вдругъ по темнымъ адскимъ подземельямъ,
Какъ влетѣлъ въ него огнедышащій
И скакалъ по камнямъ конь Одиновъ.
Адскій песъ съ разинутою пастью,
Грудь и шея облитыя кровью,
Ринулся схватить его за горло—
Но тотчасъ же, спотыкнувшись копытомъ,
Съ громкимъ визгомъ покатился наземь.
У могилы богъ остановился
И, съ коня спрыгнувъ, не медля началъ
Вызывать покойницу изъ гроба:
Спѣлъ сперва, какую надо, пѣсню
И сказалъ слова̀; потомъ ударилъ
По землѣ жезломъ, на сѣверъ глядя,
И трикраты, громко крикнувъ: „Вала!“,

Повелѣлъ возстать ей изъ могилы.
Изъ могилы поднялася Вала.
И о томъ, что̀ ими говорилось,
Такъ въ старинныхъ сказываютъ пѣснях̀ъ.

ВАЛА.

Кто дерзнулъ мой вѣчный сонъ нарушить?
Много лѣтъ въ землѣ сырой лежу я.
Надо мною бушевали вьюги,
Дождь мочилъ, роса меня кропила.
Я мертва была. Кто ты? Что̀ надо?

„Кто онъ—скрыть хотѣлося Одину,
Онъ назвался смертнымъ человѣкомъ.

ОДИНЪ.

Смертный я—и странствую по свѣту.
Я—свѣтъ бѣлый, ты—міръ темный знаешь.
Для кого жъ, о, вѣщая изъ вѣщихъ,
Разскажи, у васъ въ подземномъ царствѣ
И скамью и ложе золотое,
Кольцами украшенныя, ставятъ?

ВАЛА.

Въ чашѣ медъ кипитъ, щитомъ покрытый,—
Бальдуръ будетъ пить. Скамья и ложе
Для него жъ. Но прекрати разспросы,
Страшныя ты спрашиваешь тайны.
Поневолѣ говорю я. Будетъ!

ОДИНЪ.

Погоди, скажи еще мнѣ, Вала!
Знать еще хочу я: кто изъ смертныхъ,
Кто лишитъ наслѣдника Одина?
Отъ кого погибнетъ свѣтлый Бальдуръ?

ВАЛА.

Годръ слѣпой—не смертный. Онъ откроетъ
Къ адской Геллѣ свѣтлому дорогу.
Страшныя ты спрашиваешь тайны.
Поневолѣ говорю я. Будетъ!

ОДИНЪ.

Погоди, скажи еще мнѣ, Вала,
Я желаю знать: не отомщеннымъ
Бальдуръ быть не можетъ. Мстить кто будетъ?

ВАЛА.

У Одина будетъ сынъ отъ Ринды.
Онъ волосъ чесать, мыть рукъ не будетъ,
Не отмстивъ виновному. Довольно.
Поневолѣ говорю я. Будетъ!

ОДИНЪ.

Погоди, еще скажи мнѣ, Вала!
Я еще желаю знать: какъ имя
Той жены, что̀ не захочетъ плакать,
Какъ по Бальдурѣ всѣ плакать будутъ,
И покрова съ головы не сниметъ?
Прежде чѣмъ заснуть опять—скажи мнѣ.

ВАЛА.

Ты все знаешь самъ, давно я вижу,
Но желалъ бы лучше ошибиться,
Чѣмъ все знать. Одинъ, отецъ вселенной!
Удались—и можешь похвалиться,
Что меня не вызоветъ изъ мрака
Съ сей поры уже никто,—до часа,
Какъ прійдетъ всемірное крушенье.

„И въ могилу опустилась Вала.
Ускакалъ Одинъ еще мрачнѣе.
Такъ въ старинныхъ говорится пѣснях̀ъ.

VI.

„Фригга, взявъ отъ всѣхъ твореній клятву,
Чтобъ не ранить Бальдура ни въ сердце,
Ни въ сырую кость, ни въ ясны очи,
Ни во все живое бѣло тѣло,
Чтобъ хранить его отъ всякой боли,
Всякой скорби, всяческой напасти,
Воротилась въ Азградъ, и всѣ богп
Были рады, высыпали на̀ лугъ—
Съ Бальдуромъ играть и забавляться.
Всѣ кругомъ красавца обступили,
И давай метать въ него, кто стрѣлы,
Кто каменья; съ копьями, съ мечами
Нападали на него съ разбѣгу;
Но каменья, стрѣлы мчались мимо,
Копья и мечи по немъ скользили,
И стоялъ въ кругу неуязвимый
И еще свѣтлѣй, чѣмъ прежде, Бальдуръ

Боги шумно радовались, глядя,
У богинь вокругъ счастливой Фригги,
Издали слѣдившей за игрою,
Былъ и смѣхъ и говоръ; только Нанна
Не могла смѣяться и сидѣла,
Точно лань пугливая, тревожно
Провожая взоромъ каждый камень
И стрѣлу, что̀ въ Бальдура летѣли.
Отовсюду восхваленья Локки
Раздавались у боговъ; но Локки,
Одержимъ какой-то новой мыслью,
Устремилъ орлиный взглядъ на Фригу;
Улучивъ минуту, вдругъ онъ принялъ
Образъ старой Фриггиной служанки
И подсѣлъ къ ней, межъ богинь пробравшись.
„Отчего, владычица,—спросилъ онъ,—
Отчего такъ разыгрались боги?“
Улыбаясь, отвѣчала Фригга:
„Тѣшитъ ихъ, что нашъ красавецъ Бальдуръ
Сталъ теперь неуязвимъ ни стрѣламъ,
Ни каменьямъ, ничему на свѣтѣ.
Я взяла со всѣхъ твореній клятву,
Что вредить ему никто не будетъ“.
—„Да отъ всѣхъ ли отбрала ты клятву,
И кого, смотри, не позабыла ль?“
—„Всѣ клялися!—отвѣчала Фригга,—
Развѣ только у воротъ Валгаллы
Мелкій есть кустарникъ—можжевельникъ,
Ну, да онъ такъ малъ и такъ незначащъ,—
Чѣмъ, кому онъ можетъ быть опасенъ?
Что̀ съ него, я думала, брать клятву!
А то всѣ—и дубъ и кедръ клялися!“
„Локки тотчасъ изъ воротъ Валгаллы;
Можжевельникъ срѣзалъ, сдѣлалъ стрѣлку,
И—назадъ. Стоялъ вдали отъ прочихъ
Годръ и не игралъ съ богами: слѣпъ былъ.
—„Что̀ жъ ты,—крикнулъ Локки,—не стрѣляешь?“
—„Я, увы! и Бальдура не вижу,—
Отвѣчалъ слѣпой со вздохомъ,—гдѣ мнѣ!“
Локки жъ:—„Эхъ, на радости попробуй,
Только такъ, хоть для одной потѣхи!
Вотъ стрѣла и лукъ, и вонъ гдѣ Бальдуръ,
Становись, а я стрѣлу направлю“.
Боги, видя Годра тоже съ лукомъ,

Вкругъ него столпилися, смѣяся.
Бальдуръ самъ слѣпому улыбался
И къ нему оборотился грудью.
Локки Годру помогалъ прицѣлить;
И взвилась стрѣла и полетѣла—
Прямо въ сердце Бальдуру: шатнулся
И на землю палъ онъ мертвый. Нанна
Въ то жъ мгновенье бросилася къ мужу
И со страшнымъ, но короткимъ крикомъ
Замертво упала на супруга.
Прибѣжали боги, смотрятъ, кличутъ,
Трогаютъ то Бальдура, то Нанну,—
Оба мертвы!.. Сами словно въ камни
Обратились, и стоятъ—не въ силахъ
Молвить слова, блѣдными зрачками
Упершись другъ другу очи въ очи.
Годръ—убійца—онъ за слѣпотою
Не видалъ, не понималъ, что сдѣлалъ,
И стоялъ вдали отъ всѣхъ. Какъ только
Первый ужасъ отошелъ, рыданьемъ
Неудержнымъ разразились боги.
Самъ отецъ Одинъ, хоть зналъ, что будетъ,
Но, когда свершилось, омрачился
Пущей скорбью, лучше всѣхъ провидя,
Сколько зла отъ Бальдуровой смерти
И богамъ и людямъ приключится.
Фригга—та не вѣрила, что Бальдуръ
Навсегда отъ нихъ сокрылся: Гелла
Возвратитъ его, не сомнѣвалась,
И къ богамъ не медля обратилась:
„Кто-нибудь скорѣй ступайте къ Геллѣ,
И какой угодно будетъ выкупъ,
Я, скажите, дамъ ей; только бъ тотчасъ
Отпустила Бальдура на небо“.

„Сынъ Одиновъ, Гермодъ быстроногій
Побѣжалъ на вызовъ и въ минуту
На конѣ отцовскомъ въ адъ ужъ мчался.

VII.

„Боги жъ тѣло Бальдурово взяли
И снесли на берегъ синя-моря.
Срубленъ былъ корабль и въ море сдвинутъ,
И на немъ костеръ устроенъ. Тѣло

На костеръ возложено. И Нанну
Тоже подлѣ мужа положили.
Привели коня покойникова, тоже
На костеръ возвесть, и всѣ при этомъ
Залилися новыми слезами.
Сто рабовъ и сто рабынь убитыхъ
На костеръ уложено; оружье
И монеты, кольца, все какъ должно;
Домочадцы, слуги и служанки
Пѣли пѣсни жалостныя, слезно
Причитали. Наконецъ, когда ужъ
Все готово было, громоверженъ
Торъ свой молотъ всеразящій бросилъ—
Грянулъ громъ и молнія сверкнула,
И костеръ мгновенно объялъ пламень,
И корабль, пылая, поплылъ въ море.
Вслѣдъ за нимъ по воздуху громадный
Потянулся похоронный поѣздъ.
„Похоронъ такихъ ужъ не бывало
Ни потомъ ни прежде, и не будетъ!
Всѣ на нихъ присутствовали боги.
Былъ Одинъ на колесницѣ съ Фриггой:
Впереди—орелъ, простерши крылья;
За орломъ неслися съ воемъ волки;
Надъ главою вороны кружились,
А вокругъ блестящей колесницы,
На воздушныхъ коняхъ, въ свѣтлыхъ латахъ,
Дѣвы битвъ, Валкиріи; за ними,
Тоже всѣ въ блистающихъ доспѣхахъ,
Безконечнымъ полчищемъ герои,
Съ поля битвъ восшедшіе на небо.
Въ колесницѣ тоже, запряженной
Кабаномъ, красавецъ Фрейръ и Герда,
На козлахъ золоторогихъ дальше
Ѣхалъ Торъ, на плечи вскинувъ молотъ;
Тамъ—другіе боги и богини,
На оленяхъ, лебедяхъ и рысяхъ;
А за ними карлы, великаны,
Духи въ видѣ чудищъ и драконовъ—
Безъ конца тянулся пышный поѣздъ.
Изъ боговъ тамъ не былъ только Локки
Онъ—когда свалился Бальдуръ мертвый,
Испугался больше всѣхъ: руками
Ухватившись за голову, мигомъ

Убѣжалъ изъ Азграда. По правдѣ
И не думалъ онъ, что все такъ выйдетъ,
И, когда его хватились боги,
Онъ, дрожа, сидѣлъ ужъ въ самыхъ темныхъ,
Въ самыхъ страшныхъ пропастяхъ подземныхъ.

VIII.

„Гѣрмодъ въ адъ спускался девять сутокъ
По глубокимъ рытвинамъ, во мракѣ.
И достигъ до адской онъ рѣшетки.
Тамъ увидѣлъ: блѣдный свѣтъ, палата,
Длинный столъ, и на почетномъ мѣстѣ
Между тѣней Бальдуръ возсѣдаетъ.
Обратился Гѣрмодъ съ просьбой къ Геллѣ:
„Отпусти ты брата снова въ небо;
Всѣ о немъ жестоко плачутъ боги
И какой угодно предлагаютъ
За него тебѣ богатый выкупъ“.
Отвѣчала адская богиня:
—„Отпущу, пожалуй, но съ условьемъ:
Если всѣ, что только есть на свѣтѣ,
Существа по Бальдурѣ заплачутъ,
Бальдуръ въ небо снова возвратится.
Если жъ нѣтъ, и хоть одинъ найдется,
Кто о немъ не будетъ плакать, Бальдуръ
Никогда на свѣтъ уже не выйдетъ“.

IX.

„Воротился Гѣрмодъ снова въ Азградъ
И привезъ отвѣтъ свирѣпой Геллы.
Какъ отвѣтъ тотъ услыхала Фригга,
Призываетъ тотчасъ буйныхъ Вѣтровъ,
Говоритъ имъ: „Полетите, Вѣтры,
Вы во всѣ концы по бѣлу-свѣту
И скажите всякой божьей твари,
Синю-морю, мѣсяцу и звѣздамъ,
Темну лѣсу, всякой мелкой пташкѣ,
И большимъ звѣрямъ, и человѣкамъ,
Что скончался Бальдуръ, молъ, пресвѣтлый,
Чтобъ молили, да отпуститъ Гелла
Всѣмъ опять его на радость въ небо“.
Понеслись по бѣлу-свѣту Вѣтры,
Съ лютой вѣстью каждой божьей твари,—
И поднялся стонъ со всей вселенной:

Взвыли Вѣтры, море заревѣло,
И лѣса завыли, заскрипѣли,
Люди, звѣри, у кого есть голосъ,
Возопили; у безгласной твари жъ,
У металловъ, и у горъ и камней,
Слезы вдругъ безмолвныя, такія,
Какъ весной ліютъ они, встрѣчая
Послѣ хлада и мороза солнце
(Но тогда на радость, тутъ отъ скорби),
Потекли обильными струями...
Но была въ горѣ одна пещера.
Тамъ, покровъ свой бѣлый не скидая
Никогда, сидѣла великанша
(Нѣкогда она царила въ мірѣ,
Но была побѣждена Одиномъ
И въ пещерѣ темной укрывалась):
Та на слово вѣстниковъ небесныхъ
Изъ скалы угрюмо отвѣчала:
„Я съ сухими развѣ лишь глазами
О красавцѣ Бальдурѣ заплачу:
Будь онъ живъ иль мертвъ,—онъ мнѣ не нуженъ!
Пусть его сидитъ себѣ у Геллы!“

Такъ у Геллы и остался Бальдуръ“.

X.

Кончилъ вѣщій старецъ. Слушалъ Конунгъ
И еще поникъ главою ниже.
Сквозь золу едва мерцали угли.
Въ забытьѣ склонился вѣщій старецъ.
Поутру открылъ онъ очи: Конунгъ
Такъ же все сидитъ на томъ же мѣстѣ;
Чуть свалилась съ плечъ медвѣжья шуба,
Блѣдный лучъ скользилъ кой-гдѣ по складкамъ
Золотой истершейся одежды,
Освѣщая грозный обликъ, съ длинной
Бородой, съ нависшей бровью. Конунгъ
Былъ ужъ мертвъ. Судьбы его свершились.

1870.

X.

ПУЛЬЧИНЕЛЛЬ.

Въ Неаполѣ,—когда еще Неаполь
Былъ самъ собой, былъ раемъ ладзароновъ—
Философовъ и практиковъ-бандитовъ,
Бандитовъ всякихъ—рѣжущихъ, казнящихъ,
Съ тонзурою иль безъ тонзуры,—въ этомъ
Неаполѣ временъ минувшихъ жилъ
Чудесный карликъ... Маленькій, горбатый,
Со львиною огромной головой
И съ ножками и ручками ребенка.
Онъ былъ похожъ какъ разъ на мальчугана
Въ комической, большой античной маскѣ:
Такихъ фигуръ въ помпейскихъ фрескахъ много.
Его мама и померла отъ горя,
Въ уродствѣ сына видя наказанье
Господне „за грѣхи отцовъ“... Отецъ же—
Онъ былъ мудрецъ съ вольтеровскимъ оттѣнкомъ,
Хоть волею судебъ и занимался
Сомнительной профессіей (знакомилъ
Онъ съ красотой живой Партенопеи
Пріѣзжихъ иностранцевъ)—онъ объ сынѣ
Судилъ не такъ. Онъ говорилъ, что эта
Наружность—даръ фортуны: Пеппо съ нею
Навѣрно будетъ первымъ майордомомъ
У герцоговъ, пажомъ у короля
И комнатной игрушкой королевы.
Онъ такъ и умеръ въ этомъ убѣжденьи.
Но не сбылось пророчество: бѣднята
Не въ практика-родителя сложился.
Кормился переписываньемъ ролей,
Былъ вхожъ въ театръ чрезъ это, за кулисы,
А весь свой день сидѣлъ въ библіотекѣ.

И что̀ прочелъ онъ — Богу лишь извѣстно.
Равно какъ то, чего бы не прочелъ онъ!
Все изучалъ: историковъ, поэтовъ,
Особенно жъ—трагическій театръ
Италіи. Душой онъ погрузился
Въ міръ Клеопатръ, Ассуровъ, Митридатовъ,
И этихъ-то сценическихъ гигантовъ
Размахъ усвоилъ, страсть, величье, паѳосъ;
Онъ глубоко прочувствовалъ, продумалъ
Всѣ положенья, всѣ движенья сердца,
Весь смыслъ, всю суть трагедіи постигъ,—
Такъ что, когда, въ кругу своихъ кліентовъ,
Оборванныхъ такихъ же бѣдняковъ,
Читалъ онъ,—эти всѣ гиганты
Все становились меньше, меньше,—но
Зато росло въ размѣрахъ колоссальныхъ
Одно лицо,—безъ образа и вида
И безъ рѣчей,—которое безмолвно,
Неудержимо, холодно ихъ губитъ,
И что̀ въ трагедіи зовется Рокомъ.
И этому безличному Молоху —
Какъ говорилъ одинъ аббатъ, любившій
Его послушать—Пеппо особливо
Сочувствовалъ. Аббатъ въ восторгѣ
Говаривалъ не разъ: „ты, саго mio,
Навѣрно былъ бы величайшимъ въ мірѣ
Трагическимъ актеромъ, если бъ только
Въ размѣрахъ былъ обыкновенныхъ созданъ,
Безъ важныхъ недостатковъ и излишествъ;
При этихъ же особенностяхъ,—годенъ
Не болѣе, какъ къ роли—Пульчинелля“.

Что̀ жъ дѣлать! Бѣдность и—пожалуй—жажда,
Какъ говорилъ онъ, сцены и подмостковъ,
Его судьбу рѣшили,—и Неаполь
Въ немъ пріобрѣлъ такого Пульчинелля,
Какихъ еще не видывалъ отъ вѣка!
Въ театрѣ—давка. Ѣздитъ знать и дворъ.
Тройныя цѣны. Импрессарій — пляшетъ,
И въ городѣ лишь рѣчь—о Пульчинеллѣ.
Такого смѣха у своихъ подножій
Не слыхивалъ, конечно, ужъ Везувій
Съ тѣхъ самыхъ дней, какъ вѣчною угрозой
Надъ городомъ онъ сталъ и повторяетъ

Ежеминутно людямъ: „веселитесь
И смѣйтеся, пока даю вамъ время!“

А тайна смѣха вотъ въ чемъ заключалась:
Пеппино никогда смѣшить не думалъ!
И въ колпакѣ дурацкомъ Пульчинелля
Все такъ же роль свою игралъ серьезно,
Какъ будто ролъ Аякса иль Ахилла.
Онъ бросилъ фарсъ, далъ душу Пульчинеллю
(Къ тому же былъ импровизаторъ чудный
И въ роль вставлялъ горячія тирады,
Высокаго исполненныя чувства,
И пафоса, и образовъ гигантскихъ,
Достойныхъ кисти лишь Микель-Анджело!),
Онъ искренъ былъ, язвителенъ, былъ страстенъ,—
Но это все—при страшной образинѣ,
При заплетавшихся кривыхъ ногахъ,
При маленькихъ ручонкахъ, при горбѣ—
Въ партерѣ вызывало—взрывы смѣха!
Онъ забывалъ себя, весь отдавался
Потоку чувствъ и вдохновенной мысли,
И ожидалъ въ отвѣтъ восторга, слезъ,
Всеобщаго, быть-можетъ, покаянья,—
А тутъ дурацкій смѣхъ, шальные крики!
Полиція—и та не возмущалась,
Когда вѣщалъ онъ въ пламенныхъ стихахъ
О благородствѣ, о „святой“ свободѣ!
Бывало, съ грустью, съ жалостью онъ смотритъ
Въ партеръ, какъ въ пропасть съ тысячами гадовъ
Хохочущихъ—и эта грусть и жалость
Такою въ немъ гримасой выражалась,
Что кликъ и смѣхъ въ партерѣ удвоялся...
Не выдержитъ, и кинется онъ къ рампѣ,
И въ ярости грозить начнетъ, ругаться:
„О! пошлости клокочущая бездна!
Чудовища! Нѣтъ! я бъ свое уродство
Не промѣнялъ на ваше“,—онъ кричитъ,—
И—пуще смѣхъ!.. Тогда, на зло глупцамъ—
Онъ пустится кувыркаться и прыгать,
И ужъ конца рукоплесканьямъ нѣту!
А упадетъ лишь занавѣсъ—директоръ
Его въ объятья: „Такъ, maestro, такъ!
Ругайте ихъ и плачьте! плачьте больше!
Тѣмъ лучше: сборъ—невѣроятный! Мы—

Мы мильонеры будемъ!“ Не успѣетъ
Директору въ лицо онъ кинуть: „рогсо!“—
Какъ сотни рукъ его ужъ подымаютъ,
И какъ онъ тамъ ни бейся, ни лягайся,
А съ пѣснями, при факелахъ, несутъ
Его до самой до его локанды,
Гдѣ наконецъ, освободясь отъ плѣна,
На бѣдное бросается онъ ложе
И горячо и горько, горько плачетъ!

Неаполь былъ въ востбргѣ. Говорятъ,
Изъ инквизиціи тихонько члены
Въ закрытыхъ ложахъ хаживали часто
Имъ любоваться и, какъ всѣ, смѣялись
Отъ сердца, самымъ добродушнымъ смѣхомъ.
Но онъ—кумиръ толпы и божество—
Въ душѣ возненавидѣлъ и Неаполь
И сцену, и давно бъ ее оставилъ,
Когда бъ она ему не доставляла
Возможности—въ глаза ругать толпу,
Твердить и повторять ей, что она
Одно лишь понимаетъ, поглощаетъ
И обожаетъ—это макароны!..
Такъ говорилъ онъ самъ; а впрочемъ
Еще былъ узелъ тайный, но могучій,
Его привязывавшій къ сценѣ,—это
Прелестная, какъ ангелъ—Коломбина,
Прекрасный тоже, истинный талантъ.
Онъ эту Коломбину и сыскалъ
Въ Санъ-Карло, межъ простыхъ статистокъ, взялъ
И сталъ учить, образовалъ и, словомъ,
Какъ говорится, создалъ. Коломбина
По временамъ одна не замѣчала
Его уродства: чудныя мгновенья!..
Она—полулежитъ на оттоманкѣ,
А онъ читаетъ: комната, помалу
Въ чертогъ преобразуясь, наполнялась
Героями, царицами, царями;
Стихійное иль божеское нѣчто
Блистаетъ въ нихъ величьемъ колоссальнымъ
Надъ сумракомъ обыкновенной жизни;
И вдругъ средь этихъ исполинскихъ силъ
Послышится ей родственное что-то—
Любовь, какъ голубь, рѣющій надъ бездной,

У ней отъ страха сердце замираетъ,
Она глядитъ и, точно въ лихорадкѣ
Слѣдя за нимъ, чтеца уже не видитъ...
И лишь когда онъ кончитъ,—понемногу
Разсѣется блистательный миражъ,
Уйдетъ страстей клокочущее море;
И вмѣсто блеска, красоты, величья,
Она увидитъ вдругъ передъ собой,
Какъ будто этимъ кинутаго моремъ,
Какого-то нелѣпѣйшаго карлу—
Тогда изъ устъ ея—какъ будто бы со скорбью
И сожалѣньемъ—вырвется невольно:
„Ахъ, Пеппо, для чего такой ты гадкій!“

— „Рокъ“—отвѣчаетъ онъ.

Да! страшный рокъ!

Онъ чувствовалъ, что, разъ не удержись,
А отъ себя, отъ своего лица
Скажи свое живое чувство,—въ страхѣ
И омерзенья вскрикнетъ Коломбина
И отъ него отпрянетъ, какъ отъ гада!
Онъ понялъ, что, совсѣмъ лишь стушевавшись,
Могъ быть при ней,—и сдѣлался ей, точно,
Необходимъ: наставникомъ былъ, другомъ,
Былъ чичисбеемъ, шаль за ней носилъ,
По порученьямъ бѣгалъ; даже больше,
Служилъ ей горничной—при туалетѣ
Присутствовалъ, затягивалъ корсетъ,
Ей обувалъ изящнѣйшую ножку,
Сносилъ ея мигрень, капризы, словомъ
Былъ для нея онъ тѣмъ же, чѣмъ Неаполь
И импрессаріи для него, и также бъ
Могъ звать ее онъ „злою Коломбиной“,
Какъ называли всѣ его „злымъ карлой“;
Въ него летали точно такъ же вѣеръ
И башмаки, какъ отъ него каменья
На улицѣ, или слова на сценѣ—
Такія, что иного стоятъ камня!
И отъ нея онъ все переносилъ
Съ покорностью, чуть-чуть не съ наслажденьемъ,—
Такъ наконецъ, что всѣ его страданья
По сценѣ—отошли на задній планъ.
Перенести не могъ онъ одного—
Одной фантазіи своей царицы,

И всѣ вражды свои сосредоточилъ
На арлекинѣ. Этотъ арлекинъ
Былъ—тѣмъ же рокомъ!—одаренъ красивой
Наружностью, небрежностью изящной,
Къ артисту такъ идущей, и всегдашнимъ
Высокимъ мнѣньемъ о своей особѣ.
Всѣ женщины по немъ съ ума сходили:
Изъ-за него маркизы, герцогини
Дрались, чтобъ съ нимъ въ блестящемъ фаэтонѣ
По Кьяйѣ прокатиться... Это, впрочемъ,
Все бъ ничего! Но этотъ херувимъ
И видѣлся и снился Коломбинѣ!
Напрасно ей твердитъ несчастный карло,
Что арлекинъ—бездарный фатъ, хвастунъ,
Глупъ—колоссально-глупъ!.. „Ты лишь послушай,
Какъ онъ поетъ! Гдѣ ставитъ ударенья?
О, ужасъ! на предлогахъ и союзахъ!
Не ясно ли, что у него нѣтъ сердца!
Что льнетъ къ тебѣ онъ, diva, потому,
Что отъ тебя Неаполь безъ ума,
Что ты—царица въ немъ, и что готовы
Мильонныя разстроить состоянья
Съ тобою дуки, нобили, банкиры“..
Все тщетно! Страсть ей не даетъ покоя!
Его не слушаютъ; ему велятъ,
Какъ тѣнь, вездѣ слѣдить за арлекиномъ
Ей доносить, гдѣ былъ онъ, что онъ дѣлалъ,
Съ кѣмъ говорилъ, устраивать имъ встрѣчи
И третьимъ быть лицомъ при этихъ встрѣчахъ!
Ахъ! Это время жилъ онъ постоянно
Подъ страхомъ бури... Если онъ, бывало,
Недобрыя къ ней вѣсти принесетъ,—
„Ты лжешь, ты лжешь!—кричала Коломбина:—
Вы всѣ противъ меня, уроды, черти!
Я задушу, чудовище, тебя!
Прочь съ глазъ моихъ!“—и diva, какъ тигрица,
Кидается на Пеппо. „Вонъ, бездѣльникъ!“
За нимъ бѣгутъ, выталкиваютъ въ двери
И съ лѣстницы бросаютъ въ спину туфлю...
Онъ, впрочемъ, зналъ, внизу стоялъ въ портонѣ,
Зналъ, что за нимъ пошлютъ,—и появлялся:
Мракъ въ комнатѣ; лежитъ въ постели diva,
Готовая сейчасъ же умереть
Въ жестокихъ спазмахъ: стоны и рыданья;

„Вотъ,—говорятъ ему,—ты до чего
Меня доводишь, каменное сердце!“
И какъ собака, чувствуя провинокъ,
Къ хозяину ползетъ, вертя хвостомъ
И голову понуря, пробирался
Онъ къ ней тихонько и просилъ прощенья,
Садился на скамейку, утѣшалъ,
Молилъ ее на жизнь не покушаться,
Оправдывалъ невѣрнаго и клялся,
Что самъ онъ лгалъ, что онъ всему виною,
Что онъ сейчасъ пойдетъ за нимъ, отыщетъ
И приведетъ... И diva возвращалась
Къ сознанію... рыданья утихали,
Къ нему протягивалась ручка... онъ
Бѣжалъ искать красавца, приводилъ—
И diva ихъ встрѣчала—ужъ здорова,
Кокетливо одѣта и красою
Сіяя, точно солнце послѣ бури,—
И Пеппо долженъ былъ сіять съ ней вмѣстѣ.

Былъ, наконецъ, и день назначенъ свадьбы,
Вся труппа въ ней участье принимала.
Все, что смѣшитъ Неаполь—все смѣялось;
Но Пульчинелль былъ самымъ шумнымъ гостемъ.
За молодыхъ пилъ тосты, сочинилъ
И прочиталъ имъ въ честь эпиталаму,
Смѣялся, но—съ гостями уходя,
Отъ нихъ скользнулъ въ какой-то переулокъ,
Направо шелъ, налѣво, какъ, куда—
Не думая, не видя въ тѣмнотѣ,
И вышелъ вдругъ къ клокочущему морю.
И тамъ, у шумныхъ волнъ остановился...
Что дѣлалъ тамъ онъ?—то, буквально, мракомъ
Покрыто: ночь темна была, какъ гробъ.
Во мракѣ слышенъ былъ лишь грохотъ моря;
Изъ Африки дулъ раскаленный вѣтеръ,
И словно тысячи бѣсовъ иль фурій
Рвались въ дома, деревья гнули, выли,
И на подмогу имъ изъ нѣдръ земли
Изъ кратера Везувія летѣли
Въ фонтанѣ пламени и въ клубахъ дыма
Безчисленныя демонскія силы...
Вкругъ лаццарони въ ужасѣ бѣжали
Съ своихъ ночлеговъ, по всему побережью,

И долго помнили объ адской ночи,
Notte d'inferno: слышались имъ стоны
И страшныя проклятья въ ревѣ бури,
Ихъ сохранило только заступленье
Пречистой Дѣвы... Что же дѣлалъ Пеппо—
Тамъ на террасѣ, выходящей въ море?
Онъ никогда и самъ не могъ сказать...
Какъ будто духъ его тогда носился
Въ пространствѣ, въ этихъ африканскихъ вихряхъ
И землю разорвать хотѣлъ и море,
И только къ утру въ маленькое тѣло
Вернулся и взглянулъ вокругъ себя,—
А вкругъ ладьи разбитыя лежатъ,
И травъ морскихъ по необсохшимъ камнямъ
И на сыромъ пескѣ торчатъ лохмотья.
Стихаетъ море. Съ сѣвера прохладой,
Исполненной благоуханій чудныхъ
Съ полей и виллъ цвѣтущихъ Позилиппа,
Повѣяло, и серебристой дымкой
Подернулися городъ, даль и небо.

Когда подъ крикъословъ и продавцовъ
Неаполь пробудился и пилъ кофе—
Смѣющійся явился съ поздравленьемъ
Къ счастливой Коломбинѣ первый—Пеппо,
Съ огромнѣйшимъ букетомъ. День прошелъ
Какъ праздникъ. Были гости. На обѣдъ
Поѣхали на Капри. Пеппо точно
Торжествовалъ великую побѣду...
Потомъ все потекло своимъ порядкомъ,
Какъ прежде. Онъ для Коломбины сталъ,
Пожалуй, что еще нужнѣе въ трудныхъ
Заботахъ по хозяйству и по мужу;
Онъ у нея дѣтей крестилъ и няньчилъ...
Но, какъ ни бился, счастья милой доннѣ
Создать не могъ; худѣла все, худѣла
И наконецъ совсѣмъ она слегла.
Не ладно велъ себя ея супругъ.
Остепениться онъ не могъ и въ бракѣ
Не видѣлъ узъ для вѣтренаго сердца.
Почти и не жилъ дома. При больной
Безвыходно сидѣлъ лишь Пульчинелль...
Разъ ночью стало ей ужъ очень худо.
Съ усильемъ обратясь къ нему, она

Сказала: „Ты дѣтей моихъ не кинешь?“,
И руку подала, и улыбнулась...
Да! улыбнулась такъ она ему,
Какъ никогда! Быть-можетъ, началó
У ней въ глазахъ уже мутиться зрѣнье,
И ужъ не карло—нѣтъ! его душа
Ея очамъ духовнымъ предстояла—
И бѣдный Пеппо чуть не задохнулся
Отъ счастья... Но—о, Боже!.. вотъ ея рука
Въ его рукѣ хладѣетъ... взоръ недвиженъ...
Молчаніе... онъ ждетъ... она ни слова...
Свѣтъ лампы такъ лежитъ спокойно, тихо
На матовомъ лицѣ... не шевельнется
Ни волосокъ, ни локонъ въ безпорядкѣ
Разсыпавшихся на подушкѣ косъ...
Проворно пульсъ онъ щупаетъ; подноситъ
Къ устамъ ей зеркало... дыханья нѣтъ!
И нѣтъ сомнѣнья больше! Коломбина,
Жизнь, слава, божество его—скончалась!
И онъ вскочилъ, какъ бѣшеный. Свирѣпый
Какой-то вопль изъ груди испустилъ,
И бросился направо и налѣво
Все опрокидывать, все разбивать,
Все—канделябры, зеркала, сервизы,
И наконецъ среди опустошенья
Остановился передъ хладнымъ трупомъ
И, заломивъ въ отчаяніи руки,
Вдругъ прокричалъ: „Какъ я тебя любилъ!“,
И тутъ, въ ногахъ же у ея постели,
Упалъ безъ чувствъ—и найденъ былъ ужъ мертвымъ.

Неаполь плакалъ, но потомъ помалу
Всѣ успокоились, когда наука
Рѣшила, что скончались: Коломбина—
Отъ „phthisis“, онъ же—отъ „ruptura cordis“.
1871.

XI.

КНЯЖНА ***

ТРАГЕДІЯ ВЪ ОКТАВАХЪ.

„Какъ наши годы-то летятъ!"

I.

Давно ль, давно ль, на траурныхъ коняхъ,
Подъ балдахиномъ съ княжеской короной,
Богатый гробъ въ гирляндахъ и цвѣтахъ
Мы провожали... Поѣздъ похоронный
Былъ безъ конца... всѣ въ лентахъ и звѣздахъ,
Посланники, придворныя персоны
И духовенство высшихъ степеней,
И во главѣ его—архіерей...

Мы крестимся всегда при видѣ гроба,
Прощаемся, молясь за упокой,
Будь то бѣднякъ, будь важная особа...
Обычай, полный смысла, глубиной
И злѣйшаго плѣнявшій руссофоба...
И тутъ прощалась съ чьею-то душой
И дальше шла толпа... Но въ высшемъ свѣтѣ
Событьемъ были похороны эти...

Княжна... Но нѣтъ! Письму я не предамъ,
Нѣтъ, не предамъ я новому злословью
Фамиліи извѣстной съ дѣтства намъ!
Въ войну и миръ, и разумомъ и кровью,
Служилъ сей родъ отчизнѣ и царямъ.
И встарь почтенъ народной былѣ любовью...
Онъ въ наши дни, съ достоинствомъ, одной
Представленъ былъ покойною княжной.
И видомъ—ахъ! теперь какъ исполины
Предъ нами тѣ герои старины!..

Видали ль вы временъ Екатерины
Ея штатсъ-дамъ портреты?.. Всѣ, полны
Величія полунощной Аѳины
И геніемъ ея осѣнены,
Онѣ глядятъ какъ бы съ пренебреженьемъ
Вослѣдъ идущимъ мимо поколѣньямъ...

Могучій духъ, не знающій оковъ,
Для подвиговъ не знающій границы,
Безъ похвальбы свершавшій ихъ, безъ словъ,—
Все говоритъ, что это тѣ орлицы,
Къ кому, изъ царства молній и громовъ,
Свершители словесъ своей царицы,
Ея орлы—съ поднебесья порой
Спускалися на мигъ вкусить покой...

Изъ этой же породы самобытной
Была княжна, хоть сгладился ужъ въ ней
Весь этотъ пылъ, весь пламень ненасытный
Подъ вѣяньемъ иныхъ, счастливыхъ дней.
Тамъ—гордый стражъ пустыни, сфинксъ гранитный,
Въ тысячелѣтней простотѣ своей;
Здѣсь—Пракситель или рѣзецъ Кановы,
Гдѣ грація и духъ ужъ вѣетъ новый.

Ей этотъ лоскъ былъ Франціею данъ!
Да, Франція—и Франція Бурбоновъ,
Что̀ пережить сумѣла, какъ титанъ,
Республику и гнеть Наполеоновъ,—
Она княжну—цвѣтокъ полночныхъ странъ,
Къ ней кинутый крылами аквилоновъ—
Съ любовію въ объятья приняла
И матерью второю ей была.

Ея пѣвцовъ она внимала лирамъ,
Ораторовъ волнующимъ рѣчамъ,
Все приняла, чтобъ властнымъ быть кумиромъ
И первою звѣздой въ созвѣздьѣ дамъ,
И даже Онъ, пришедшій къ людямъ съ миромъ
И взоры ихъ поднявшій къ небесамъ,
Ей просіялъ какъ свѣтъ и какъ защита
Въ проповѣдяхъ отца іезуита...

Что̀?.. Странно вамъ слова мои звучатъ?..
Народность—все же изъ понятій узкихъ,
И въ этомъ шагъ мы сдѣлали назадъ,
Отъ образцовъ отрекшися французскихъ..

Но—вѣкъ таковъ! и всѣ теперь хотятъ
Преобразиться въ православныхъ русскихъ
Межъ тѣмъ какъ многіе едва-едва
Осилить могутъ русскія слова...

Вонъ—князь Андрей на это, лобъ нахмуря,
Глядитъ, какъ на опасную игру!
И говоритъ, что ужъ „глаза зажмуря
Давно живу и вѣчно на-юру“,
Что „впрочемъ, насъ бы не застала буря,
А тамъ—все пропадай, когда умру!..“
Онъ въ этомъ видитъ признаки паденья
И нравственныхъ началъ и просвѣщенья...

И до сихъ поръ упрямый старый тузъ
Твердитъ одно: „Европа есть обширный
Салонъ, гдѣ всякій—нѣмецъ иль французъ—
Своя семья! у всѣхъ одинъ, всемірный,
Тонъ, образованность, и умъ, и вкусъ!
Насъ только *терпятъ* тамъ, пока мы смирно
Сидимъ себѣ, какъ дѣти за столомъ,
On nous subit—à contre coeur притомъ...“

Но князь чудакъ! онъ парадоксъ ходячій!
Онъ отрицалъ Россію! И съ княжной
У нихъ всегда, бывало, споръ горячій.
Патріотизмъ княжны былъ огнь живой!
Россіи честь, побѣды, неудачи,
Воспринимала все она душой,
Все обсуждая, безъ предубѣжденья,
Съ высокой, европейской точки зрѣнья...

И вотъ съ такой душою и умомъ,
Все воспринявъ, что Западъ просвѣщенный
Взрощалъ вѣками въ цвѣтникѣ своемъ,
Она явилась съ ношей благовонной
Въ нашъ свѣтъ—и такъ поставила свой домъ,
Что самъ Кюстинъ, вторично занесенный
Судьбой въ нашъ край, ужъ бы не написалъ,
Что къ медвѣдямъ и варварамъ попалъ!

Свидѣтели—опять-таки французы!
Да! изъ французовъ—сливки, высшій слой,
Твердили въ хоръ, что Граціи и Музы
Изъ Франціи, отъ черни бунтовской,
Какъ отъ Персея съ головой Медузы,
Умчались на сѣверъ ледяной,

Перенеся въ салонъ княжны, въ Россіи,
Весь умъ французской старой монархіи.

И это зналъ и оцѣнилъ нашъ свѣтъ,—
И передъ нею все въ немъ преклонилось..
И хоть прошло событій много, лѣтъ,
И хоть княжна давно ужъ устранилась
Отъ поприща успѣховъ и побѣдъ,
Но все ея звѣзда не закатилась—
Отшельница изъ своего угла
На мнѣнія вліяла и дѣла.

Къ обычному стремились поклоненью
Къ ней Несторы правительственныхъ сферъ;
Вступая въ свѣтъ, къ ея благословенью
Являлися искатели карьеръ;
Къ ней шли, къ ея прислушаться сужденью,
Творцы реформъ по части новыхъ мѣръ,
И отъ княжны имѣть имъ одобренье
Бывало то жъ, что̀ выиграть сраженье...

Всѣ знали, что ея словцо одно
Имѣло вѣсъ и слушалося мнѣнье
Въ такихъ предѣлахъ, гдѣ не всѣмъ дано
Имѣть и смѣть сказать свое сужденье...
Конечно, умъ тутъ много значилъ... но
Одинъ ли умъ?.. У васъ ужъ и сомнѣнье?
О, жалкій вѣкъ! Какъ скоръ твой приговоръ!
Мерещится тебѣ лишь грязь да соръ!

Нѣтъ-съ! Ужъ Парижъ, знатокъ по этой части,
Видавшій цвѣтъ сыновъ своихъ, княжной
Отвергнутыхъ, со всѣмъ ихъ пыломъ страсти,
Клялся богами, небомъ и землей,
Что нѣжныхъ чувствъ она не знаетъ власти,
Что передъ ней, въ досадѣ плача злой,
Самъ Купидонъ, лукавый богъ и смѣлый,
Разбилъ колчанъ и изломалъ всѣ стрѣлы.

Хоть хроника паденій и побѣдъ
Для свѣта служитъ легкой лишь забавой,
И не педантъ онъ въ нравственности, свѣтъ,—
Но высоко и достодолжной славой
Почтитъ онъ ту, въ которой пятенъ нѣтъ!
Всегда въ виду весталки величавой,
Какъ въ ѻно время развращенный Римъ,
Разступится съ почтеніемъ нѣмымъ!..

Княжна всю жизнь, какъ съ кованой бронею,
Гдѣ каждая блеститъ на солнцѣ грань,
Сквозь этотъ міръ соблазновъ, предъ толпою
Чиста какъ день прошла... и отдалъ дань
Ей гордый свѣтъ, упрочивъ за княжною
До позднихъ дней названье chaste Diane...
Былъ этотъ титулъ ей всегда дороже,
Она гордилась имъ... и вдругъ... о, Боже!..

Нѣтъ! не могу!.. Ея вступленья въ свѣтъ
Я не засталъ—но съ перваго мгновенья,
При первой встрѣчѣ, юноша-поэтъ
Былъ пораженъ!.. Серьезность выраженья
(Ее встрѣчалъ я не на балѣ, нѣтъ!
Въ прогулкахъ, по утрамъ, въ уединеньи),
Задумчивость, вдаль устремленный взоръ—
По небу ль грусть, землѣ ль нѣмой укоръ?..

О, дальнія дорожки Монплезира...
Или тѣнистый Царскосельскій садъ...
И вдругъ—видѣнье неземного міра...
Чуть слышно кони быстрые летятъ...
О, Пушкинъ!—думалъ я:—твоя бы лира...
Ты лишь умѣлъ, твой вдохновенный взглядъ,
Вмигъ указать, гдѣ божество во храмѣ,
Вмигъ разгадать Мадонну въ свѣтской дамѣ!..

Признанье позднее... Княжна была
Моимъ надолго тайнымъ идеаломъ...
Трагической кончиной умерла—
Трагедію жъ смѣшали со скандаломъ!
Она всегда извѣстнаго числа
Давала балъ, и передъ самымъ баломъ
Упалъ кумиръ, и, что страшнѣй всего:
Съ нимъ рухнулъ образъ нравственный его...

Да, падаютъ имперіи—но слава
Переживаетъ. Упадаетъ храмъ,
Но богъ, въ немъ жившій, составляетъ право
На память и почетъ тѣмъ племенамъ,
Что съ именемъ его прошли какъ лава,
Какъ Божій бичъ по сушѣ и моремъ...
Но человѣкъ, въ которомъ уважались
Достоинства, котораго боялись

Лишь потому, что онъ былъ совершенъ,
Со всѣхъ сторонъ великъ и безупреченъ—

И вдругъ внутри его лишь гниль и тлѣнъ!..
Но нѣтъ! Я не сужу!.. Кто безпороченъ?
Въ паденіи, быть-можетъ, сокровенъ
Глубокій смыслъ и, можетъ-быть, уплоченъ
Имъ страшный долгъ... а мы съ своимъ умомъ
Въ чужой душѣ что̀ смыслимъ? что̀ прочтемъ?..

II.

На мѣстѣ я изъ первыхъ былъ. Успѣли
Едва лишь подхватить ее—куаферъ,
Модистка и сложили на постели.
На головѣ богатый былъ уборъ,
А между тѣмъ глаза ужъ потускнѣли.
А тутъ, кругомъ, блескъ лампъ, трюмо, приборъ
Помадъ, духовъ и надо всѣмъ—незримый
Изъ вѣчности посолъ неумолимый.

Да, этотъ гость былъ всѣми ощутимъ...
Взглянулъ онъ всѣмъ въ глаза мертвящимъ взглядомъ,
Всѣмъ, въ ужасѣ стоявшимъ тутъ живымъ...
И дрогнули подъ праздничнымъ нарядомъ
У всѣхъ сердца... Эхъ! шутимъ мы, трунимъ
Надъ смертію, надъ судищемъ и адомъ,—
А покажись чуть-чуть она—ей-ей,
Раскланяться забудемъ даже съ ней!

Конечно, все, какъ при внезапномъ громѣ,
Что̀ было дворъ, что̀ около двора,
Что̀ приживало въ старомъ барскомъ домѣ,
Все—въ будуаръ! Явились доктора,
Но, главное, при этакомъ содомѣ,
Швейцаръ, безъ ногъ и вспыхахъ съ утра,
И невдомёкъ, чтобъ, при событіи этомъ,
Отказывать являвшимся каретамъ.

И бальною разряженной толпой
Весь домъ наполнился. Толпа врывалась
И въ будуаръ. При вѣсти роковой
Цвѣты, брильянты, гасло все, казалось.
Но надъ померкшей этой пестротой
Одна фигура рѣзко отдѣлялась:
Недвижно, руки на груди сложивъ
И—точно съ вызовомъ на бой—вперивъ
Въ покойную упорный взглядъ, стояла
Одна предъ ней дѣвица. Все кругомъ

Ее какъ будто въ страхѣ обѣгало.
Чужимъ для всѣхъ, казалось, существомъ
Она была и точно предвѣщала
Что роковое... Такъ передъ судомъ
Господнимъ ангелъ, можетъ-быть, предстанетъ
Намъ возвѣстить, что—се грядетъ и грянетъ...

Сравненье это, впрочемъ я схватилъ
Такъ, на лету... Передо мной ихъ много
Въ тотъ мигъ какъ будто вихорь проносилъ.
То вспоминалъ дельфійскаго я бога,
Когда стрѣлу въ Пиѳона онъ пустилъ,
То Каина мнѣ чудилась тревога,
Когда онъ смерть увидѣлъ въ первый разъ,
Оставшись съ мертвымъ братомъ глазъ на глазъ...

Въ разрѣзъ со всѣмъ была дѣвица эта.
Одѣта—самый будничный нарядъ—
Въ суконномъ черномъ платьѣ, безъ корсета,
И волосы откинуты назадъ
А l'étudiant. Ни брошки ни браслета.
Всѣмъ уловить ея хотѣлось взглядъ,
Хотѣлось угадать, что въ ней творится,
Что на челѣ высокомъ отразится?

Но ничего—все тщетно!—не прочли!
Княжнѣ судьба какъ будто услужила,
Чтобъ угадать у мертвой не могли,
Какая мысль въ послѣдній мигъ застыла
У ней въ лицѣ, подъ дымкой poudre de riz,—
Но та, живая, юная, таила,
Пожалуй, глубже чувства, и вездѣ
Держалъ ихъ умъ въ натянутой уздѣ...

А между тѣмъ хотѣлося такъ страстно
Ихъ допросить... Не смерть ужъ тутъ видна,
Тутъ шопотъ пробѣгалъ еще ужасный...
„Какъ? Эта самая... она... она —
Воспитанница эта—вотъ прекрасно!
Она ей—дочь?.. Возможно ли! Княжна,
La chaste Diane?.. И такъ все скрыто было?
И вотъ она-то, дочь, ее убила?..“

III.

И матери увозятъ дочерей
Скорѣе прочь. Во всѣ концы столицы

Летитъ толпа распугнутыхъ гостей;
Вѣстовщики помчались, вѣстовщицы,
Заволновался свѣтъ, и князь Андрей
Уже къ восходу розовой денницы,
Сообразя всѣ факты и слова,
Доказывалъ, что все—какъ дважды два...

„Во-первыхъ—сходство. Чудными глазами,
Извѣстно, отличался весь ихъ родъ.
Глаза княжны воспѣты и стихами,
И очень мѣтко: „Въ нихъ гроза живетъ.
Когда въ душѣ все тихо—то надъ нами
Зарницами играетъ—все цвѣтетъ,
Смѣется вкругъ; но мысль одна иль слово —
И молнія разрушить міръ готова!

„И счастье, что надъ этою грозой
Сильна такъ власть ума и сердца“.—Это
Едва ль не самъ Гюго своей рукой
Вписалъ въ альбомъ княжны—два-три куплета.
У дѣвочки точь въ точь: и взглядъ такой,
Зрачки того жъ измѣнчиваго цвѣта,
Рѣсницы только больше и острѣй,
И та же складочка между бровей.

„Засимъ—характеръ. Помните сравненье—
Вѣдь ваше—та была еще дитя—
Другъ противъ друга станутъ въ изумленьи,
Ужъ больше словъ какъ бы не находя—
Ну, такъ похожи, какъ изображенье
Большого Я и маленькаго я!
Въ обѣихъ та жъ непогрѣшимость, вѣра
Въ себя и то жъ произношенье *эра*...

„Ну-съ, а когда, бывало, та поетъ,—
Вѣдь у княжны, мы помнимъ, на всю залу,
Бывало, сердце просто такъ ей бьетъ!
Ну-съ, а когда“...—„Да будетъ! Ну, пожалуй
Будь такъ, по-вашему!.. Мы послѣ счетъ
Сведемъ грѣхамъ и всякому скандалу!..
Теперь же вспомните—вѣдь кто угасъ?
Кого не стало?.. Лучшей между васъ!..“
О, человѣкъ! о, слабое творенье!

За честь княжны я обнажаю мечъ,
А въ самого ужъ крадется сомнѣнье,

И падаетъ на полусловѣ рѣчь...
А если—да?.. Какое откровенье!..
Но какъ же узелъ Гордіевъ разсѣчь?!.
Сравненье съ „Я“ мое; безъ мысли всякой —
Княжна тогда вся вспыхнула однако!

Но пусть какъ знаютъ и рѣшатъ вопросъ!
Одно я помню: сколько счастья, свѣта
Съ собою въ домъ ребенокъ этотъ внесъ!
Что красоты, гармоніи, привѣта
Въ самой княжнѣ Богъ вѣсть откуда взялось!
Ахъ, это былъ вѣнецъ ея расцвѣта!
Всѣ думали тогда: „ну! влюблена!
Да! наконецъ-то!“... Бѣдная княжна!..

Но маленькое „я“ все подрастало
И начало тѣснить большое „Я“,
И выше все головку подымало.
Тутъ нуженъ сталъ ужъ высшій судія,
И миротворцемъ няня выступала—
Старушка крѣпкая, хоть житія
Подъ пятьдесятъ тогда ей, вѣрно, было:
Она княжну вскормила и взрастила.

Она, внизу заслыша только „бой“,
Взойдетъ да покачаетъ головою,
Да на княжну посмотритъ—какъ водой
Ее обдастъ, и ласково рукою
Потреплетъ дѣвочку: „ну, ты, герой,
Поди-ка повинись передъ княжною“,—
И та на шею къ нянѣ, а потомъ
Ужъ и къ княжнѣ, и плачутъ всѣ втроемъ...

Но эти бури только лишь скрѣпляли
Союзъ сердецъ. Уютна и тиха
Текла ихъ жизнь, и въ ладъ сердца стучали,
Какъ два съ богатой ритмою стиха.
Одна росла; глаза другой читали
Въ ея душѣ, и не было грѣха
(Какіе же грѣхи!) ни мысли тайной,
Чтобы отъ нихъ укрылись хоть случайно!

И дивный миръ ихъ души наполнялъ,
И все вокругъ сіяло чистотою,
И, къ нимъ входя, порой я ощущалъ,
Что вотъ сейчасъ же, спугнутый лишь мною,

Отъ нихъ какъ будто ангелъ отлеталъ...
Княжна умѣла совладать съ собою,
И хоть входилъ я къ нимъ съ доклада слугъ,—
Въ ней точно легкій пробѣгалъ испугъ...

IV.

Ахъ, эти дни! Ужъ какъ они далеко!
Я молодъ былъ... я принятъ былъ княжной
Такъ, запросто... О, какъ стоитъ высоко
Она, всегда казалось, предо мной!
Нѣтъ, свѣтъ ея не зналъ, я былъ глубоко
Въ томъ убѣжденъ: плѣнялась красотой,
Героя видитъ только въ полѣ боя!
Нѣтъ, какъ онъ дома, посмотри героя!

И этотъ дѣдовскій, старинный домъ
Въ одинъ этажъ какимъ-то властелиномъ,
Съ задумчиво нахмуреннымъ челомъ,
Стоялъ съ своимъ высокимъ мезониномъ,
Съ колоннами... два льва передъ крыльцомъ...
Теперь—увы!—запаснымъ магазиномъ
Иль складомъ служитъ, съ улицы же онъ
Другимъ большимъ совсѣмъ загороженъ...

Внутри же эти залы—точно храмы
Исторіи... Портреты вамъ твердятъ:
Бендеры, Куннерсдорфъ, гдѣ самъ упрямый
Великій Фридрихъ былъ разбитъ... весь рядъ,
Все служитъ исторической рамой
Жилымъ покоямъ, гдѣ „Армидинъ садъ“,
Какъ говорили, гдѣ ужъ шло движенье
Вокругъ самой, при новомъ освѣщеньи...

Но этотъ старый міръ въ пыли, въ тѣни,
Изъ сумрака вѣковъ какъ бы глядящій
Разумнымъ окомъ, въ шумѣ болтовни
И смѣха строгій видъ одинъ хранящій,
Лишь съ глазу на глазъ намъ про наши дни,
Про насъ самихъ свой судъ произносящій—
Княжна ихъ понимала ль?.. Да!.. Но какъ?
По-своему... Одинъ тамъ былъ чудакъ,

Чудакъ совсѣмъ особеннаго рода,
Не дѣдъ и не отецъ—послѣдній былъ
Лихой гусаръ двѣнадцатаго года
И декабристъ—въ Парижѣ больше жилъ;

Дѣдъ—вольтерьянецъ: вѣкъ такой ужъ, мода
Тогда была. Нѣтъ; тотъ, который слылъ
При жизни чудакомъ,—глубоко чтила
Его княжна, хоть часто говорила:

„Il me fait peur parfois, мой прадѣдъ—тотъ,
Что съ Фридрихомъ сражался. Онъ желѣзный
Былъ человѣкъ; фантастъ во всемъ, деспотъ;
Какъ на войнѣ ни пропасти ни бездны
Ему ничто, и самъ всегда впередъ,—
Онъ для солдатъ былъ идолъ ихъ любезный,—
Таковъ и въ мирѣ! Ужасъ наводилъ
На цѣлый край! Чего ужъ ни творилъ!

„Въ дому—гаремъ; дѣла по всѣмъ приказамъ,—
И вдругъ онъ всю губернію зоветъ
На пиръ. Всѣ ѣдутъ. Всѣ къ его проказамъ
Привыкли. Ждутъ. И вотъ двѣнадцать бьетъ,
И въ черной ризѣ входитъ попъ. Все разомъ
Смолкаетъ, музыканты, пиръ. Встаетъ
Съ сидѣнья князь и—въ ноги всѣмъ, прощенья
Прося за всѣ грѣхи и преступленья,

„Гостямъ, женѣ и людямъ, въ ноги всѣмъ.
Приносятъ гробъ—ложится. Попъ читаетъ
Надъ нимъ отходную, и онъ затѣмъ
Какъ бы совсѣмъ изъ міра исчезаетъ...
Дверь на запоръ—и двадцать лѣтъ ни съ кѣмъ
Не говоритъ, не видится. Вкушаетъ
Лишь хлѣбъ съ водой. Когда же умеръ, тутъ
На немъ нашли вериги слишкомъ въ пудъ.

„En v'là un homme!..“ Да, въ человѣкѣ этомъ
Та крѣпкая сказалась старина,
Что вынесла Россію... Предъ портретомъ
Подолгу такъ стоитъ порой княжна...
На немъ онъ былъ изображенъ атлетомъ,
Генералъ-аншефъ. Живопись темна,
И лишь глаза, ихъ взглядъ невозмутимый,
Ихъ каждый чувствовалъ, кто шелъ лишь мимо.

„Смирился, нянька говоритъ о немъ,
И спасся... и въ ея понятьяхъ это
Возможно и теперь... прійти—во всемъ
Покаяться—и умереть для свѣта!
Въ Ерусалимъ уйти, одной, пѣшкомъ...
Какъ просто все у нихъ! Все кѣмъ-то гдѣ-то

Уставлено..."—сказала разъ она...
Я думалъ: эй, хандрите вы, княжна!

А въ Крымъ поѣздка?.. Жажда ль искупленья
Во дни войны туда ее вела?
Тамъ весь дворецъ она въ своемъ имѣньи
На берегахъ Салгира отдала
Подъ госпиталь... Что̀ ангелъ воскресенья
Для страждущихъ у ихъ одра была...
Охъ, узнаю! подъ бранной лишь грозою
Становишься ты, Русь, сама собою!..

Геройскій духъ, что̀ тамъ осуществилъ
Великую въ народахъ эпопею,
На всѣхъ свой отблескъ славный положилъ,
Всѣхъ озарилъ поэзіей своею...
Генералъ-аншефъ—что̀ жъ, доволенъ былъ?
Доволенъ былъ и очень, думать смѣю!
Когда княжна, изъ Крыма воротясь,
О тамошнихъ дѣлахъ вела разсказъ,

О томъ, какъ подъ огнемъ, на бастіонахъ,
Шутя со смертью, смѣхъ не умолкалъ;
Какъ наконецъ, въ виду враговъ смущенныхъ
Нашъ старый вождь имъ городъ оставлялъ.
„Въ развалинахъ твердынь окровавленныхъ,—
Суровый аншефъ точно повторялъ:—
Парижскій миръ—не велика проруха!
За нами главное: побѣда духа!.."

Съ загаромъ на лицѣ, душа полна
Невѣдомыхъ дотолѣ впечатлѣній,
Какъ хороша тогда была княжна!
Что̀ въ этотъ міръ ничтожныхъ треволненій,
Въ салонный свѣтъ свой принесла она
И новыхъ чувствъ и новыхъ откровеній.
Душой святому подвигу ужъ разъ
Со всѣмъ народомъ купно причастясь!..

V.

А если—дочь?.. Такъ вотъ она, изнанка
И тайный смыслъ тревогамъ и слезамъ!
Такъ вотъ она какая „итальянка"!
Въ Италіи подобрана вишь, тамъ!
Вотъ для кого нужна и англичанка,
Француженка и нѣмка—языкамъ,

Предметамъ обучать, а тамъ, съ годами,
Учителя—и что̀ съ учителями!..

„Вотъ за дѣтей кто Богу дастъ отвѣтъ!—
Княжна, бывало:—ужъ не то что̀ Жени,
Большому оглупѣть!.. j'en perds la tête!
Тотъ буквы ѣ и ъ, а тотъ спряженій
Не признаётъ!.. Поэзіи—ужъ нѣтъ!
Одинъ, такъ вмѣсто всякихъ упражненій
Въ грамматикѣ, сталъ дѣвочку учить—
Да нѣтъ! о томъ *мнѣ* стыдно говорить!

„Взяла другого. Чѣмъ же началось?
Читать стихи далъ Пушкина „Поэтъ“,
И сдѣлалъ двѣсти тридцать два вопроса,
Чтобъ дѣвочка на всѣ дала отвѣтъ.
На этомъ—годъ ученье уперлося!
Да всѣ поэты опротивятъ!.. Нѣтъ,
Они—о, прелесть!—сдѣлали открытье,
Что нужны намъ не знанья, а—развитье!“

Развитье, впрочемъ, удалось,—хотя
Въ ущербъ грамматики, и Музъ, и Грацій.
Но что-то въ насъ проснулося, свѣтя
Огнемъ въ глазахъ; мы все, безъ апелляцій,
Рѣшили вмигъ; всѣ силы посвятя
Развитью смертныхъ безъ различья націй,
Мы стали „женщиной“ въ осьмнадцать лѣтъ,
Въ которой все новò отъ *A* до *Z*.

Въ то время всѣ, севастопо̀льскимъ громомъ
Отъ гордой дремоты пробуждены,
Мы кинулись ломать киркой и ломомъ
Все старое, за всѣ его вины;
Вдругъ очутились въ мірѣ незнакомомъ,
Гдѣ снились всѣмъ блистательные сны,
Свобода, правда, честность, просвѣщенье
И даже—злыхъ сердецъ перерожденье...

И у княжны сіялъ тогда салонъ;
Сужденья были пламенны и смѣлы,—
Но умѣрялъ ихъ вкусъ, хорошій тонъ,
И знала мысль разумные предѣлы.
Потомъ все въ стройный облеклось законъ,
И жизнь пошла, и началося дѣло,
Корабль былъ спущенъ—лозунгъ кормчимъ данъ—
И мы вошли въ безбрежный океанъ...

Все Женя слушала—и не бѣда бы...
Но тутъ къ княжнѣ племянничекъ ходилъ,
Блондинъ и золотушный мальчикъ, слабый
И въ золотыхъ очкахъ. Онъ подружилъ
Своихъ „сестричекъ“ съ Женей: „то-то бабы,
Да-съ, Новая Россія!—онъ твердилъ:—
Не нѣженки, не шваль, не сибаритки!
Все вынесутъ, и казематъ и пытки!“

Смѣшные были: сядутъ все кружкомъ,
Какъ заговорщики; такъ смотрятъ строго
Изъ-подъ бровей и шепчутся тайкомъ.
На все отвѣтъ короткій, словъ не много,
Отрубятъ разъ и ужъ стоятъ на томъ.
Княжна терялась: рѣзкость мысли, слога,
„Ужасный тонъ“ и эта брань на свѣтъ,
Что это міръ фразерства, лжи, клеветъ...

„Откуда это? что̀ это такое?
Послушать ихъ, такъ всѣ мы только лжемъ,
Живемъ, чтобы жуировать въ покоѣ
И праздности! „свой „комфортъ“ создаемъ
На крови и костяхъ! а остальное—
Народъ, le peuple, держимъ подъ ярмомъ
Въ невѣжествѣ, чтобъ намъ покорны были,—
Народъ, который мы жъ освободили!..

„А о себѣ что̀ думаютъ! какой
При этомъ фанатизмъ! Въ огонь и въ воду
Сейчасъ готовы! *жертвуютъ* собой!
Увѣрены, что бѣдному народу
Въ нихъ лишь спасенье! Вѣкъ, вишь, золотой
Откроютъ, братство, равенство, свободу!
Ну—пусть племянникъ—онъ ужъ изъ пажей
Былъ исключенъ,—но Женя? съ ней что̀, съ ней?“

Княжна терялась, и что̀ день, то, видитъ,
Все хуже. Началось молчанье. Споръ
Лишь вспышками, бывало, только выйдетъ.
И помню разъ: „Всѣ эти толки вздоръ!—
Княжна сказала съ жаромъ:—ненавидитъ
Она меня—вотъ въ чемъ весь разговоръ!“
И разрыдалась. Мнѣ досадно стало:
Вѣдь малодушье только оказала!

VI.

Пропало все веселіе у насъ!
Весь домъ затихъ, и пѣнье замолчало,
И музыка какъ бы оборвалась;
Какъ будто два хозяина въ немъ стало
И на-двое душа разодралась.
Что въ немъ жила и жизнь всему давала,
И стало двѣ, и каждая съ враждой
Слѣдитъ упорно всюду за другой...

„Хоть кто-нибудь придите, ради Бога,
Да помогите!..“ Слава въ дни тѣ шла
Про одного въ столицѣ педагога—
Княжна тотчасъ его и позвала,
Про умъ его наслышавшися много,
А главное, что велъ свои дѣла
Онъ безъ педантства, дѣйствуя съ успѣхомъ
На молодежь ироніей и смѣхомъ.

Ужъ былъ въ чинахъ и въ гору вдругъ пошелъ,
Благодаря проекту пересадки
Какихъ-то къ намъ изъ-за границы школъ.
Введись-ка планъ и всѣ его порядки,
Онъ, увѣряютъ, чудо бъ произвелъ!
Вся бъ наша Русь, отъ Прута до Камчатки,
Однообразіемъ плѣняя взглядъ,
Вся бъ обратилась въ чудный дѣтскій садъ!

Прекрасная и смѣлая попытка
Уравновѣшенья духовныхъ силъ!
У насъ въ умахъ не стало бъ ни избытка
Ни недостатка: все бъ онъ устранилъ,
Всѣ бъ ровно шли, не вяло и не прытко.
И вотъ свой планъ онъ въ общемъ изложилъ;
Потомъ, когда ужъ по его расчетамъ
Была пора, онъ ловкимъ поворотомъ

На главный пунктъ направилъ разговоръ,
Что, молъ, хаосъ вездѣ, раздоръ, тревога:
Мальчишки—даже тѣ вошли въ задоръ,
Учителямъ толкуютъ, что нѣтъ Бога,
Отечество, религія—все вздоръ!
Что требуютъ отъ нихъ ужъ слишкомъ много
И, съ важностью взъерошивши вихры,
Шипятъ: одно спасенье—топоры!

„Пусть мальчики бъ одни, молокососы,—
Нѣтъ съ барышнями справы! Покидавъ
И музыку и пяльцы, рѣжутъ косы
И, какъ-то вдругъ свирѣпо одичавъ,
Въ лицо кричатъ намъ: вы, молъ, эскимосы.
У женщинъ все украли! Правъ намъ! правъ!
Работы намъ, разбойники, работы!..
Какъ будто мы-то трудимся съ охоты!.."

Онъ былъ доволенъ. Думалъ—удалось.
Смѣялся больше всѣхъ, но не смѣялась
Лишь молодежь: и только поднялось
Все общество, какъ Женечка подкралась
И показала педагогу „носъ",
И съ хохотомъ на верхъ къ себѣ помчалась;
Блондинъ же хамкнулъ: „въ полдорогѣ, братъ,
Глупцы да подлецы одни стоятъ".

Какъ полководецъ, потерявъ сраженье,
Стоялъ нашъ риторъ... Но грустнѣй всего,
Что вывело такое заключенье
Потомъ княжна по поводу его:
„Пусть Жени неприлично проявленье,—
Но въ сущности и стоитъ онъ того:
Они всѣ—красные! кто такъ, изъ моды,
Отъ глупости, кто плутъ ужъ отъ природы".

VII.

А занимала Женечка меня!
Былъ у княжны обѣдъ—кой-кто изъ свѣта
И, между знаменитостями дня,
Ея друзья, извѣстныхъ два поэта.
Одинъ—онъ чудная душа! огня,
Любви исполненъ, жаждалъ мира, свѣта,
Могъ все имѣть, но презрѣлъ блескъ и шумъ
И предпочелъ свободу чистыхъ думъ...

Онъ горячо тупой скорбѣлъ за долю,
Что русскому народу суждена.
Разбросанъ по лѣсамъ, прикованъ къ полю,
Онъ искони и самъ и вся страна
Обречены на вѣчную неволю...
Сперва—Орда!.. Едва низложена,
Встаетъ Москва—съ ней батоги и плаха,
И какъ Молохъ царитъ лишь силой страха...

„Чѣмъ можемъ мы гордиться? Гдѣ тутъ честь?
Гдѣ рыцарство? Крестовые походы?
Гдѣ революціи святая месть?
Гдѣ истины исканье и свободы,
Что человѣчеству могла принесть
Россія въ даръ, чтобы ее народы
Благословить могли? Что̀ создала?
Угрозой лишь для нихъ всегда была!

„А жаль! Народъ съ душой какъ міръ широкой,
Съ поэзіей, со страстью и умомъ!..“
Всѣ поняли порывъ души высокой,
И князь Андрей воскликнулъ съ торжествомъ:
„Я говорю, поплатимся жестоко
За гордость мы и бѣды наживемъ:
Дождутся эти наши самоучки,
Что насъ возьмутъ, да въ Азію подъ ручки!“

Тутъ вышелъ споръ... Не чудно ли, ей-ей!
Россія! ты—съ заоблачной главою
Разлегшійся между пяти морей
Чудесный сфинксъ,—а мы передъ тоою,
Предъ вѣчною загадкою твоей,
Кружимъ, жужжимъ, подобно мошекъ рою,
И споримъ,—ты же, въ думу углубясь,
Глядишь куда-то... только не на насъ...

Другой поэтъ—онъ, голову понуря,
Сидѣлъ и слушалъ, но въ душѣ его
Ужъ видимо накапливалась буря...
О, полное видѣній существо!
Я какъ теперь гляжу: глаза зажмуря,
Какъ бы помимо зримаго всего,
Ты въ глубь вѣковъ уносишься душою
И говоришь какъ будто самъ съ собою:

„Да, бѣдная Россія!.. Лѣсъ и боръ,
А съ юга—степь! Не обозрѣть равнину!
И въ людяхъ: *родъ вожга на родъ*, раздоръ,
Живяху бо по образу звѣрину...
И вотъ туда идетъ съ Аѳонскихъ горъ
Смиренный инокъ, что̀ *во челюсть львину*,
И дикарямъ являетъ идеалъ,
Что̀ на крестѣ Распятый міру далъ...

„Идетъ одинъ—въ лѣса, въ мѣста глухія—
До Соловковъ—и край преображенъ!..

Нахлынули народы кочевые,
Встаетъ Исламъ и папа, съ трехъ сторонъ
Крушится все, крушится Византія,
Но ужъ въ Москвѣ оплотъ сооруженъ,
И пробилъ часъ изъ мрака ей изыти,
Какъ третій Римъ, четвертому жъ не быти...

„И сталъ отсель онъ народовъ духъ
Единъ хранитель истины Христовой...
Что жъ? Продолжать?..—смотря съ улыбкой вкругъ,
Спросилъ поэтъ:—Одно лишь, впрочемъ, слово!
Мы—высшій свѣтъ—мы спрашиваемъ вдругъ,
Что создала Россія, и намъ ново,
Въ чаду чужихъ идей забывъ свое.
Припомнитъ то, что создало ее!..

„Тамъ—силой міръ былъ сплоченъ феодальный
И пестрый сбродъ племенъ въ одинъ народъ;
Здѣсь весь народъ, дотоль какъ бы опальный,
Великое призванье сознаетъ,
И ради той идеи колоссальной
Онъ весь—отъ смерда до царя—идетъ
И государству въ крѣпость отдается,
И терпитъ все, лишь вѣра да спасется!

„И вотъ предсталъ онъ въ образѣ Петра
Предъ міромъ вдругъ, какъ грозный тріумфаторъ...
Содрогся міръ: ужъ не пришла ль пора,
И ужъ идетъ Восточный императоръ?..
Но тутъ и блескъ Версальскаго двора
И Запада профессоръ и ораторъ
Плѣнили насъ, повѣрили мы имъ,—
Да на раздумьѣ грустномъ и стоимъ!..“

Поэтъ умолкъ. Въ его горячемъ словѣ
Послышалась такая глубина,
Что смолкли всѣ... „E pur se muove.—
Послышалось,—и все идетъ она,
Все та жъ *святая* Русь, своей основѣ,
Сама того не вѣдая, вѣрна!
И все ей въ прокъ! Что нынче такъ оставитъ,
То завтра взять само себя заставитъ“...

То высказалъ какой-то старичокъ,
Когда-то бывшій консулъ на Востокѣ.
Онъ продолжалъ: „Востокъ—намъ свѣтъ, Востокъ!
Въ Россіи—всѣ несемся мы въ потокѣ;

Намъ не видать, куда летитъ потокъ,
Что океанъ могучій и широкій!
Нѣтъ! встань на Гималэй, смотри съ Балканъ,
Лишь тамъ поймешь ты этотъ океанъ!..“

Его слова затронули поэта,
Онъ подхватилъ: „И только бъ раздалось
Съ высотъ Кремля и до высотъ Тайгета
Одно словцо,—и разрѣшенъ хаосъ!
Словцо—Восточный императоръ“... Это
Я потому привелъ, что весь вопросъ
Тогда же предложилъ на обсужденье
Дѣвицъ, и Женя высказала мнѣнье:

„Нашъ вѣкъ,—слова чеканила она,—
Вѣкъ личности. И разумъ и свобода—
Его девизъ. Былая жизнь должна
Окончиться для всякаго народа;
И будетъ жизнь людей вездѣ одна,
Безъ государствъ и безъ различья рода
И племени“.—„Коммуна, такъ сказать?“—
„Какъ вамъ угодно можете назвать,

„А ужъ такъ будетъ“.—„Это ваша вѣра?“—
Спросилъ я.—„Математика,—отвѣтъ:—
Я не люблю ханжи и лицемѣра,
Но искренни тотъ и другой поэтъ,—
Да старики!.. Для нихъ свята химера
Ихъ государства!.. Тысячи вѣдь лѣтъ
Уходятъ на него умы, таланты...
А про святыхъ онъ—ну, ужъ обскуранты!“

VIII.

Потомъ я видѣлъ Женю только разъ.
Кой-кто собрался. Свѣтская, живая
Шла болтовня, и Женя, наклонясь
Въ углу между своихъ надъ чашкой чая,
Ну—отпускать „словца“ на всѣхъ на насъ
И вслухъ. „Какая же вы нынче злая“,—
Сказалъ я ей, смѣясь, какъ всѣ ушли.
Она жъ запальчиво:—„Жгу корабли!“

Тотъ вечеръ былъ рѣшительный. Пропала
Она изъ виду съ этихъ поръ. Княжна
Старалась скрыть отъ свѣта все сначала.
Все вышло такъ: оставшися одна,

Ужъ проводивъ гостей, она послала
Позвать къ ней Женю. Въ этотъ разъ она
Явилася тотчасъ же предъ княжною,
Но—Боже!—какъ?.. Съ обрѣзанной косою!..

Княжна лишь ахнула. И вдругъ, въ сердцахъ:
„Вонъ, стриженая, вонъ!“ Не дрогнувъ бровью,
Та повернулась и пошла. Въ слезахъ
Легла княжна въ постель. На утро—кровью
Въ ней сердце облилось: нѣтъ Жени! Страхъ,
Двоякій страхъ: и поприще злословью,
Да и жива ль?... И какъ она могла?
И отчего, зачѣмъ, куда ушла?..

Куда ушла!.. Въ невѣдомое море!
Какъ утлый челнъ, оторванный волной!
Что жъ манитъ такъ тебя въ его просторѣ?
Какую пристань видишь предъ собой,
Безумная!.. Нѣтъ пристани! Лишь горе
Да вѣчное скитанье предъ тобой!
И часъ прійдетъ—очнешься ты надъ бездной
Разбитая, одна, во тьмѣ беззвѣздной...

Я говорилъ, но ужъ трещалъ канатъ,
Ужъ вѣтеръ дулъ; она лишь улыбалась!
Гремѣлъ громовъ далекихъ перекатъ,
Въ ея глазахъ лишь пламя разгоралось.
И, на меня поднявъ съ насмѣшкой взглядъ,
Она хотѣла высказать, казалось:
„Ты слышишь ли, что сердце мнѣ поетъ?
Звучнѣе ль пѣснь мнѣ разумъ твой найдетъ?..“

О, если бы да нашъ не зачерствѣлый
Въ сомнѣньяхъ умъ иную тему далъ,
И сами бъ мы увѣренно и смѣло
Держали путь на свѣтлый идеалъ,—
Иную пѣснь тогда бъ ей сердце пѣло,
Иной бы вѣтеръ челнъ ея помчалъ!..
Но развѣ въ насъ душа такъ обнищала,
Что у самихъ у насъ нѣтъ идеала?

И, цвѣтъ народа, мы бредемъ впотьмахъ,
И мечемся въ кругу какъ эфемеры,
Безъ вѣрной цѣли, безъ любви въ сердцахъ,
Безъ корня, безъ плода?.. Для насъ—химеры
Добро и зло? И для всего въ рукахъ
У каждаго свои вѣсы и мѣры?

Нѣтъ идеала, нѣтъ того у насъ,
Что живо такъ въ инстинктѣ темныхъ массъ?

Нѣтъ, много ихъ, но служатъ лишь отзывомъ
Всѣ на чужой! Побрежный людъ, должны
Бороться мы безъ устали съ приливомъ
Къ намъ издали катящейся волны...
Взлетитъ къ намъ всплескъ неистовымъ порывомъ
Богъ знаетъ гдѣ взмущенной глубины,
Зальетъ поверхность, и, до новой смѣны,
Уйдетъ, оставя гнить здѣсь клубы пѣны...

IX.

Отъ Жени, впрочемъ, на столѣ у ней
Нашлась записка: „Рано или поздно
Мы разойтись должны, и чѣмъ скорѣй,
Тѣмъ лучше. Вмѣстѣ жить, глядѣть же розно—
И тяжело и подло. Изъ дѣтей
Я вышла. Въ жизнь давно смотрю серьезно.
Иду. Вамъ не понять, чего ищу.
Ищу я *правды*; правды лишь хочу".
И все . . . . . .

X.

О, какъ съ тѣхъ поръ всѣ измѣнились лица!
И какъ неправъ къ княжнѣ я былъ! Она,
Видалъ я, то какъ бѣшеная львица
По комнатѣ металась: „Я сильна,
Скажу лишь слово, и она, срамница,
Ужъ будетъ здѣсь!.. Я ѣзжу къ ней, княжна!
Прошу, молю... и что жъ я ей? Забава?
Наладила одно:—У васъ нѣтъ права!"

Не то, такъ слезы, малодушный стонъ.
Лицо въ подушку, и рыдаетъ страстно...
Я изумленъ бывалъ и возмущенъ.
Я думалъ: вотъ онъ, деспотъ самовластный!
Привыкла жить и не встрѣчать препонъ,
И вдругъ теперь отъ сироты несчастной
Нашла отпоръ!.. Конечно, права нѣтъ!
Не дочь тебѣ и вышла ужъ изъ лѣтъ...

Но... если бъ знать, что въ этихъ мукахъ лютыхъ
Больное сердце матери скорбитъ;
Что это—львица въ собственныхъ же путахъ
Захлестнута, безсильная, лежитъ;

Что въ этихъ горькихъ дняхъ, часахъ, минутахъ
Всей жизни ложь несчастную казнитъ...
О, какъ теперь все кажется иначе!
Любви что̀ было въ гнѣвѣ томъ и плачѣ!..

Любви!.. И вотъ чего ей не понять:
„Такъ измѣниться вдругъ!.. И отчего же?
Ребенкомъ безъ меня не шла и спать,—
Откуда жъ ненависть? за что? за что же?“
Да, да, княжна! теперь могу сказать:
Въ госпиталѣ вамъ легче было (Боже!),
Гдѣ, вольный крестъ на рамена взложивъ,
Вы въ воздухѣ вдыхали кровь и тифъ!..

Такъ съ лишкомъ годъ прошелъ. О бѣствѣ Жени
Узнали всѣ, жалѣли о княжнѣ.
Сама она отъ первыхъ потрясеній
Ужъ успокоилась, и даже мнѣ
О ней ни слова. Впрочемъ, на̀ домъ тѣни
Какъ будто пали. Въ мертвой тишинѣ
Княжна какъ будто погреблась. Часами
Сидитъ, охватитъ голову руками,

Не слышитъ ничего, не говоритъ...
Или въ огромномъ залѣ ходитъ, ходитъ...
Поѣдетъ вдругъ въ соборъ и тамъ стоитъ,
Спустивъ вуаль; съ Пречистой глазъ не сводитъ,
И руки жметъ, душа вся къ Ней летитъ,
И шепчетъ Ей, и точно не находитъ
Словъ, наконецъ на помостъ упадетъ...
А вкругъ—кадилъ бряцанье... хоръ поетъ...

Такъ подошелъ и балъ. И какъ все было,
Мнѣ куафёръ разсказывалъ потомъ.
Княжна казалась въ духѣ и шутила,
Прической любовалась и вѣнкомъ...
Вдругъ входитъ та, да разомъ и хватила:
„Позвольте документы о моемъ
Рожденьи. Замужъ выхожу. Желаютъ
Читать попы. Иначе не вѣнчаютъ“.

Княжна глядитъ недвижна и нѣма.
Та жъ, глазъ не опуская, безъ смущенья:
„А не дадите, такъ пойду сама
И разскажу все въ Третьемъ Отдѣленьи.
Я знаю, чья я дочь“.—„Да ты съ ума
Сошла! Чья дочь?“—„Да ваша“. Въ то жъ мгновенье,

Гладимъ, княжна шатнулась: „Эдуаръ,—
Кричитъ,—воды!“—И кончилась. Ударъ.

Тутъ шумъ и гвалтъ. Никакъ уже скандала
Не избѣжать. Прихлынули толпой.
Очнулась няня первая и стала
Всѣхъ просто гнать. Тотчасъ, сама собой,
Ставъ выше всѣхъ, онъ уже вступала
Въ безспорныя права надъ трупомъ той,
Что̀ ей младенцемъ, съ Божья изволенья,
Была дана въ любовь и береженье.

Осталась только Женя какъ была,
Да я промѣшкалъ нѣсколько мгновеній.
Крестясь, старуха къ трупу подошла.
„Чего жъ стоишь, простись!“—сказала Женѣ.
Та только тутъ какъ будто поняла.
Въ лицѣ невольныхъ нѣсколько движеній,
И вдругъ—что̀ вижу?—Женя—Боже мой!..
Та, гордая, статуей роковой

Стоявшая, какъ будто ледяная,
Обрушилась внезапно надъ княжной
И, страстно трупъ холодный обнимая,
Къ княжнѣ на грудь прижалась головой
И плакала... и, плакать не мѣшая,
Взглядъ на нее кидая лишь косой,
Кругомъ старушка стала прибираться...
Мнѣ долѣе не шло ужъ оставаться...

XI.

О, тутъ романъ и интересъ огромный
Я чувствовалъ... Но нить ужъ порвана!
Одинъ источникъ, но источникъ темный,
Старушка-няня, и притомъ она
Къ княжнѣ пристрастна, вѣрный, не наемный,
Старинный человѣкъ, и хоть умна,
Но гдѣ жъ понять ей высшихъ сферъ волненье,
И тонкость чувствъ, и даже словъ значенье!..

Весь вѣкъ съ княжной, и странствовала съ ней
И на̀ воды и по столицамъ міра,
Видала жизнь народовъ и людей
До береговъ почти Гвадалквивира,
Фортуны прихоти, игру страстей,
Всего видала на вѣку, но мира

Души ея ничто не потрясло,
И, какъ миражъ, все мимо лишь прошло...

Ничто ее не подчинило игу
Ни чуждыхъ формъ ни вѣяній чужихъ;
Неся свой крестъ, какъ вольную веригу,
Она жила все въ мірѣ душъ простыхъ,
Гдѣ набожно одну читаютъ книгу,
Одной лишь вѣрятъ: Житія святыхъ,
Какъ встарь еще, въ блаженные тѣ вѣки,
О внутреннемъ радѣя человѣкѣ...

Но какъ же быть! Всѣ бросилися къ ней,
Какъ на медовый цвѣтъ шмели и осы.
„И каково жъ! Представьте (князь Андрей
Разсказывалъ потомъ): на всѣ разспросы
Насупилась, молчитъ, глядитъ темнѣй,
Чѣмъ изъ-подъ тучъ Каламовы утесы!
Ужъ я просилъ, все ставилъ ей на видъ,
И соблазнялъ, и уличалъ,—молчитъ!..“

Я спрашивать не думалъ ужъ нимало
И вообще жалѣлъ лишь о княжнѣ.
„Вотъ подивись,—она мнѣ разсказала:—
Вхожу къ ней утромъ. Вижу—вся въ огнѣ.
И говоритъ—какъ разъ канунъ былъ бала:—
Я видѣла прадѣдушку во снѣ.
Что жъ? говорю.—Да приходилъ за мною.—
Ну, полно, я опять, Господь съ тобою!

„Перекрестила, ну, молъ, ничего!
Анъ—вотъ и сонъ!“ Межъ тѣмъ ужъ въ ходъ пустили
И телеграфъ и почту; до всего
Дошли и все какъ должно разъяснили,
И князь Андрей скакалъ (о, торжество!)
Разсказывать, какія вѣсти были
Получены имъ первымъ: въ мигъ одинъ
Онъ просіялъ и вырось на аршинъ!

Я, кажется, безъ очерка оставилъ
Вамъ князь-Андрея? Впрочемъ, про него
Что жъ и сказать? Себя онъ не прославилъ
Ничѣмъ, хотя чтили всѣ его;
Ни чертъ лица особенныхъ не правилъ...
Милѣйшее былъ, впрочемъ, существо!
Княжна его, хоть въ шутку, называла
Le Prince Tout le Monde, но очень уважала.

„Cette pauvre princesse!—онъ говорилъ:—какъ разъ
Tout est connu! Теперь все очень ясно!
Экстазъ, религіозный былъ экстазъ—
И—оскорбленье! Переходъ ужасный!
Душа искала пищи, а у насъ
Гдѣ эта пища—да съ такою страстной
Притомъ натурой?.. Ну-съ, въ Парижѣ былъ
Тому лѣтъ двадцать проповѣдникъ. Слылъ

„Онъ за святого. Дѣлалъ обращенья
Во множествѣ. Un saint François собой,
Аскетъ, траппистъ. Княжнѣ какъ откровенье
Онъ свыше былъ. Всей бросилась душой
Въ католицизмъ. Ужъ всѣ приготовленья
Окончены, и вдругъ какъ громовой
Ударъ—уѣхала!.. И вотъ теперь—разгадка!
Faut convenir, что сдѣлано все гладко!“

И радъ былъ, радъ и счастливъ князь Андрей.
Свѣтъ былъ не то что радъ, но злоязычью
Дать пищу радъ; радъ каждый былъ пигмей
Подставить ножку падшему величью
(Самоуслада маленькихъ людей),—
Но внѣшнему не измѣнилъ приличью,
Въ глубокомъ траурѣ и въ орденахъ
На пышныхъ весь онъ былъ похоронахъ...

Шли рѣчи въ группахъ... образъ величавый
Еще въ сердцахъ у всѣхъ былъ какъ живой.
И кто ее замѣнитъ: столько здравой
Въ ней было мысли, этотъ взглядъ прямой,
Возвышенный характеръ, вкусы, нравы...
Вопросъ же насчетъ Жени судъ людской
Такъ порѣшилъ: „Да! анекдотъ скабрёзный,
Но ей вольно же брать все такъ серьезно!..“

„Что анекдотъ, ну лопнула струна,
Не въ этомъ дѣло!—слышалось сужденье:—
Тутъ—историческій моментъ! Княжна—
Полнѣйшее ево лишь выраженье.
Въ исторіи нѣтъ личностей. Одна
Идея смыслъ дастъ имъ и значенье“,—
Сказалъ одинъ адъюнктъ,—конечно, вздоръ,
Но, подхвативши этотъ приговоръ,

Москвичъ извѣстный—борода большая—
Припомнилъ вотъ что: кто-то разъ весной,

Княжну въ края чужіе провожая,
Сказалъ ей вслѣдъ: „поѣхала домой!..“
О Женѣ тоже, что она „такая,
Какъ и княжна, но только вѣкъ иной,
Въ нихъ въ каждой книжка говоритъ чужая,
Въ княжнѣ—одна, а въ дѣвочкѣ—другая“.

О Женѣ, кстати, отзывъ привелось
Иной мнѣ слышать. Встрѣтились „сестрички“
И въ голосъ прокричали на вопросъ:
Что̀ Женя?—„Сволочь! барскія привычки!
Разнюнилась, какъ дѣйствовать пришлось!“
И вдаль помчались, стайкою какъ птички,
Какъ будто несъ ихъ вихорь-богатырь,
Что̀ по Руси гуляетъ вдоль и вширь...

XII.

Итакъ—княжна... Но—миръ во гробѣ спящимъ!
И грѣхъ живымъ, идущимъ къ ихъ гробамъ
Съ своимъ судомъ, лишь въ злобѣ дня судящимъ
И въ похвальбѣ своимъ дѣламъ и днямъ!
И мы, чредой, и съ нашимъ настоящимъ
Предстанемъ всѣ къ такимъ же судіямъ...
А кто безгрѣшенъ? Всѣ мы—человѣки!
Миръ праху твоему, княжна, вовѣки!

Два слова, впрочемъ. Няня сорокъ дёнъ
Служила панихиды, все какъ надо.
По случаю какихъ-то похоронъ
Я съ нею встрѣтился. Казалось, рада,
Что видитъ, ласковый, спокойный тонъ.
Рѣчь о княжнѣ, конечно,—вотъ—отрада
Была ей Женя, да и та... „Да, да,—
Вздохнувъ, она сказала:—молода,

„Еще глупа; ни что̀ къ добру, что̀ къ худу—
Понятья нѣтъ!.. Вопъ—замужъ-то идетъ:
Я только такъ, молъ, съ нимъ и жить не буду!..
Всѣ на нее теперь, что вотъ, молъ, вотъ!..
Дивятся дѣтской дури, словно чуду!
Эхъ, другъ! *и небо и земля пройдетъ*,
А дурь-то нешто вѣчная? Минуетъ!
Духъ у нея большой. Вотъ и бушуетъ...

„Княжна, бывало, по ночамъ не спитъ,
За что, молъ, на меня-то держитъ злобу!

А, чай, теперь въ нуждѣ какой сидитъ!
Снеси-ка, денегъ дастъ мнѣ, да попробуй,
Пообразумь. Прійду: нѣтъ, говоритъ,
И не моги! Нога моя до гробу
Не будетъ къ вамъ. А денегъ—хоть умру,
А не возьму.—Ну въ этакомъ жару,

„Гляжу, что̀ дѣлать? Время только трачу!
А бѣдность-то кругомъ: диванчикъ, столъ
Да стулъ—и все!.. Вѣдь забрала жъ задачу?
Гостей встрѣчала у нея. Пришелъ
Разъ цѣлый сонмъ. Галдятъ! А я-то плачу;
Въ уголушкѣ сижу. Да съ кѣмъ те свелъ
Непутный, говорю. Она жъ:—Да, путныхъ мало!
Сама, поди жъ ты, это понимала...“

„А что̀ теперь она?“—„Да какъ сказать!
Не кто какъ Богъ! Захочетъ, сердце тронетъ.
Что̀ гордость-то людская? Благодать,
Земныхъ владыкъ, и тѣхъ главу приклонитъ!..
Тутъ, признаюсь, не съ тѣмъ, чтобы болтать
Ее заставить, я сказалъ: „прогонитъ
Всю эту дурь, какъ разглядитъ, она—
Какъ прогнала жъ вѣдь патера княжна...“

Старушка на меня взглянула косо
И поднялася съ мѣста, отъ меня
Боясь прямого, можетъ-быть, вопроса.
Но обернулась... Изумился я:
Я чувствовалъ, что̀ скорби поднялося
Въ ея душѣ! И, голову склоня,—
„Коли судить, сказала мнѣ, берешься,—
Слыхалъ ли то: не падши, не спасешься?..

„Затѣмъ—прости!“ И тихими шагами
Вдаль побрела. Смотрѣлъ я долго вслѣдъ.
Тутъ свѣжій холмъ, усыпанный цвѣтами,
Ея любовь и гордость столькихъ лѣтъ,
Та, что̀ прошла побѣдными стопами
Свой въ мірѣ путь, вкругъ разливая свѣтъ,
Дѣля *со всѣми* блескъ, всѣ жизни розы,—
Съ *одной* лишь съ ней—страданія и слезы.

Но отчего жъ?.. И кто ей указалъ?..
Та, для кого великія стремленья
И всякій высшій вѣка идеалъ
Доступенъ былъ и близокъ,—утѣшенье

Нашла лишь тамъ, куда не проникалъ
Ни блескъ, ни шумъ всемірнаго движенья,
Гдѣ теплится лампада да однѣ
Лишь шепчутся молитвы въ тишинѣ..

Пылинка влаги, въ небеса взлетая,
Тамъ золотомъ горитъ и серебромъ,
То въ радугахъ цвѣта переливая,
То разнося и молнію и громъ...
Отбушевавъ и отблиставъ, кончая
Свой горній путь, теряется потомъ
Въ бездонныхъ глубинахъ, гдѣ отъ начала
Ни зыби не было, ни бурь, ни шквала...

Счастливъ, тысячекратъ счастливъ народъ,
Въ чьемъ духѣ есть тѣ жъ глубины святыя,
Невозмутимыя и въ дни невзгодъ,
Гдѣ всякія страданія земныя
Врачуются, гдѣ разумъ обрѣтетъ
И нищій духомъ на дѣла благія,
Затѣмъ, что тамъ отъ искони вѣковъ
Царитъ всецѣло чистый духъ Христовъ.

1877.

XII.

КАССАНДРА.

Сцены изъ Эсхиловой трагедіи

АГАМЕМНОНЪ.

Два величайшіе идеала, созданные Эсхиломъ, это—Прометей и Кассандра. Къ тому и другому могутъ быть примѣнены слова, которыя Кассандрѣ говоритъ хоръ: „Великій духъ — твоя погибель!“. Прометею посвятилъ поэтъ цѣлую трилогію, т.-е. три пьесы, изъ которыхъ до насъ дошла только одна. Кассандра является только какъ дѣйствующее лицо въ одной изъ его трагедій: „Агамемнонъ“. Въ переведенномъ мною отрывкѣ переданы сцены, ей посвященныя, и изъ предыдущаго взято сколько нужно, чтобы служить достаточною рамкою этому образу.

Великое значеніе Эсхила для Греціи—это то, что всѣ его трагедіи — апоѳеозъ водворенія какого-нибудь высшаго начала въ жизни грековъ. Въ трилогіи, которой „Агамемнонъ“ составляетъ первую часть, „Молящіе о защитѣ“—вторую и „Эвмениды“—третью,—душу всего созданія составляетъ прекращеніе кровной мести, переходъ отъ варварскихъ нравовъ къ высшимъ понятіямъ въ жизни. Тутъ варварство стоитъ еще предъ читателемъ во всемъ его ужасѣ (картина жертвоприношенія Ифигеніи, видѣнія Кассандры и пр.), тутъ господство еще старыхъ боговъ, требовавшихъ крови за кровь. Предъ нами исторія дома Атридовъ — длинный рядъ злодѣйствъ. Освѣщеніе, которое бросаетъ на нихъ Эсхилъ — это, какъ выражаются старые эстетики, *спасительный ужасъ*, т.-е. отвращеніе къ злодѣйству: понятно, какое цивилизующее впечатлѣніе производила его трагедія на современниковъ, въ памяти которыхъ еще живы были эти дѣла и времена! Фокусъ, изъ котораго исходитъ это освѣщеніе въ „Агамемнонѣ“, слѣдовательно лицо самое высокое и любезное для читателя, это—Кассандра, ясновидящая, вдохновенная жрица Аполлона, дочь Пріама, доставшаяся, по раздѣлѣ плѣнныхъ, въ добычу вождю ахейцевъ. Она одна выше всего окружающаго ее міра; ни свои въ Троѣ, ни чужіе здѣсь, въ Аргосѣ, ея не понимаютъ. Хоръ сочувствуетъ ея несчастіямъ, указываетъ даже, что великій духъ—ея погибель, но открываемыхъ ею горизонтовъ будущаго обнять не можетъ. Она между тѣмъ возвѣщаетъ, что въ слѣдующемъ поколѣніи будетъ положенъ конецъ „крови“, и дѣйствительно, въ третьей части трилогіи Орестъ, сынъ Агамемнона, преслѣдуемый старыми богами за убійство

матери, убійство, которое онъ долженъ былъ совершить, мстя за убійство отца, приведенъ наконецъ Аполлономъ предъ аѳинскій ареопагъ, гдѣ, подъ внушеніемъ Паллады, произносится приговоръ надъ старымъ варварскимъ міромъ и торжествуется наступленіе новой лучшей эпохи, царство разумницы Паллады. Вотъ общая мысль трилогіи. Вотъ роль, какую въ ней играетъ Кассандра.

Для уразумѣнія переведеннаго мною отрывка напомню читателямъ только тѣ черты кровавой исторіи Атридовъ, которыя имѣютъ отношеніе къ нашей трагедіи.

У элидскаго царя Пелопса было два сына: Атрей и Тіэстъ. Атрей, чтобъ отмстить брату своему, обольстившему его жену, захватилъ его сыновей, убилъ ихъ и приготовилъ Тіэсту изъ нихъ обѣдъ. У Тіэста былъ еще сынъ Эгистъ. Отецъ завѣщалъ ему отмстить Атрею и его дѣтямъ. Онъ убиваетъ Атрея и троихъ его сыновей. Изъ пятерыхъ остались только Менелай и Агамемнонъ. Парисъ, сынъ троянскаго царя Пріама, похитилъ жену Менелая, Елену. Цари-братья, во главѣ всего флота ахеянъ, отправились подъ Трою. Дорогой послала имъ бурю богиня Артемида, для умилостивленія которой, по слову прорицателя, жреца Калхаса, Агамемнонъ приноситъ въ жертву свою дочь Ифигенію. Эгистъ между тѣмъ, въ отсутствіе царей, вошелъ въ связь съ женой Агамемнона, Клитемнестрой, и, воспользовавшись ея злобой на мужа за жертвоприношеніе дочери, подвигаетъ ее на убійство Агамемнона. Къ этому въ ней присоединяется еще ревность, жертвою которой должна пасть Кассандра. По совершеніи убійства Эгистъ и Клитемнестра остаются властителями Аргоса. Этимъ кончается первая часть трилогіи.

Во множествѣ изданій текста и его переводовъ, бывшихъ у меня подъ рукою, во многихъ мѣстахъ встрѣчается поразительное разногласіе въ чтеніи. Въ выборѣ, которому изъ нихъ послѣдовать, я руководствовался не столько авторитетомъ ученыхъ издателей, сколько ихъ соотвѣтствія внутреннему смыслу рѣчи.

1.

Площадка передъ царскимъ дворцомъ въ Аргосѣ. Вдали — горы, море. Ночь. На плоской крышѣ дворца стражъ, поглядывающій то вдаль, то на небо.

СТРАЖЪ.

Положатъ ли когда-нибудь конецъ
Моимъ мученьямъ боги!.. Вотъ, какъ песъ,
Валяюсь столько лѣтъ на этой крышѣ!
Со звѣздами бесѣдую!.. Ужъ знаю
Всѣ наизусть, которыя приносятъ
Намъ холода, которыя жары,
Когда онѣ восходятъ и заходятъ...
Да!.. Не взята ли Троя—жду сигнала,
И какъ увижу, тотчасъ доложить
Объ этомъ госпожѣ. Мужское сердце
У этой женщины!.. Вотъ и ходи
Вокругъ своей соломы, а прилечь

Бѣда: заснешь. Запѣлъ бы съ горя пѣсню
Иль такъ бы посвисталъ—противу сна
Всего бы лучше—такъ приходятъ мысли
Различныя: такой ужъ это домъ,
Давно ужъ здѣсь все дѣется не такъ,
Какъ слѣдуетъ. Охъ, показался бъ, право,
Скорѣй огонь!.. Покончились бы муки!..

(Вдали зажигается огонь).

Да это онъ никакъ? сигналъ... Да! да!
Ну, здравствуй, наконецъ! Вотъ ты, желанный!
Вслѣдъ за тобой такой восходитъ день
Для Аргоса, что будетъ все съ утра
Плясать и пѣть на долахъ и горахъ!..
(Кричитъ) Ого! Ого!
Будить ее скорѣе...
Соскочитъ съ ложа и весь домъ подыметъ...
Легко сказать: побѣда! взяли Трою!
Я первый торжество открою!.. Да,
Я выкинулъ счастливыя-то кости
Для госпожи, я первый! Да и разомъ
Всѣ три шестерки!

(Сходитъ съ крыши).

Первому бы тоже
Поздравить было мнѣ и господина.
Какъ онъ вернется,—а о всемъ о прочемъ —
На ротъ замокъ повѣсить, помолчать...
Пусть лучше сами стѣны говорятъ,
Когда сумѣютъ. Съ тѣмъ, кто знаетъ,
Поговоримъ, пожалуй, и посудимъ,
А кто не знаетъ—„ничего не знаемъ!“

(Уходитъ во дворецъ).

2.

Входитъ хоръ городскихъ старцевъ. Хоръ раздѣляется на двѣ стороны, у каждой свой корифей.

ХОРЪ.

Ахъ, десятый ужъ годъ на исходѣ теперь,
Какъ помчались войной
Менелай съ Агамемнономъ, братья-цари,
Отъ Зевеса двойнымъ
Надѣленные тропомъ и скиптромъ двойнымъ,
На Пріамовъ помчалися градъ,

Далеко отъ родимой земли,
Во главѣ всего флота ахеянъ.
Они подняли кликъ боевой по землямъ,
Что̀ два коршуна, вдругъ въ разоренномъ гнѣздѣ
Не нашедши птенцовъ,
Въ перепугѣ замечутся въ воздухѣ, внизъ и наверхъ,
И зовутъ, и кричатъ на весь міръ
Объ ужасной потерѣ своей,—
И услышитъ ихъ Зевсъ, или Панъ, или Фебъ,
И укажетъ имъ слѣдъ,
И проклятье пошлетъ
По пятамъ въ наказанье злодѣю:
Такъ Зевесъ и Атридовъ послалъ
Звать Париса на судъ,
Ради правъ опозоренныхъ имъ очага—
И теперь изъ-за той вѣроломной жены,
Тамъ подъ Троей, вкругъ стѣнъ въ непроглядной пыли,
Неумолчная тянется брань,
И трещатъ и стучатъ и мечи и щиты,
Наступаютъ и падаютъ люди во прахъ,
При неистовыхъ крикахъ кругомъ
Разъяренныхъ троянъ и ахейцевъ:
И чѣмъ кончится споръ—то невѣдомо намъ,
Но ни слезы уже, ни сожженіе жертвъ,
Ни мольбы не смягчатъ пробужденныхъ войной
И слѣдящихъ за ратями фурій.

ОБА КОРИФЕЯ.

Подъ напоромъ годовъ одряхлѣвъ, старики,
Мы отстали отъ нихъ, отъ могучихъ бойцовъ,
И сидимъ по домамъ.
Бродимъ съ посохомъ вкругъ, словно дѣти—увы!—
Безпомощны: у нихъ передъ кликомъ войны
Въ неокрѣпшей груди
Содрогается духъ, какъ и въ насъ, старикахъ,
И съ подпорой своей чуть плетется старикъ
По поблеклой листвѣ, угасая, какъ тѣнь
Передъ днемъ, разсвѣтающимъ въ небѣ!

(Изъ дворца по лѣстницѣ спускаются служанки съ чашками, сосудами, факелами и украшаютъ алтари.

ХОРЪ *(обращаясь къ открывшимся дверямъ дворца).*

О, царица, скажи,

Клитемнестра, Тиндарова дочерь,
Что за праздникъ? Зачѣмъ убраны алтари
И готовятся жертвы богамъ
И небеснымъ, и адскимъ, и имъ, покровителямъ града?
И вездѣ поднимаются къ небу огни?
Изъ палаты твоей то елей, то вино
Въ драгоцѣнныхъ сосудахъ служанки несутъ безъ конца...
Если вѣсти къ тебѣ дорогія пришли,
Облегчи намъ сердца, неизвѣстность разсѣй!
Мы томимся въ тоскѣ,
А смотря на убранство твоихъ алтарей,
Предаваться ль надеждѣ—не знаемъ.

(Служанки продолжаютъ свое дѣло. Изъ дворца никто не выходитъ на моленіе хора).

КОРИФЕЙ.

Все же есть утѣшеніе намъ:
При отплытьи вождей
Были добрыя знаменья имъ—
А довѣрье къ богамъ, пѣснопѣній родникъ,
Не изсякъ еще въ насъ,
И побѣдѣ предсказанный срокъ—не насталъ!
Въ самый мигъ, какъ цари обнажили мечи,
Вдругъ отъ правой руки
Опустились на кровлю дворца два орла—
Бѣлоснѣжный одинъ, чернопёрый другой—
И въ когтяхъ ихъ живая зайчиха была,
И они принялися терзать и ее
И зайчатъ, ею тутъ же рожденныхъ...

ХОРЪ.

Плачьте, о, плачьте,
Но да будетъ побѣда добру!

КОРИФЕЙ.

Какъ увидалъ ихъ Калхасъ-прорицатель,
Тотчасъ на обоихъ Атридовъ взглянулъ:
Ихъ онъ призналъ въ двухъ орлахъ, и сказалъ:
„Будутъ Пріамовы стѣны добычей ахейцевъ.
И вѣковыя
Богатства отыметъ судьба у троянъ—
Лишь бы надъ Троею взвившійся бичъ
Прежде чѣмъ пасть на нее,

Гнѣвомъ кого изъ боговъ не порвался.
Артемида не стерпитъ, что здѣсь
Зевса крылатые псы
Мать и дѣтенышей еле рожденныхъ заѣли.
Этотъ кровавый противенъ ей пиръ".

ХОРЪ.

Плачьте, о, плачьте,
Но да будетъ побѣда добру.

КОРИФЕЙ *(продолжая рѣчь Калхаса)*.

„Только бъ она, Артемида, которой любезны
И львицы пустынной
И всякаго звѣря лѣсного
Сосущія мать порожденья,—только бъ она
Не мѣшала исполниться добрымъ обѣтамъ!
Будемъ молить отвратителя бѣдъ, Аполлона,
Чтобы намъ она бурю и вѣтръ не послала,
Требуя жертвы иной, нечестивой, ужасной,
Безъ пира и пѣсенъ,
Которая злобу убудитъ, и новую кровь уготовитъ,
И, памятью дочери, въ злой и коварной женѣ
Будетъ питать ежечасно о мщеніи мысль!"
Такъ усмотрѣлъ прорицатель Калхасъ
Изъ явленья орловъ для Атридова дома
И великое благо и зло.
Плачьте жъ, о, плачьте о злѣ,—
Но да будетъ побѣда добру!

ХОРЪ.

Плачьте, о, плачьте,
Но да будетъ побѣда добру!

ОБЩІЙ ХОРЪ.

Зевсъ! Кто бъ ни былъ ты, взываемъ
Этимъ именемъ къ тебѣ!
Ты одинъ намъ покровитель,
Вождь и помощь въ злой судьбѣ!
Палъ Уранъ, преградъ отъ вѣка
Не видавшій предъ собой,
Отъ такой же палъ онъ силы
Кровожадной и слѣпой.
Кронось свергнутъ сыномъ—Зевсомъ,
Зевсъ, владыкой ставъ среди
Міроздавья,—человѣку
Умъ и совѣсть далъ въ вожди—

Умъ—мужающій въ невзгодахъ,
Совѣсть—даже и во снѣ
Направляющую сердце
Къ правдѣ въ мирѣ и войнѣ.

КОРИФЕЙ.

Царь Агамемнонъ, въ заботахъ вождя,
И забылъ о Калхасовыхъ вѣщихъ словахъ,
И невзгоды и бѣды покорно сносилъ,
Но когда, послѣ мертваго штиля,
Изнурявшаго войско ахеянъ,
Противъ Халкиса праздно стоявшаго ночи и дни,
Въ водоворотахъ Авлиды,—
Вдругъ отъ Стримона буря ударила съ вихремъ и вѣтромъ,
Запирая изъ гавани выходъ,
И срывая кругомъ корабли съ якорей,
И о берегъ утесистый ихъ разбивая,
И погибалъ лучшій цвѣтъ ополченья ахеянъ;
И казалося, бурѣ не будетъ конца,
И Калхасъ вошелъ въ кругъ смущенныхъ вождей
И сталъ говорить,
И назвалъ ту жертву, которой желаетъ богиня,
Пославшая бурю,
И ударили въ скорби о землю жезломъ
И заплакали оба Атрида,—
„Горе!—воскликнулъ тогда Агамемнонъ:—
Горе, когда не исполню велѣнье богини,
И горшее, если, сокровище дома, дитя мое, дочь
Самъ заколю и невинною кровью ея
Отцовскія руки мои обагрю!
И тамъ злое горе—и здѣсь!
Воротиться домой—одному—бѣглецомъ—
Всѣми оставлену—все потерять—
А все войско—всѣ требуютъ жертвы—грозятъ—
И требовать право имѣютъ.“
И, всѣми кругомъ обступаемый, душу
Нечестивой, ужасной онъ мысли открылъ.
И скорый въ рѣшеньяхъ всегда
Приступить велѣлъ къ дѣлу тотчасъ.

ХОРЪ.

Ахъ, первый ошибочный шагъ
Въ насъ разжигаетъ упрямство и страсть!
Ради той вѣроломной жены,

Ради мести Парису,
На жертву обрекъ онъ любимую дочь!

КОРИФЕЙ.

И ни слезы ея, ни моленья къ отцу,
Ни младая дѣвичья краса
Не тронули сердца суровыхъ мужей.
Отецъ—лишь умолкли молитвы—
Словно лань молодую, велѣлъ,
Покровомъ окутавъ,
На жертвенникъ навзничь ее опрокинуть,
И крѣпче держать,
И ротъ завязать, чтобъ она
Проклятій отцовскому дому не слала.
И схватили ее, и завязанъ былъ ротъ,
Брызнула кровь подъ ножомъ,
И лишь взглядъ, какъ стрѣла,
Состраданьемъ сердца поразилъ...
Нѣма и прекрасна какъ мраморъ, казалось, она
Хотѣла еще говорить,
Какъ прежде, когда на пиры
Въ отцовскомъ дому выходила къ гостямъ
И пѣла хвалебный пэанъ
Благоденствію дома Атридовъ и славѣ отца.
Что было потомъ—то невѣдомо намъ,
Но исполниться должно пророчеству вѣщаго мужа!
Учитъ разуму Зевсъ изъ страданій и бѣдъ...
Не хотимъ проницать въ тьму грядущаго мы!
Преждевременно плакать не станемъ...
А въ грядущемъ зловѣщее чуется намъ...
Только молимъ—да все обратится на благо земли!

3.

Тотъ же хоръ и Клитемнестра, выходящая изъ дворца.

КОРИФЕЙ.

Пришли мы на твой зовъ, царица.
Когда царя нѣтъ дома, ты его
Намъ заступаешь мѣсто. Если ты
Извѣстіе какое получила,
Что заказала жертвоприношенья,
Благоволи сказать, когда возможно.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Скажу пословицей: счастливый день
Да народится отъ счастливой ночи!

Узнайте же теперь такую радость,
Какой едва и ожидать мы смѣли:
Взята ахейцами—и пала Троя!

КОРИФЕЙ.

Что ты сказала?.. Вдругъ и не поймешь.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Палъ Иліонъ предъ эллинами. Понялъ?

КОРИФЕЙ.

Отъ радости я, кажется, заплачу...

КЛИТЕМНЕСТРА.

И вѣрю, что отъ искренняго сердца.

ХОРЪ.

Но вѣрны ли полученныя вѣсти?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Конечно, если боги намъ не лгутъ.

ХОРЪ.

Пріятный сонъ тебя не обольстилъ ли?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Не вѣрю я пустымъ мечтаньямъ сна.

ХОРЪ.

Быть-можетъ, только мимолетный слухъ?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Ты говоришь со мною, какъ съ ребенкомъ!

ХОРЪ.

Съ какого жъ времени? Когда взятъ городъ?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Сію же ночь,—на этотъ самый день.

ХОРЪ.

Да кто жъ такъ скоро передалъ извѣстье?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Огонь *): сперва—пылающая Ида,
А отъ нея, одинъ вслѣдъ за другимъ,
До Аргоса сигнальные костры.
Пожаромъ Иды озарился Лѣмносъ,
Оттуда пламя перенялъ Аѳонъ;
Съ его высотъ священныхъ, золотясь

*) Въ подлинникѣ: Гефестъ. Весь этотъ монологъ сокращенъ въ переводѣ.

По зѣркальному морю, побѣжало
Все дальше, дальше радостное пламя—
На Лесбосъ, на Мессану, Киѳеронъ;
Одно, блеснувъ, другое вызываетъ.
Вездѣ ихъ люди ждутъ и десять лѣтъ
Костры изъ вѣковѣчныхъ цѣльныхъ сосенъ.
Черезъ Саронскій наконецъ заливъ
Блеснулъ огонь на скалы Арахнея,
И ужъ оттуда къ намъ, на домъ Атридовъ,
И здѣсь теперь—послѣдній это отблескъ
Въ сей самый мигъ, теперь, горящей Трои.
Вотъ какъ мнѣ передалъ извѣстье мужъ.

ХОРЪ.

О, слава, слава вѣчная богамъ!..
Дивиться только, слушая тебя!
Хоть сызнова разсказывай, все бъ слушалъ!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Да, пала Троя!.. Наши тамъ ночуютъ.
Чай, стонъ теперь надъ городомъ стоитъ!
Перемѣшались и побѣдитель
И побѣжденный, какъ въ водоворотѣ,
И не сольются, что̀ вино и масло
Въ одномъ сосудѣ, какъ ихъ ни болтай!..
Да!.. Побѣжденные!.. Тамъ надъ тѣлами
Мужей и братьевъ стонутъ жены, сестры;
Надъ стариками плачутъ дѣти, всѣ,
Кто живъ остался, всѣ—рабы навѣкъ!..
А побѣдители, еще въ крови,
Истомлены и голодомъ и боемъ,
Изъ дома въ домъ перебѣгаютъ, жадно
Все поѣдая, что̀ найдутъ, кидаясь
Толпой и другъ у друга отымая!
Наѣвшись, гдѣ пришлось, въ домахъ, въ чертогахъ,
Валятся спать, ужъ не боятся больше
Ни росъ ночныхъ ни снѣга, и безъ стражи,
И мирно спятъ, какъ боги спятъ, всю ночь!..
И ежели боговъ, пенатовъ Трои,
И ихъ святынь они не оскорбятъ,
Побѣда ихъ останется за ними...
Не бросились бы только грабить храмовъ:
Имъ нужно счастье на обратный путь,
Какъ на бѣгу, на играхъ... Прогнѣвятъ
Они боговъ, то пролитая кровь

Проснется и на нихъ возопіетъ
О мщеньи къ небу...
Такъ я разсуждаю,
Какъ женщина... „Лишь повело бъ къ добру“, —
Безъ всякой, вѣрьте, затаенной мысли
Я говорю—за это пожеланье,
Охъ, дорого я—очень заплатила!

ХОРЪ.

Ты женщина, но говоришь, какъ мужъ.
Идемъ теперь принесть благодаренье
Богамъ безсмертнымъ: щедро насъ они
За долгое страданье наградили.

4.

За симъ пропускается мною сцена, когда пріѣзжаетъ Агамемнонъ с торжественной колесницѣ, везомой народомъ. Съ нимъ рядомъ сидитъ Кассандра, дочь Пріама, доставшаяся при раздѣлѣ плѣнныхъ Агамемнону. Хоръ привѣтствуетъ царя. Выходитъ потомъ изъ дворца Клитемнестра и въ длинной рѣчи выражаетъ, какъ ждала мужа, велитъ разостлать пурпурные ковры по лѣстницѣ во дворецъ, куда и уходитъ съ Агамемнономъ. Остается Кассандра на колесницѣ, неподвижная, молчаливая, и хоръ старцевъ. Клитемнестра возвращается и, стоя на верху лѣстницы, приглашаетъ Кассандру войти во дворецъ. Въ ея рѣчахъ презрѣніе, ирониа и нетерпѣніе.

КЛИТЕМНЕСТРА.

И ты,—Кассандра, кажется?—войди.
Къ тебѣ Зевесъ былъ милостивъ, позволивъ
Предстать передъ алтарь свой въ нашемъ домѣ
И съ нашими рабами въ жертвоприношеньяхъ
Участвовать. Такъ отложи же гордость,
Спустися съ колесницы. Самъ Алкидъ
Былъ тоже въ рабство, сказываютъ, проданъ.
И если ужъ такой ударъ судьбы
Постигъ тебя, то въ древнемъ, славномъ домѣ
Рабою быть еще счастливый жребій.
Кто только началъ пожинать богатства,
Тотъ строгъ и жёстокъ со своей прислугой,
У насъ же, здѣсь, на все, что̀ справедливо,
Что̀ слѣдуетъ,—разсчитывать ты можешь.

(Кассандра молчитъ).

ХОРЪ *(къ Кассандрѣ).*

Царица правду говоритъ. Конечно,
Попавши въ сѣть, ужъ нечего тутъ биться,
Ужъ покорись, иди, куда зовутъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Ну, ежели, какъ ласточка, она
На языкѣ лепечетъ неизвѣстномъ
И рѣчь мою не поняла, то все же
Хоть сердцемъ чувствовать могла бы,
Что я хочу сказать, и—покориться.

(Кассандра молчитъ).

ХОРЪ *(къ ней).*

Иди за ней. Ужъ лучшаго не можетъ
Тебѣ быть ничего теперь. Иди же!

КЛИТЕМНЕСТРА.

А впрочемъ, ждать мнѣ некогда. Готовы
У очага стоятъ уже овны, и праздникъ
Ужъ начался—какого мы едва
Когда-нибудь и ожидать могли.
И ты не медли. Если жъ въ самомъ дѣлѣ
Не понимаешь словъ моихъ, то сдѣлай,
Какъ варвары, скорѣй хоть знакъ рукою.

(Сама дѣлаетъ приглашательный жестъ. Кассандра молчитъ).

ХОРЪ.

Она дика, что̀ пойманная лань,
Уговорить ее бы надо лаской.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Нѣтъ, бѣшенство въ ней дышитъ и безумство.
Еще вчера съ пылающихъ развалинъ
Родного города взята, она
Не покорится и не склонитъ выи,
Пока удилъ своихъ не окровавитъ.
Мнѣ нечего позориться съ ней больше!

(Уходитъ во дворецъ).

5.

КАССАНДРА И ХОРЪ.

КОРИФЕЙ.

Намъ жаль тебя, несчастная! Послушай,
Спустися съ колесницы, покорись
И свой удѣлъ безропотно прими.

(Пауза).

КАССАНДРА *(воздѣвъ очи къ небу).*

О, горе! о, матерь Земля!
О, Аполлонъ! Аполлонъ!

КОРИФЕЙ.

Зачѣмъ же ты взываешь къ Аполлону?
Вѣдь съ жалобой къ нему не прибѣгаютъ!

КАССАНДРА.

О, Аполлонъ! Аполлонъ!

ХОРЪ.

Опять она взываетъ къ Аполлону,
Который слезъ не любитъ, не пріемлетъ!

КАССАНДРА.

Аполлонъ! Аполлонъ!
Куда ты привелъ меня! мой погубитель!
Какой еще новый готовишь ударъ!

ХОРЪ *(тихо)*.

Свою судьбу пророчитъ... Не покинулъ
И въ рабствѣ духъ пророческій ее!

КАССАНДРА.

Аполлонъ! Аполлонъ!
Куда ты привелъ меня!—въ какой привелъ домъ!

КОРИФЕЙ *(съ участіемъ)*.

Не знаешь развѣ? Это домъ Атридовъ.

КАССАНДРА *(внѣ себя, обступаемая видѣніями, съ возрастающимъ ужасомъ)*.

Домъ, ненавистный богамъ!.. Злодѣйній вертепъ!
Удушенье! убійство!.. Стѣны и полъ
Человѣческой политы кровью!

ХОРЪ.

Какъ добрая ищейка, тотъ же часъ
Послышала давнишній запахъ крови!..

КАССАНДРА.

Словно въ кровавый туманъ я гляжу...
Вонъ—душатъ дѣтей!..
Жарятъ—отцу подаютъ на обѣдъ...

ХОРЪ.

Охъ, это мы давно и вдосталь знаемъ!
Да не къ добру о томъ напоминанье.

КАССАНДРА.

Она... Что она замышляетъ?
Что тамъ готовитъ еще?
Новое горе! горе ужасное!

Неотвратимое!
Непоправимое!..
И нѣтъ спасенья кругомъ!

ХОРЪ.

Что̀ видится еще ей?.. Непонятно!
Иль новое пророчествуетъ горе!

КАССАНДРА.

Несчастная! ты приступила ужъ къ дѣлу...
Въ баню ведешь его, мужа-владыку...
Не успѣваю и говорить...
Такъ все быстро вершится... вонъ она, вся дрожа..
Протянула ужъ руки къ нему...

ХОРЪ.

Для насъ все это—темныя загадки...

КАССАНДРА.

Боги! Что̀ вижу еще?
Адская сѣть!
Это—брачное ихъ покрывало...
Фуріи! Фуріи!
Ненасытимыя кровью проклятаго этого рода!
Запѣвайте ужасную пѣснь...
Новую жертву встрѣчайте!

КОРИФЕЙ.

Какихъ зовешь ты фурій? О какой
Еще ужасной поминаешь пѣснѣ?..

ХОРЪ.

Къ сердцу вся кровь приливаетъ моя!
Точно пронзилъ кто мечомъ мою грудь!
Точно глубокая ночь погашаетъ кругомъ
Свѣтъ убѣгающей жизни...
Ждать намъ, о, ждать намъ бѣды!

КАССАНДРА.

Смотрите—ахъ! ахъ! удержите, держите ее!..
Накинула адскій покровъ...
Опутала... боги!.. ударъ!
Упалъ онъ—упалъ.

КОРИФЕЙ.

Не смыслю ничего въ разгадкѣ я
Оракуловъ,—но чую тутъ бѣду!

ХОРЪ.

Въ прахѣ рожденнымъ—развѣ когда
Скажетъ оракулъ, свѣтлую вѣсть?
Темное слово вѣщихъ боговъ
Лишь въ совершившихся ясно бѣдахъ!

КАССАНДРА.

Ахъ! вотъ и мнѣ, злополучной, конецъ!
Жребій мой связанъ съ его!
Что жъ ты привелъ меня въ домъ свой? Зачѣмъ?
Или затѣмъ, чтобъ одной смертью съ тобой умереть!

ХОРЪ.

Ты, вдохновенная! пѣснь о себѣ ты заводишь!
Скорбную пѣснь, какъ поетъ соловей,
Непонятную намъ изливая печаль
Въ сладкозвучныхъ рыданьяхъ своихъ!

КАССАНДРА *(успокоиваясь, съ грустью, какъ и всѣ послѣдующія строфы).*

Сладко поющая птичка дубравная!
Дали безсмертные крылья ей быстрыя,
Дали безслезную, вольную жизнь...
Мнѣ же двуострый ножъ впереди!

ХОРЪ.

О, какія видѣнья тебя обступаютъ?
Отчего этотъ ужасъ, отчаянья вопль?
Вопль этотъ, намъ раздирающій душу, зачѣмъ?
Что вызываетъ, скажи, въ откровеньяхъ боговъ
Безконечную скорбь въ потрясенной душѣ?

КАССАНДРА.

О, Парисъ! О, погибель! О, бракъ твой преступный!
О, Скамандра родимыя воды!
На твоихъ берегахъ я блуждала по днямъ,
Безъ заботъ пѣла дѣтскія пѣсни свои...
А теперь—Ахеронъ и угрюмый Коцитъ
Огласятся стенаньемъ моимъ!

ХОРЪ.

Вопли твои, о, несчастная,
Были бъ и дѣтямъ понятны!
Сердце сжимается, точно поешь
Ты передсмертную пѣснь надъ собой!

КАССАНДРА.

О, Иліонъ! Ты, во прахѣ лежащій теперь!
Дымъ отъ безчисленныхъ жертвъ, что̀ богамъ приносилъ,
Строя стѣны его, злополучный отецъ!
Безполезныя жертвы, увы!
Гордый палъ Иліонъ—и ведутъ на убой
Вдохновенную жрицу его!

ХОРЪ.

Тѣ же рѣчи... все тѣ же видѣнья...
Черный демонъ тебѣ, полныя смертной тоски,
Ужаса полныя рѣчи внушаетъ...
Что̀ предвѣщаютъ онѣ?..

(Хоръ, подъ впечатлѣніемъ рѣчей Кассандры, погружается въ раздумье. Краткое молчаніе).

КАССАНДРА *(совсѣмъ успокоясь)*.

О, пусть же все теперь вамъ будетъ ясно!
И все, что̀ говорю я, потеряетъ
Видъ новобрачной, какъ она глядитъ
Изъ-подъ вѣнчальнаго покрова!.. Пусть
Мои слова, какъ предразсвѣтный вѣтеръ,
Вослѣдъ за бурной ночью, вамъ раскроютъ,
Что нѣтъ для васъ ужаснѣйшаго горя,
Какъ то, что̀ вынесетъ теперь волна
Изъ темныхъ безднъ и на̀ берегъ къ вамъ кинетъ!
Открою все я вамъ въ ужасной правдѣ...
Но прежде вы скажите мнѣ, что правда ль—
Всѣ ужасы, что̀ говорила я
Про этотъ домъ? Проклятія и стоны,
Какъ хоръ безумный, въ немъ не умолкаютъ.
До бѣшенства уже упившись кровью
Здѣсь поселились фуріи, какъ дома,
И пляшутъ и неистовствуютъ, славя
Злодѣйства дѣдовъ, и отцовъ, и внуковъ...
О, ежели неправда, уличайте,
Что на̀ вѣтеръ я говорю, подобно
По улицамъ шатающейся нищей!
Ну, поклянитесь, что все то неправда!

ХОРЪ.

Когда бы мы и поклялись, была ли бъ
Та клятва въ прокъ Атридамъ? Мы дивимся,

Какъ ты пришла изъ-за моря и знаешь,
Какъ будто видѣла, все, что здѣсь было!

КАССАНДРА.

Мнѣ даръ всевидѣнья данъ Аполлономъ.

ХОРЪ.

Онъ благосклоненъ былъ къ тебѣ? Любилъ?

КАССАНДРА.

Донынѣ—стыдъ мнѣ былъ бы въ томъ сознаться!

ХОРЪ.

Достоинство хранимъ мы въ счастьѣ строже!

КАССАНДРА.

Любилъ и—требовалъ моей любви!

ХОРЪ.

И ты его порывамъ уступила?

КАССАНДРА.

Дала обѣтъ, но не сдержала слова!

ХОРЪ.

Ужъ получивъ сперва даръ прорицанья?

КАССАНДРА.

Ужъ гибель я предсказывала Троѣ!

ХОРЪ.

И гнѣвъ его тебя не поразилъ?

КАССАНДРА.

Ужасный гнѣвъ: никто не сталъ мнѣ вѣрить!

ХОРЪ.

Межъ тѣмъ какъ ты предсказывала правду?

КАССАНДРА *(снова приходитъ въ исступленіе).*

Ахъ—боги! Вонъ,—все то жъ опять видѣнье...
Какъ будто вихрь кругомъ, и голоса... *(Быстро)*
Вонъ тамъ—передъ воротами—вонъ—двое
Сидятъ дѣтей—какъ блѣдныя двѣ тѣни—
Два мальчика—убиты дядей—держатъ
Въ рукахъ остатки собственнаго мяса—
Кишки и сердце... Ужасъ! боги! боги!..
Остатки отъ тѣхъ блюдъ, что на пиру
Отецъ ихъ ѣлъ!.. Они взываютъ къ мести—
И мстить за нихъ идетъ ублюдокъ льва,

Здѣсь на чужомъ упрятавшійся ложѣ
И броситься сбирающійся съ ложа
На господина моего... Да, да,
На господина моего—вѣдь я
Его раба!.. А онъ, ахейцевъ вождь
И разрушитель Трои, онъ не чуетъ,
Что̀ кроется подъ длинными рѣчами,
Подъ ласками собаки этой!.. Онъ
Не чуетъ, что̀ готовится ему
Отъ этой фуріи... Зарѣжетъ мужа
Она, жена!.. Да есть ли имя ей?
Змѣя двуликая! Въ глухихъ пещерахъ
Живущее чудовище! Къ своимъ
Она горитъ ненасытимой злобой!
О, какъ ликуетъ, точно собираясь
Плясать и пѣть на пиршествѣ побѣды!
Какъ притворяется, что это—радость
При встрѣчѣ мужа... Вѣрьте мнѣ иль нѣтъ,
Вѣдь все равно, все сбудется, вы всѣ
Увидите, всѣ скажете тогда,
Что точно даръ пророчества мнѣ данъ...

ХОРЪ.

Ты говорила про обѣдъ кровавый
Тіэста, страшно говорила, точно
Сама была при этомъ, но что̀ послѣ
Еще сказала, намъ пока темно.

КАССАНДРА.

Про смерть Агамемнона—я сказала!

ХОРЪ.

Уйми языкъ, несчастная, молчи!

КАССАНДРА.

Неотразимо всѐ! ничѣмъ! никѣмъ!

ХОРЪ.

Покамѣстъ нѣтъ еще и—да не будетъ!

КАССАНДРА.

Вы мо̀литесь, а тамъ убійство зрѣетъ!

ХОРЪ.

Кто жъ тотъ злодѣй, что̀ мыслитъ объ убійствѣ?

КАССАНДРА.

Несчастные, не поняли меня!

ХОРЪ.

Не знаемъ, кто жъ убійцей можетъ быть!

КАССАНДРА.

А вѣдь на вашемъ языкѣ сказала!

ХОРЪ.

И Фебовыхъ пророчествъ теменъ смыслъ!

КАССАНДРА *(опять возбужденная ... слѣдними словами хора).*

Ахъ!.. точно все горитъ во мнѣ... вся грудь...
Фебъ! Аполлонъ! да пощади же ты!
(Быстро указывая на дворецъ)
Двуногая та львица, что спала—
Когда былъ левъ далеко—съ волкомъ,—жребій
И мой рѣшитъ! Къ закоренѣлой злобѣ,
Какъ будто составляя ядъ, мѣшаетъ
Еще мнѣ месть и, ножъ точа на мужа,
Безстыдно хвалится, что умереть
Изъ-за меня онъ долженъ!.. О, къ чему
Онъ мнѣ теперь, мой жезлъ, моя повязка—
Прочь, прочь! сама его ломаю! прочь!

(Ломаетъ и бросаетъ жезлъ, вѣтвь лавра).

Повязка роковая, прочь! погибни!
Пускай другой достанется ихъ сила
Проклятая!.. На, Аполлонъ, иди,
Возьми назадъ мой жреческій покровъ!

(Кидаетъ мантію).

Ты самъ, своими видѣлъ ты глазами,
Какъ надо мной, въ одеждахъ этихъ, въ Троѣ—
Безумные!—свои же насмѣхались!
Ругали, какъ врага, ехидной нищей,
Обманщицей—голодную меня,
Несчастную, отвергнутую всѣми!
И наконецъ, всевидящій, меня
Всевидѣньемъ своимъ самъ одарившій—
Ведетъ теперь на смерть! Отъ алтарей
Отеческихъ ведетъ подъ ножъ убійцы,
Въ чужомъ краю!.. И все жъ тутъ не конецъ.
Пролитой крови—и за насъ опять
Придетъ и будетъ мстить еще другой,
И матереубійствомъ онъ отвѣтитъ

На смерть отца!.. Скиталецъ возвратится,—
И только онъ—одинъ—конецъ положитъ
Проклятью, что̀ лежитъ на всемъ ихъ родѣ:
Такъ боги поклялися — смерть отца
Ему откроетъ въ Аргосъ путь *)...
Но что̀ же!
Чего стою я здѣсь? Чего я плачу!
Я видѣла погибель Иліона;
Теперь съ небесъ упасть готова кара
На побѣдителей!.. Чего жъ мнѣ медлить?
И мнѣ пора! Туда жъ со всѣми ими!

(Обращаясь къ воротамъ дворца)

Привѣтствую васъ, адскія врата!
Лишь объ одномъ молю: чтобы подъ вѣрнымъ
Мнѣ умереть ударомъ; чтобъ спокойно,
Покамѣстъ, тихо замирая, будетъ
Струиться кровь моя,—смежить глаза
Покорно мнѣ, безъ ропота, безъ стона...

(Сходитъ съ колесницы).

ХОРЪ.

Вотъ жребій-то!.. И вѣщій даръ при этомъ!
Зачѣмъ же, зная, что̀ тамъ ждетъ тебя,
Идешь ты къ нимъ, навстрѣчу лютой смерти,
Идешь сама, что̀ жертва на закланье?

КАССАНДРА.

Не избѣжать, друзья мои, судьбы!
Подходитъ время и—влечетъ меня!..

ХОРЪ.

Но для чего жъ его предупреждать?

КАССАНДРА.

Его избѣгнуть—тщетное старанье!

ХОРЪ.

Великій духъ—твоя погибель, дѣва!

КАССАНДРА.

Но есть вѣдь утѣшенье въ смерти!

---

*) Она разумѣетъ Ореста, сына Агамемнонова, котораго Клитемнестра, со своимъ любовникомъ Эгистомъ, удалила изъ Аргоса. Въ третьей части этой трилогіи Орестъ, преслѣдуемый фуріями, приходитъ въ Аѳины, и тутъ ареопагомъ, подъ вліяніемъ Паллады, полагается рѣшеніе о прекращеніи родовой мести, о чемъ здѣсь и пророчествуетъ Кассандра.

ХОРЪ.

Ахъ, тотъ, кто счастливъ—этого не скажетъ!

КАССАНДРА *(хочетъ итти ко дворцу).*

Пріамъ! Пріамъ! Одна съ тобой судьба
И всѣмъ твоимъ, тебя достойнымъ дѣтямъ.

(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ ко дворцу, но возвращается назадъ въ ужасѣ).

ХОРЪ.

О, что жъ еще ее тамъ поразило?

КАССАНДРА *(съ отвращеніемъ).*

Ахъ...

ХОРЪ.

Что съ тобой? Опять ты вся дрожишь?

КАССАНДРА.

Не пересилю запахъ крови—тамъ!

ХОРЪ.

Быть-можетъ, чадъ отъ жертвоприношеній?

КАССАНДРА.

Нѣтъ, тлѣнья, тлѣнья духъ, какъ изъ могилы!

ХОРЪ.

Увы! не сирскихъ ароматовъ запахъ!

КАССАНДРА *(дѣлая надъ собою усиліе).*

Иди! И тамъ наплакаться успѣешь
Еще о немъ и о себѣ... Иди!..

(Къ хору)

Довольно жить. Прощайте. Я дрожу,—
Но не какъ птичка передъ шумомъ листьевъ:
Вы это вспомните—уже тогда,
Когда давно въ землѣ лежать я буду,
Когда за кровь мою падетъ—другая,
За Агамемнона—другой... И это—
Привѣтъ мой за твое гостепріимство
И мой прощальный даръ, о, домъ Атридовъ!

(Поднимается по лѣстницѣ дворца).

ХОРЪ.

Ты намъ терзаешь сердце, чужестранка!

КАССАНДРА *(взойдя на лѣстницу).*

Къ тебѣ теперь послѣднее воззванье,
О, Аполлонъ! Послѣднимъ заклинаю
Тебя лучомъ, который вижу,—сдѣлай,
Что такъ же бы легко мой мститель могъ
Моимъ убійцамъ отомстить, какъ имъ
Меня убить достанется—рабу
Ничтожную и слабую... О, жизнь,
Жизнь человѣческая! Счастливъ ты?
Тѣнь мимолетная найдетъ, и счастья
Ужъ нѣтъ!.. Несчастливъ?—вмигъ—прикосновенье
Лишь влажной губки—и исчезъ твой образъ—
И это, можетъ-быть, всего ужаснѣй!

(Входитъ во дворецъ).

1874.

Оглавленіе

III тома.

	стр.
Поэмы: Олинеъ и Эсеирь. Римскія сцены временъ V вѣка	3
Двѣ судьбы. Быль	31
Машенька	71
Три смерти. Лирическая драма.	107
Смерть Люція. Вторая часть лирической драмы „Три смерти“ . .	124
Странникъ	163
Сны. Поэма въ четырехъ пѣсняхъ	187
Изъ Апокалипсиса	203
Бальдуръ. Пѣснь о солнцѣ, по сказаніямъ Скандинавской Эдды . .	211
Пульчинелль	227
Княжна***. Трагедія въ октавахъ	236
Кассандра. Сцены изъ Эсхиловой трагедіи „Агамемнонъ“	264